Чойжилжавын Чойсамба

Завоевательные походы БАТУ-ХАНА

Чойжилжавын Чойсамба
ЗАВОЕВАТЕЛЬНЫЕ ПОХОДЫ БАТУ-ХАНА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга монгольского журналиста содержит красочное описание татаро-монгольских завоеваний в первой половине XIII в. В исторической памяти русского народа и других народов, подвергшихся монгольскому завоеванию, походы Батыя сохранились как катастрофическое бедствие, принесшее смерть и страдания сотням тысяч людей, сопровождавшееся разрушением городов и уничтожением культурных ценностей. Но это, так сказать, взгляд со стороны «потерпевших». Книга Чойсамбы выражает взгляд на эти события со стороны современных потомков давних победителей.

- Оглавление
  -
  - Предисловие к русскому изданию
  - Предисловие первого редактора монгольского издания
  - Предисловие второго редактора монгольского издания Чингис-хан, Бату-хан и семь великих полководцев мира
  - Предисловие автора к русскому изданию
  - Пролог. О монгольских завоеваниях
    -
    - Калка (31 мая 1223 г.)
    - Война с половцами, башкирами и булгарами (1229–1232 гг.)
    - Монголы в быту и в бою
  - Часть первая Первый поход: Покорение Северо-Восточной Руси
    - Подготовка к великому походу (1235 г.)
    - К вопросу о численности войск Бату-хана
    - Завоевание Приволжской Булгарии (1236–1237 гг.)
    - Гибель Рязани (1237 г.)
    - Евпатий Неистовый (1238 г.)
    - Сражение при Коломне (1238 г.)
    - Падение стольного града Владимира (3–7 февраля 1238 г.)
    - Месяц февраль (1238 г.)
    - Сеча на реке Сити (4 марта 1238 г.)
    - Торжок (1238 г.)
    - Меркурий Смоленский (1238 г.)

        - «Злой город» (1238 г.)
        - В половецких степях (1238–1239 гг.)
    - Часть вторая. Завоевание Южной Руси и вторжение в Восточную и Центральную Европу
        - Начало второго похода (1239 г.)
        - Нападение на Южную Русь и Крым (1239–1240 гг.)
        - Гибель Киева (1240 г.)
        - Завоевание Южной Руси (1240 г.)
        - Вторжение в Восточную Европу (1241 г.)
        - Битва при Легнице (9 апреля 1241 г.)
        - Сражение на реке Сайо (11 апреля 1241 г.)
        - Возвращение (1242 г.)
        - Почему Бату-хан повернул назад?
        - Значение и последствия завоевательных походов Бату-хана
    - Вместо послесловия
    - Хронология
    - Библиография
        - На русском языке
        - На других языках
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22

- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66

- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110

- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154

- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198

- 199
- 200
- 201
- 202
- 203
- 204
- 205
- 206
- 207
- 208
- 209
- 210
- 211
- 212
- 213
- 214
- 215
- 216
- 217
- 218
- 219
- 220
- 221
- 222
- 223

Оглавление

Чойжилжавын Чойсамба
Завоевательные походы Бату-хана

Чойжилжавын Чойсамба

БАТ ХААНЫ
БАЙЛДАН ДАГУУЛАЛ

Хянан шуусэн:
Ж. БОЛДБААТАР
Ж. ЭНХБАЯР

Улаанбаатар
2003

Предисловие к русскому изданию

Книга монгольского журналиста Ч. Чойсамбы «Завоевательные походы Бату-хана» содержит красочное описание татаро-монгольских завоеваний в первой половине XIII в. Основное внимание автор уделяет походу хана Батыя на Русь и Западную Европу, подробно описывая разгром удельных княжеств Руси, гибель русских городов — Рязани, Владимира, Коломны, Козельска, Москвы, Киева, вторжение монголов в Польшу, Венгрию, Чехию, Австрию. Лишь известие о смерти великого хана Угедея, полученное Батыем в начале 1242 г., заставило его, по мнению автора, отказаться от завоевания Италии, Франции, Германии и повернуть свое войско назад. Европа была спасена.

С точки зрения исторической науки, книга Чойсамбы ничего не добавляет к тому, что известно о монгольских завоеваниях. Тем не менее, она может представлять интерес для русского читателя, знакомя его со взглядом современных монголов на собственную историю. В исторической памяти русского народа и других народов, подвергшихся монгольскому завоеванию, походы Батыя сохранились как катастрофическое бедствие, принесшее смерть и страдания сотням тысяч людей, сопровождавшееся разрушением городов и уничтожением культурных ценностей. Для Руси эти походы означали установление на два с лишним столетия чужеземного ига, изменившего вектор ее естественного развития. Работы русских и зарубежных историков, в общем, подтверждали именно такое представление о татаро-монгольском нашествии. Поэтому Куликовская битва 1380 г. занимает в памяти русского народа выдающееся место: здесь впервые Русь одолела Орду в открытом столкновении.

Но это, так сказать, взгляд со стороны «потерпевших». Книга Чойсамбы выражает взгляд на эти события со стороны современных потомков давних победителей.

Если охарактеризовать книгу монгольского журналиста в самом общем виде, то можно сказать: это — восторженная хвалебная песнь в честь Батыя и его завоеваний. Чингис-хана и его внука Батыя автор неизменно величает «гениальными», «великими», «мудрыми» и т. п. Монгольские редакторы книги в этом отношении вполне солидарны с автором. «Бату-хан был гениальным и наиболее ярким представителем монгольского народа, сочетавшим в себе ум, талант и феноменальные способности и неукоснительно следовавшим заветам и традициям своих предков… Мы вступили в XXI век благодаря делам великого Чингисхана и его потомков, в частности, Бату-хана», — пишет

академик Ж. Болдбаатар (с. 13). Автор второго предисловия Ж. Энхбаяр сравнивает монгольских завоевателей с семью крупнейшими, по его мнению, полководцами мировой истории — Александром Македонским, Ганнибалом, Цезарем, шведским королем Карлом XII, Фридрихом Великим, А. В. Суворовым и Наполеоном Бонапартом, и доказывает, что по всем параметрам они уступают Чингис-хану и Батыю: «… семь великих полководцев мира завоевали на семерых территорию 6.900.000 кв. км… 7.770,000 кв. км были покорены только одним Чингис-ханом» (с. 24). Таким образом, приходит к выводу Энхбаяр, «ни один из „великолепной семерки“ полководцев не идет ни в какое сравнение с Чингисханом и Бату-ханом ни по площади покоренной территории, ни по устойчивости созданного государства, ни по следу, оставленному в истории» (с. 25).

Итак, не ученый, не философ, не законодатель или строитель был «наиболее ярким представителем монгольского народа», а завоеватель, и это весьма характерно. Правда, если достоинства полководца измерять количеством «завоеванных» кв. км, то к указанной семерке вполне можно было бы присоединить казацкого атамана Ермака Тимофеевича — «покорителя» Сибири.

Что ж, каждый народ вправе гордиться славными деяниями своих предков и хранить их в своей памяти. Память о прошлом — одна из важнейших, если не самая важная, опора национального самосознания. И с этой точки зрения было бы бессмысленно оспаривать оценки и восторги автора и его монгольских редакторов. Они, в свою очередь, должны согласиться с тем, что мы, русские, имеем право на собственную оценку и интерпретацию походов Чингис-хана и Батыя, которые могут отличаться от их собственных.

Однако кое с чем всё-таки поспорить можно, — в частности, с оценкой того значения, которое оказали походы монголов на развитие мировой цивилизации. «Мы… склонны считать, — пишет автор, — что по тому влиянию, которое монгольские завоевания оказали на всю последующую историю человечества, они сопоставимы с открытием Америки Христофором Колумбом в 1492 г. и Великой французской буржуазной революцией 1789 г.» (с. 29). Утверждения подобного рода чрезвычайно сомнительны, если не сказать больше. Открытие Америки и Великая французская революция, несмотря на сопровождавшие их жертвы, дали мощный импульс материальному и духовному развитию, по крайней мере, Европы. Что же касается монгольских завоеваний, то картина, нарисованная в книге, дает основания для того, чтобы отвергнуть это сомнительное сопоставление.

«Для монголов XIII в. грабеж был одной из главных причин,

заставлявших их отправляться в походы, — пишет автор. — И каждый из них со всей четкостью понимал, что цена этому грабежу — его собственная голова. Иными словами, отправляясь на чужбину, каждый кочевник рисковал своей жизнью. Так как победитель грабит, а побежденный подвергается грабежу, то и монгол грабил китайцев, русских, персов, арабов и другие народы. И ни у кого нет права обвинять монголов XIII в. в с свершении грабежей. Монголы XIII в. были рождены для покорения мира и человечества, а Чингис-хан и его потомки — быть их предводителями и вождями. И по сей день не много народов, оставивших такой неизгладимый след в истории человеческой цивилизации» (сс. 36–37). Следовало бы добавить: «такой кровавый след». Да, этот кочевой народ создал военную машину, которой не смогли противостоять окружающие земледельческие народы. Его полководцы умело использовали эту машину для покорения и ограбления соседей. Однако нынешние русские или китайцы едва ли поймут восторги автора, так описывающего деяния своих предков-грабителей:

«Уход монгольских войск (из Западной Европы. — *Ю.Н.)* сопровождался разрушениями и грабежами. Монголы предавали огню и мечу встречные города и населенные пункты, не тронутые войной, а их жителей, в особенности умельцев, молодых женщин и сильных мужчин, обращали в рабство. В бесчисленных повозках везли победители военную добычу. Кочевники двигались на восток, в привольные половецкие степи. Так завершался великий западный поход, продолжавшийся целых семь лет. Сколько крови пролилось за это время, сколько человеческих жизней унесла война, сколько разрушений принесла она человечеству, скольким народам причинила она горе и несчастье?» (с. 136).

Я думаю, книга Ч. Чойсамбы будет полезна русскому читателю. Она напомнит ему о том, как много горя и страданий причинило татаро-монгольское нашествие нашим предкам. С другой стороны, она поможет получить представление о том, каким образом воспринимаются деяния Чингис-хана и Батыя интеллигенцией современной Монголии. Наконец, она предостережет его от благодушия по отношению к тем этническим общностям, которые ныне в порыве националистического безумия громко кричат о былых притеснениях со стороны России.

Ю.А… Никифоров, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

Предисловие первого редактора монгольского издания

В настоящее время мы предпринимаем попытки обновить теорию и методологию историографии Монголии. Говоря о пересмотре традиционных взглядов на историю, мы имеем в виду критическое отношение к теории и методологии. Об инновации историографии и речи быть не может, потому что история остаётся историей. Начиная с конца 1980-х-начала 1990-х гг., ознаменовавшихся пробуждением национального самосознания, не только историки, но и представители различных специальностей стали проявлять интерес к своей собственной истории и выпускать исследовательские и другие работы. Конечно, мы не ставим в вину то, что человек находит применение своему естественному праву и выражает своё мнение письменно, однако не всякий может и умеет писать историю. История — это специальность, требующая определенной квалификации. Именно в силу этого любители истории должны предъявлять свои творения на суд историка-специалиста. Пожалуй, не только любитель, но и историк должен выслушать советы и наставления более маститого коллеги. Это закон творческого, интеллектуального мира. Каждый человек, желающий войти в этот мир, должен соблюдать этот закон.

Одним из них является журналист, кандидат журналистики (Ph.D.) Чойжилжавын Чойсамба. Он завершил свое собственное исследование — «Завоевательные походы Бату-хана» — и представил его мне на ареопаг. В своей работе автор использовал источники, монографии и работы на русском, монгольском и английском языках. Его творческие изыскания делают честь ему самому и его произведению. Выводы, к которым пришёл он в ходе анализа исторических фактов и данных, выдерживают критику с позиций современной историографии. Конечно, в некоторых местах я не согласен с автором и придерживаюсь другого мнения, однако я отношусь с уважением к праву автора на собственную точку зрения. Бы, мудрый читатель, и без этого сумеете оценить эту книгу по достоинству, поэтому я ограничусь сделанным замечанием. Но, подводя итог, замечу, что книга представляет собой интересное и образцовое исследование.

Скажу несколько слов о Бату-хане. Бату-хан являлся вторым сыном старшего сына Чингис-хана — Джучи. Он появился на свет в конце 1208 г. в то время его родители находились в расцвете сил.

Когда Бату, детство которого протекло при его великом деде, гениальном Чингис-хане, достиг совершеннолетия, он сумел многому научиться у деда. Бату унаследовал от воинственного Чингис-хана его выдающийся ум и полководческие способности. Когда великий хан вознёсся на небеса, Бату, принимавший участие в нескольких сражениях, уже сумел проявить отвагу, смелость и расторопность и завоевать любовь и уважение.

Так как Бату во времена царствования дяди Угедея показал себя знающим полководцем, в 1235 г. он был назначен главнокомандующим войск, отправляющихся на завоевание Руси и европейских стран, Именно с этого времени слава Бату как полководца прогремела по всему миру. Он напоил монгольских лошадей водами великого Дуная, наложив их копытами печать на всю Европу, и стал вторым представителем монгольского народа, дерзнувшим пригрозить самому Риму.

Одним из аспектов, который должен быть обязательно упомянут при освещении не только завоевательных походов Бату-хана, но и монгольских завоеваний вообще, является символ войска. Победы монгольских войск немыслимы без девятихвостого знамени. Во все исторические эпохи знамя армии являлась ангелом-хранителем, ведущим её к викториям. Разве можно представить победы римлян без легионного орла, арабов — без зелёного знамени, а французских войск — без триколора? Мы со всем основанием имеем право сказать, что в XIII в. чёрное девятихвостое знамя вело монгольские войска к победам Попутно отметим, что исследователь истории монгольской армии генерал-лейтенант Ш. Жадамба сделал важнейший шаг к восстановлению и почитанию традиции, возродив Всеармейское чёрное знамя, Белое парадное воинское знамя, а также знамена различных воинских частей и подразделений.

Бату-хан остался в истории крупнейшим деятелем, искусным в воинских и административных делах, проявлявшим заботу о своих подданных. Бату-хан значительно расширил границы созданного его отцом Джучиева улуса, преобразовав его в государство Золотой Орды и заложил основы его развития и процветания. Дж дель Плано Карпини отмечал: «А этот Бату наиболее могуществен по сравнению со всеми князьями татар, за исключением императора [Мунке — Ч. Ч.], которому он обязан повиноваться». Бату-хан был гениальным и наиболее ярким представителем монгольского народа, сочетавшим в себе ум, талант и феноменальные способности и неукоснительно следовавшим заветам и традициям своих предков. Именно поэтому он прославился в народе как «Саин-хан», то есть Великолепный правитель.

Дорогой читатель, прочитав книгу Ч. Чойсамбы «Завоевательные походы Бату-хана», Вы откроете для себя нового Бату-хана, невольно восхищаясь его умом и силой гения. Сегодня мы, монголы, существуем между двумя нашими великими соседами, храня и свято чтя многовековые традиции кочевой цивилизации. Мы вступили в XXI век, благодаря делам великого Чингис-хана и его потомков, в частности, Бату-хана. Я желаю моему младшему собрату Ч. Чойсамбе творческих успехов и крепкого здоровья.

Академик Ж. Болдбаатар

Предисловие второго редактора монгольского издания Чингис-хан, Бату-хан и семь великих полководцев мира

Как истинный монгол, родившийся в сердце Азии, я интересуюсь и по мере своих скромных возможностей изучаю богатую событиями историю своего народа. XIII столетие явилось для монголов тем редким, знаменательным отрезком времени, когда мы невольно стали творцами истории вселенной. Такие отрезки времени выпадают на долю избранным нациям, пожалуй, лишь раз в её истории. Монголы не только создали собственное, централизованное государство, но сумели раздвинуть его границы до немыслимых рубежей. Центральная Азия, по которой испокон веков кочевали наши исторические предки, стала слишком мала для монголов, и, верхом на коне, они дерзнули покорить почти весь Евразийский континент, главный очаг человеческой цивилизации.

В последние годы проведено немало исследований, проливающих свет на этот период монгольской истории. Однако предлагаемое Вашему вниманию исследование молодого учёного Чойжилжавын Чойсамбы «Завоевательные походы Бату-хана», отличается тем, что опирается на богатый фактологический материал и выдвигает ряд новых с точки зрения традиционной историографии идей. Гордостью за историю своего народа пронизана вся книга. С первых же страниц Уважаемый Читатель будет погружен в грандиозные события, потрясавшие вселенную несколько веков тому назад. Я уверен, что Читатель получит большое эстетическое удовольствие от чтения.

Знать свою историю, изучать её, гордиться ею — долг каждого гражданина. Хочу выразить глубокую благодарность Ч. Чойсамбе, который своей работой отдал дань векам. Как редактор монгольского издания считаю большой честью написать предисловие, в котором я попытаюсь сравнить Чингис-хана и Бату-хана, оставивших в истории монгольского народа золотой след, и величайших полководцев мира.

Думаю, не слишком ошибусь, если скажу, что история человечества, в особенности, политическая история, есть история бесконечных войн и конфликтов. Люди постоянно враждовали между собой за обладание плодородными землями, богатыми дичью, лесами и полями, обильными рыбой озёрами и реками. По

мере ужесточения соперничества совершенствовались орудия и способы борьбы. И даже сегодня, в XXI столетии, в эпоху глобализации и мирового сообщества, на разных концах нашей планеты не утихают вооружённые конфликты, уносящие жизнь людей. Пожалуй, война неизбежна, если на земле существуют хотя бы два человека…

Вся история человечества соткана из множества войн, кризисов и столкновений. Одни народы покоряли другие, одни государства захватывали другие. В результате войн и восстаний возникали новые государства, а старые прекращали своё существование. Одно государство переживало подъём, а другое приходило в упадок. Все эти процессы невольно напоминают мир животных. Учёные подсчитали, что со времени появления человека на Земле лишь 292 года прошли без войн. Весь остальной период существования человечества был наполнен войнами и вооружёнными столкновениями. За последние 5500 лет произошло 15 тысяч войн локального и глобального характера, в результате чего погибли 3,5 миллиарда человек.

Все эти бесконечные войны породили множество полководцев, оставивших след в истории. Однако лишь малая часть их своими делами сумела повлиять на дальнейшую мировую историю. Так кто же они? Никто, наверно, не будет оспаривать титул величайшего полководца у элитарной плеяды. Их знает и признаёт весь мир.

Македонский царь Александр, карфагенский полководец Ганнибал, римский военачальник Гай Юлий Цезарь, шведский король Карл Двенадцатый, прусский король Фридрих Второй Гогенцоллерн, русский генералиссимус Александр Суворов, французский император Наполеон Первый Бонапарт… Имена этих семи полководцев, подобно Большой медведице, горящей на небосклоне, и по сей день продолжают поражать наши умы Все они относятся к тем баловням судьбы, которые рождаются раз в несколько столетий.

Бесценна роль и значение полководца в любой войне. По этому поводу Наполеон писал:

> «Не римские легионеры, но Цезарь покорил галлов. Не карфагенское войско, но Ганнибал нагнал страх на римлян. Македонская фаланга не дошла бы до Индии, если бы не Александр. Только Тюренн мог дойти до Везера и Инна. Прусское войско не смогло бы семь лет оборонять Пруссию четырёх самых могущественных держав Европы, если бы не Фридрих Великий» Действительно, стоит задуматься над этими словами

> Какова, однако, цена гению полководца, если его армия слабо организована и небоеспособна? Представим, чего добился бы Александр во главе персидской армии эпохи Дария Третьего или же сам Наполеон, командуя неаполитанской армией? Исходя из вышесказанного, можно с уверенностью заявить, что «Гениальный полководец + Боеспособная армия = Победа».

С другой стороны, известный немецкий военный деятель и теоретик А. Шлиффен, досконально изучив все подробности битвы при Каннах, сделал вывод, что такая ошеломляющая победа стала возможной лишь благодаря «гению Ганнибала и бездарности Варрона» Опять же попробуем представить, состоялась бы победа Ганнибала при Каннах, если бы римскими легионами руководил не бесталанный Теренций Варрон, а Гай Юлий Цезарь? К сожалению, никто не сможет дать удовлетворяющий всех ответ на этот вопрос.

Поэтому, какой бы поразительной ни была мысль Наполеона, мы не можем принять её без оговорок.

Итак, кто такие Чингис хан и его внук Бату-хан, о котором пойдёт речь в этой книге, по сравнению с великими полководцами мира? Или, сформулируем вопрос по-другому. Кто такие семь великих полководцев мира по сравнению с Чингис-ханом и Бату-ханом?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к историческим фактам.

Македонский царь Александр (356–323 гг. до н. э.) по праву считается первым завоевателем мира. Монголы называли его Сульхарнаем. Какой смертный не посмеет склонить голову перед великими делами, которые совершил этот сверхчеловек, будучи совсем молодым? Судьба властителя крошечной, затерянной где-то на Балканах Македонии, которую трудно найти на географической карте, фантастична. Будучи подростком, Александр сумел укротить буйного коня Буцефала, с которым не могли справиться даже самые бывалые солдаты. Расстроганный царь Филипп со слезами радости на глазах обнял сына и сказал ему: «Сын мой! Македония слишком мала для тебя Ищи для себя достойное царство». Впоследствии Александр, получив очередную весть о победе своего отца, досадовал: «Отец завоюет всё, ничего не оставив для меня».

Ученик величайшего мыслителя древности Аристотеля. Александр сам был человеком оригинального склада ума. Он любил говорить: «Благодаря Филиппу я существую Благодаря же Аристотелю я существую достойно». В 20 лет Александр

организовал заговор против собственного царственного отца, закончившийся иго свержением и убийством. Заняв македонский престол, он завершил подготовку похода в Азию, начатую его отиом. Под его рукой была самая совершенная армия, какую до тех пор знало человечество. В этом была несомненная заслуга Филиппа, который был инициатором и «крёстным отцом» знаменитой македонской фаланги. Однако Александр как истинный полководец сумел «приручить» эту армию, как некогда Буцефала, и повести её навстречу победам, которых не видал свет.

Семь лет длился грандиозный поход, в рузультате которого Александр, не потерпев ни одного поражения, покорил Малую Азию, Сирию, Финикию. Египет, Персию, Афганистан и Северную Индию. Позже, уже будучи повелителем не иначе как мира, Александр, прочитав у Демокрита о существовании множества миров, с горечью воскликнул: «А я не повелеваю даже этим». Гениальный завоеватель скончался в возрасте 33 лет в Вавилоне, столице его империи. Когда Александр расставался с жизнью, в соседней комнате бранились его боевые товарищи, деля между собой государство, собранное им по крохам. Даже после смерти Александра его труп в течение трёх дней лежал на золотой кровати и вздувал от жары: некому было похоронить его. Тут же его империя была поделена между Птолемеем, Селевком и Антигоном, основавшим собственные династии.

Ганнибал (246–183 гг. до н. э.) не уступал по военным дарованиям Александру, но он не был завоевателем. Ещё будучи ребёнком, он поклялся посвятить всю свою жизнь борьбе с Римом — заклятым врагом Карфагена. Оба города много лет враждовали между собой за власть в Средиземноморье. Ганнибал был верен своей клятве до последнего дня. С тех пор клятву верности идее называют Ганнибаловой.

В чём же заключается гений Ганнибала? Вдали от родины, от военных баз на протяжении 17 лет он воевал с самой могущественной державой того времени — Римской республикой — на её же собственной территории и неоднократно наносил чувствительные поражения римлянам, наводя животный страх на Его Величество Вечный город.

Римляне не верили своим ушам, когда пронёсся слух о том, что Ганнибал со своими боевыми слонами перешёл через Альпы. На италийской земле он не потерпел ни одного поражения и когда после феерической победы при Каннах карфагенская армия подошла к стенам Рима, город охватил неописуемый страх. С тех пор и появилась поговорка «Ганнибал у ворот!», когда панический страх доводит людей почти до сумашествия. Однако Ганнибал не

имел достаточных сил, чтобы осадить и захватить хорошо укреплённый и приспособленный к долгой осаде многолюдный город-крепость. Это понимал только Ганнибал, так же как Наполеон в Бородинской битве, сберегая свою гвардию, несмотря на уговоры маршалов пустить последний резерв в бой.

Несмотря на тяжёлые поражения, обладавший неистощимым военно-экономическим потенциалом Рим сделал гениальный ход конём: Рим высадил десант под стенами самого Карфагена За всё время пребывания на Апеннинском полуострове не получивший ни одной мало-мальской помощи от родного города Ганнибал был вынужден спешить на помощь отечеству. По иронии судьбы, на родной земле, в сражении при Заме Ганнибал впервые потерпел поражение от своих заклятых врагов. Однако он остался верен своей клятве. Не имея ни солдат, ни оружия, Ганнибал воевал с Римом силой своего непоколебимого духа, хотя всю оставшую жизнь был вынужден бежать и скрываться от римлян Его кончина трагична Нашедший укрытие у армянского царя, Ганнибал был окружён в своём доме римскими легионерами. Чтобы не попасть в их руки живым. Ганнибал принял яд, сказав перед этим «Рим боится одного старика. Нужно избавить римлян от такого позора».

Жизнь одного из величайших римлян Гая Юлия Цезаря (100-44 гг. до н. э.) стала легендой. Ему было 33 года, когда он стал квестором одной из римских провинций в Испании Объезжая по долгу службы испанские города, Цезарь увидел в Кадиксе статую Александра и воскликнул с горечью: «В моём возрасте Александр был повелителем мира, а у меня нет ничего, кроме долгов». Однако слава и почести лишь ждали Цезаря. Назначенный наместником одной из приграничных галльских провинций, он сумел завоевать всю Галлию, показав себя при этом выдающимся полководцем и способным администратором. Однажды Цезарь отважился на дерзкий по смелости поступок. Переодевшись в галльское платье, он пробрался через ряды варваров и благополучно достиг своего легиона, окружённого врагами. Галльская война принесла Цезарю славу, богатство, признание, а самое главное — закалённую в боях армию, готовую идти в огонь и воду вслед за своим главнокомандующим С этой самой армией Цезарь перешёл тогдашнюю границу между Галлией и Италией — реку Рубикон, начав тем самым гражданскую войну в Римской империи. По преданию, Цезарь долго терзался сомнениями, но потом вдруг воскликнул: «Жребий брошен!» и отдал приказ своим легионам переправляться через Рубикон Сейчас выражение «Перейти Рубикон» означает принять бесповоротное и принципиально важное решение.

Четыре года Цезарь сражался с врагами на трёх континентах — в Европе. Азии и Африке — и победоносно завершил войну «за неимением противника». Итогом гражданской войны в Римской империи явилось установление единоличной диктатуры Цезаря. Однако ему не суждено было надеть на голову корону. Против Цезаря был организован заговор, и 15 марта 44 г. до н. э. диктатор был убит перед зданием римского сената, получив 23 ножевые раны Разгорелась новая гражданская война, закончившаяся победой приёмного сына Цезаря — Октавиана Августа, первого римского императора. Не случайно русское слово «царь» и немецкое «кайзер» происходят от имени Цезаря.

Шведский король Карл Двенадцатый (1682–1718) уже в юном возрасте показал себя способным военачальником. Отправившись в свой первый поход, он высадился со своими войсками близ столицы Дании Копенгагена. Датчане встретили молодого короля градом пуль. Карл, которому ранее не доводилось слушать свист пуль, спросил у шедшего рядом офицера: «Что это жужжит?», на что тот ответил: «Государь, это свистят пули. Враг стреляет в ваше величество». Карл хладнокровно ответил: «Ба! Пусть этот свист впредь будет моей походной музыкой». 18-летний король в зимнюю морозную стужу, когда даже медведь не высовывался из берлоги, отважился отправиться в очередной поход и в 1700 г. под Нарвой нанёс чувствительное поражение русской армии, втрое превосходящей шведов.

Некоторые исследователи уверяют, что Карл как полководец не дотягивает до своего предка Густава Второго Адольфа. Ведь, как они утверждают, только Густаву Второму Адольфу принадлежит заслуга того, что Швеция к XVIII в. превратилась в мировую державу. Ведь именно он реорганизовал шведскую армию, которая стяжала лавры победы на полях Тридцатилетней войны. Они же заверяют, что как тактик Карл не внёс ничего нового в военную науку, Да, это действительно так Однако не Густав Второй Адольф, а Карл получил мировое признание как полководец.

В знаменитой Северной войне, длившейся 21 год, Карл поначалу одержал ряд побед над Данией, Речью Посполитой и Россией, действуя как идеальный стратег Однако союзники имели подавляющее военно-экономическое преимущество, и Карл, потерпев в 1709 г. под Полтавой сокрушительное поражение от русских войск, бежал в Турцию. С тех пор королю-воителю не довелось ступить на родную землю, и он погиб под стенами маленькой норвежской крепости Фредриксхаль (Хальден) в 1718 г., сражённый шальной пулей. Заслуга Карла Двенадцатого перед историей состоит в том, что, командуя немногочисленной

армией, с крайне ограниченными людскими, финансовыми и экономическими ресурсами, он на протяжении нескольких лет являлся грозой для ряда европейских государств.

Прусский король Фридрих Второй (1712–1786) знаменит тем, что превратил своё королевство в огромный военный лагерь Две трети годового бюджета королевства тратились на нужды армии. Фридрих, в юности посаженный в тюрьму неграмотным отцом за чтение книг, хотя и стал просвещённым правителем, вкусившим плоды Просвещения, не находил себе места в мирное время. За время его правления, которое длилось ни мало, ни много целых 46 лет, Пруссия, являвшаяся самым крупным германским государством, увеличила свою территорию в два раза.

Однако Фридрих изведал не только радость побед, но и горечь поражений. Был случай, когда потерпевший сокрушительное поражение от австрийских войск Фридрих спасался бегством в одной ночной рубашке. В Семилетнюю войну (1756–1763 гг.) Фридрих также неоднократно был бит русскими войсками, ставшими кошмаром для пруссаков. Под ударами русской армии воинственный король был вынужден отдать свою столицу Берлин.

Самое страшное поражение Фридрих понёс в сражении у деревни Кунерсдорф, после чего даже подумывал о само убийстве, горько сожалея о том, что остался в живых. Если французский король Франциск Второй, после поражения под Павией попав в плен к своему заклятому врагу — испанскому королю Карлу Первому, — имел счастье написать своей матери, что «всё потеряно, кроме чести», то Фридрих потерял даже честь. Когда встал вопрос быть или не быть Пруссии, дело приняло неожиданный оборот, какого даже не бывает в сказках. В далёкой России скончалась императрица Елизавета Петровна и на престол взошёл Пётр Третий (Карл Петр Ульрих), буквально боготворивший Фридриха и раболепствующий перед ним Пётр, любивший щеголяться в прусском военном мундире и носивший перстень с изображением Фридриха, не только заключил мир со своим кумиром, но и стал его союзником, попросив за это генеральские эполеты прусской армии. Фридрих, как птица Феникс, восстал из пепла и сумел довести войну до успешного конца.

Фридрих, выступивший зачинщиком двух общеевропейских, кровопролитных войн, любил говаривать:

«Если вам нравится чужая провинция и у вас достаточно сил чтобы захватить её, немедля приступайте к делу. Потому что после этого у вас всегда найдутся юристы, которые докажут, что вы имеете все законные права на занятую территорию».

Воинственный в силу своей природы, он однажды с иронией заметил: «Вечный мир возможен только на кладбище», что имеет глубокий смысл. Из всех великих полководцев мира лишь Фридриху довелось заканчивать свои дни в мире и спокойствии и оставить своему наследнику относительно стабильное государство.

Александр Васильевич Суворов (1730–1800) по праву считается гениальным русским полководцем. Поступив на военную службу в 16 лет, он всегда с готовностью брался за самое трудное задание и сам просил вышестоящих лиц об этом. Кто-то считал это ненормальным, но сам Суворов говорил: «Чтобы приказывать другим, надо сперва самому научиться выполнять приказы». Александр Васильевич получил свой первый офицерский чин в 26 лет, в возрасте, когда его сверстники, имевшие различные влиятельные связи, уже ходили в генералах. Однако, настал тот час, военный гений Суворова предстал во всей своей красе.

Впервые Александр Васильевич проявил себя отважным, смекалистым офицером в Семилетней войне. В 1773 г. во время Русско-турецкой войны генерал-майор Суворов, нарушив приказ главнокомандующего, фельдмаршала П. А. Румянцева, перешёл Дунай и близ Туртукая нанёс поражение туркам. Разгневанный Румянцев отдал Суворова под военный суд и потребовал для него смертной казни. Однако императрица Екатерина Вторая, заявив «Победителя не судят», не только отменила смертную казнь, но и наградила Суворова орденом Святого Георгия.

Спустя несколько лет Суворов применил свой знаменитый принцип «Воюй не числом, а уменьем» и нанёс превосходящим силам противника ряд тяжёлых ударов. В сражении при Кинбурне армия Суворова противостояла турецкой армии, превосходящей русских по численности в два раза. Генерал был ранен. Однако, когда после сражения к нему пришёл врач, то нашел Суворова играющим в шахматы со своим адъютантом.

В 1794 г. Суворов был назначен главнокомандующим русской армией, направленной на подавление польского восстания за государственную независимость и территориальную целостность Суворов одержал ряд побед над поляками и занял Варшаву, после чего рапортовал своей государыне Екатерине: «Война окончена. Польша покорена. Восставшие сдались» Не напоминают ли эти три предложения знаменитую фразу Цезаря «Пришёл. Увидел. Победил»? Суворов был обласкан императрицей и получил множество наград. Но фельдмаршальский жезл больше всего растрогал и обрадовал полководца.

В 1799 г. Суворов отправился в свой последний поход —

против революционной Франции. Союзники русских австрийцы не поспевали за темпами наступления Суворова и буквально падали с ног. Когда суворовские чудо-богатыри нанесли ряд поражений французам на полях Италии, австрийский император, обеспокоенный усилением союзника, стал проводить двойную политику. В результате в швейцарских горах Суворову пришлось выступить одному против французских войск. Но Суворов не был бы Суворовым, если бы не вышел с честью из тяжёлого положения, даже ценой непомерных потерь Разгневанный вероломством союзников русский император Павел Первый отозвал своего полководца. За непревзойдённое военное искусство и мастерство Суворов получил от благодарного государя высшее воинское звание генералиссимуса.

Жизнь Наполеона Бонапарта (1769–1821) удивительна и сверхъестественна. Родившись на острове Корсика в семье небогатого дворянина, он в младенчестве поступил в военную школу в Бриенне (Франция). Отсутствие влиятельных родственников и связей обрекало его на обычную, рутинную жизнь военного. Однако Великая французская революция, начало которой положило взятие восставшим народом Бастилии в 1789 г., все изменила. Отныне для смелого, талантливого, способного и даже изворотливого человека были открыты все двери; он мог в одночасье сделать карьеру. Одним из ним, несомненно, являлся Наполеон.

В 1793 г. Наполеон проявил недюжинные способности при взятии контрреволюционного гнезда — Тулона, где осели роялисты и англичане, и был произведён в бригадные генералы. Ему было всего 24 года, но в революционной Франции было немало способных военачальников, получивших генеральские эполеты совсем молодыми. Однако корсиканцу благоволила сама Госпожа Удача. Назначенный в 1796 г. главнокомандующим Итальянской армией, он за два года сумел нанести ряд поражений сардинским и австрийским войскам, воевавшим против Франции, и заставить их подписать мир на выгодных для его родины условиях. В 1799 г. Наполеон совершил государственный переворот, вошедший в историю как Восемнадцатое брюмера, и захватил власть. Спустя пять лет он был провозглашён императором французов, причём сам Римский папа специально приехал из Вечного города, чтобы возложить корону на его августейшую голову. Войны, известные как наполеоновские, велись в 1800 г… 1805–1815 гг. К 1809 г. императорствующий генерал подчинил своей воле почти всю Западную и Центральную Европу, и на карте появилась империя, равной которой не было со времён римских императоров.

Гениальный стратег и инноватор Наполеон благодаря реорганизации создал боеспособнейшую и сильнейшую армию в мире, с триумфом входившей во все столицы континентальной Европы.

Однако многолетняя война против всей Европы должна была когда-нибудь сказаться на материальных и людских ресурсах Франции. Да и революционный дух и энтузиазм армии должен был истощиться. Этот кризис пришёлся на 1809–1811 гг., когда, по иронии судьбы, Первая империя достигла своего наивысшего военно-политического могущества и наибольшего территориального расширения. Авантюрный поход на Россию, гибель почти всей «Великий армии», национально-освободительное движение европейских народов — всё это завершилось свержением Наполеона и его ссылкой на остров Эльбу в 1814 г.

Спустя всего несколько месяцев Наполеон совершил «полёт орла»: он тайком покинул Эльбу и высадился во Франции. Начались знаменитые «Сто дней» Против Наполеона, без единого выстрела захватившего власть во Франции, в который уже раз вооружилась вся Европа и выставила миллионную армию. Эпопея Наполеона завершилась в 1815 г, близ бельгийской деревни Ватерлоо, когда его армия была разгромлена англичанами и пруссаками. Наполеон во второй раз был сослан, но на этот раз на остров Святой Елены, где умер спустя шесть лет, отравленный своим же приближённым.

За свою жизнь Наполеон дал около 60 сражений, значительно больше, чем Александр, Ганнибал. Карл и Фридрих вместе взятые. Показатель, заслуживающий уважения. Из всех великих полководцев, пожалуй, именно у Наполеона самая яркая и самая трагичная судьба.

Для чего всё это было сказано? На мой взгляд, гениальность и феноменальность полководца выражается тем следом, который он оставил в истории. Как и в каких условиях нашёл свою смерть тот или иной полководец — одна из фундаментальных составляющих этого следа.

Вырисовывается следующая картина.

Из всех великих полководцев один сдался своим врагам, был сослан ими на край света и там отравлен; другой пал от рук заговорщиков; третий принял яд, окружённый своими врагами, а четвертый погиб от шальной пули. Лишь трое из блистательной плеяды — Александр, Фридрих и Суворов — умерли естественной смертью.

Тогда кто из них создал собственное государство? Трое — Александр. Карл и Фридрих — были королями. Один совершил

военный переворот и стал впоследствии императором. А остальным троим не суждено было носить корону.

Какая судьба ждала Наполеона, создавшего свою империю, и Александра, царя, ставшего царём царей? Империя одного прекратила своё существование ещё при его жизни, а империя другого — распалась с его смертью.

Не всех семерых окружал ореол непобедимости. Если Цезарь, Фридрих, Карл и Суворов за свою военную карьеру терпели поражения от противника, то Ганнибал и Наполеон проиграли сражение всей своей жизни — один при Заме, другой при Ватерлоо. Неспроста Наполеон говорил на Святой Елене: «Один Ватерлоо перечеркнул пятьдесят моих побед». Только Александр не испытал горечь поражения.

Давайте сопоставим Чингис хана и Бату-хана с неповторимыми гениями военного искусства.

Оба одерживали лишь победы. Иными словами, в XIII в. на свете не было полководцев, равных Чингис-хану и его потомкам.

Корейский журналист Ким Жон Рэ в своей книге о Чингисхане — «Человек тысячелетия» — привёл интересные данные о размере территорий, завоёванных каждым из великих полководцев, Если Наполеон завоевал территорию в 1.150.000 кв км, Гитлер — в 2.190.000 кв км, а Александр — в 3.480.000 кв км, то Чингис-хан покорил землю, большую, чем великие завоеватели вместе взятые — 7.770.000 кв. км. На такой территории повседневная жизнь шла согласно безапелляционному закону Чингис-хана — Великой Ясе.

Добавлю от себя, что Фридрих Великий, дважды разжигавшей в Европе огонь войны, длившихся в общей сложности более деся и лет, увеличил территорию своего королевства «лишь» на 76.000 кв. км. Суворов не был завоевателем. А Карфаген и Швеция к моменту гибели Ганнибала и Карла не только навсегда утратили статус державы, но и существенно потеряли свои прежние владения.

Получается, что семь великих полководцев мира завоевали на семерых территорию в 6.900.000 кв км. Если вычесть из этого территории, потерянные при Ганнибале и Карле, то, естественно, получится ещё меньше.

7.770.000 кв. км были покорены только одним Чингис-ханом. Если прибавить к этому площадь земель, присоединённых к Монгольской империи его воинственными и божественными внуками, каждый из которых не уступает по дарованию и таланту семерым гениям, — Бату, Хулагу, Хубилаем и другими, то её территория увеличится в несколько раз.

Империя, основанная Чингис-ханом, до 1368 г. имела статус

сверхдержавы, а существовала до 1691 г. С 1206 г. прошло 485 лет. Государство Золотой Орды, созданное в 1243 г. Бату-ханом, до 1357 г. имело статус империи, до 1480 г. держало Русь в вассальной зависимости и распалось в 1502 г. С 1243 г. прошло 259 лет.

И Чингис-хан, и Бату-хан скончались, наблюдая процветание и развитие созданных ими государств. К моменту смерти оба не имели ни внешних, ни тем более внутренних врагов. Высшей честью для полководца считается смерть на поле брани. Но как могли умереть и Чингис-хан, и Бату-хан на поле брани, если все враги были разбиты? Разве существует для полководца, для правителя большее счастье, чем смерть после установления мира и порядка в завоёванных землях?

В заключение хочу отметить, что ни один из «великолепной семёрки» полководцев не идёт ни в какое сравнение с Чингис-ханом и Бату-ханом ни по площади покорённой территории, ни по устойчивости созданного государства, ни по следу, оставленному в истории.

В конце всего этого хочу сказать: для нас, монголов, нет ничего важнее, чем единение и согласие.

Да распространятся добрые дела!

Жадамбын Энхбаяр

Посвящаю светлой памяти моего отца Чойжилжава

Предисловие автора к русскому изданию

Сразу хочу оговориться — я не историк, поэтому моя книга не претендует на статус исторической монографии. Однако я, по мере своих возможностей, старался опираться на первоисточники и неукоснительно следовать исторической тропе.

Ровно два года назад, когда вышло в свет монгольское издание моей книги, я мог только мечтать о том, что оно когда-нибудь станет достоянием русских читателей. Но на то и существует мечта, чтобы вдохновлять и окрылять дерзких мечтателей!

Эта книга, как ни странно, стала первым самостоятельным исследованием походов Бату-хана, вышедшим из-под пера монгольского автора. Ей выпала честь стать и первым выражением мнения монгольского исследователя о последствиях монгольского завоевания, дошедшим до русского читателя. До сих пор в России были слышны голоса только русских учёных и историков. Но что такое монета без реверса?

И вот, сегодня я с большой радостью представляю свою книгу на суд читателей из России. Сказать *с большой радостью* было бы явно недостаточно. Можно ещё добавить: *с большой тревогой.* И это понятно.

Истории Монголии и России неразрывно связаны. Завоевательные походы Бату-хана стали важным звеном в русско-монгольских отношениях. Пожалуй, ни один народ не оказал такого глубокого и всепроникающего влияния на историю России, как монголы. И ни один народ, кроме монголов, не держал Русь под своим игом. Но не спешите, дорогой читатель, принять это в штыки. Я хотел подчеркнуть одно: Русь была бы совершенно иной, если бы Бату-хан пронёсся стороной. Монголо-татарское иго, длившееся несколько столетий, наложило свой отпечаток на всю дальнейшую историю Руси.

Своим исследованием я хотел отмести расхожее мнение о том, будто монгольское завоевание не принесло русскому народу ничего, кроме крови и слёз. Не исключаю, что некоторые части этой книги могут не понравиться русскому читателю. Тогда пусть дорогой читатель вспомнит то, что ваш покорный слуга не только не историк, но и, более того, … монгол. Но любое, даже критическое отношение к предлагаемому вам произведению для меня станет своеобразной наградой за мои труды.

В заключение хочу выразить мою глубокую благодарность

О. Назаровой, директору издательства «Идея-пресс», благодаря которой моя мечта претворилась в жизнь. И пусть перевод, сделанный самим автором, не доставит читателю хлопот.

С уважением.

Ч. Чойсамба 06 11 2005 г.

Пролог. О монгольских завоеваниях

Монгольские завоевания XIII в. были одними из тех судьбоносных событий, которые время от времени изменяют лицо мира, цивилизации и всего человечества. По масштабам своего влияния на дальнейшую всемирную историю монгольскую экспансию ставили в один ряд с варварскими нашествиями, опрокинувшими Западную Римскую империю в V в., а также с триумфальным шествием ислама в VII столетии[1]. Мы, в свою очередь, склонны считать, что по тому влиянию, которое монгольские завоевания оказали на всю последующую историю человечества, они сопоставимы с открытием Америки Христофором Колумбом в 1492 г. и Великой французской буржуазной революцией 1789 г.

Говоря о монгольских завоеваниях XIII в. нельзя не упомянуть о том, что на протяжении столетий они освещались только с негативной стороны, причём сугубо предвзято. Как справедливо заметил историк, академик Ж. Болдбаатар:

> «До недавнего времени явно превалировала тенденция интерпретации монгольских завоеваний с позиций евроцентризма и психологии побеждённых народов, стремившихся оправдать свои поражения и военные неудачи, или с позиций марксистской историографии. Русские и европейцы твердят без конца, что, мол, нашу высокую культуру уничтожили монгольские варвары, превратили в пепелища переживавшие расцвет многочисленные города Средней Азии и памятники истории и культуры, а также стёрли с лица земли некоторые народы и народности и т. п. Классовая тенденция марксистской историографии еще сильнее исказила рассматриваемую проблему: почти перестали обращать внимание на конкретную историческую и культурную ситуации, возводя на историю поклеп»[2].

Тенденция очернения всего, что связано с монголами, возникла не на ровном месте и берёт своё начало, естественно, с самих монгольских завоеваний. Арабский историк XIII в. Ибн-аль-Асир описал монгольское вторжение «как одно из наиболее ужасных несчастий, которые когда-либо обрушивались на человечество»[3]. Действительно, бесспорно то, что по площади территории, которая подверглась нашествиям, и по численности

населения, пережившего их ужасы, завоевания монгольских ханов не имели аналогов в истории.

Однако,

> «война есть война. В пожаре войны гибнут люди, рушатся города и населённые пункты, уничтожаются памятники истории и культуры. Завоевания Чингис-хана не являлись исключением. Но был ли Чнгис-хан более жестокосердным, чем десятки завоевателей, запечатлевшихся в памяти потомков? Был ли он кровожадным истребителем рода человеческого? На этот вопрос мы однозначно отвечаем: Нет. Площадь территорий и количество населения, покоренных Чингис-ханом, имели больший размах, нежели завоевания тех, кто был до и после него, однако, он, как и любой другой завоеватель, демонстрировал свою силу и мощь, когда этого требовала ситуация, и оказывал свою милость, когда считал это необходимым. Он воевал, побеждал и устанавливал свою власть согласно законам войны»[4].

Всё, что происходит во Вселенной, как монета, имеет две стороны. Поэтому при анализе любого явления, в том числе и монгольских завоеваний, прошедших под священным для монголов девятихвостым знаменем, нельзя отмечать только негативное Ведь любая экспансия не ограничивается численностью жертв войны и разрушенных городов Монета обладает достоинством лишь в силу наличия двух сторон — аверса и реверса. Поэтому справедливым будет лишь тот анализ монгольских завоеваний, который раскроет их с разных, диаметрально противоположных позиций. Всякий иной подход в той или иной мере искажает историю.

Думается, не найдётся человека, который стал бы утверждать, что лишь монголы проливали кровь, покоряя другие народы, а остальные нации воевали гуманно. Полистаем страницы истории. Построили ли римляне свой Вечный город, покорил ли Хромой Тимур Среднюю Азию, обратили ли испанцы индейцев в Христову веру, «просветили» ли англичане отсталые народы, построил ли Гитлер «тысячелетний рейх», а Ленин — коммунизм, не пролив крови? Так называемые жестокости монголов не идут ни в какое сравнение с немыслимыми зверствами испанцев, крематориями Гитлера и ГУЛАГами Сталина.

Мы не хотим оправдать или возвеличить завоевания монгольских ханов, под копытами боевых коней которых стонали десятки народов. Однако, если внимательно изучить

первопричину войн Чингис-хана и его наследников, то в большинстве случаев монголы не только не были инициаторами военных действий, но, самое удивительное, являлись их жертвами. В конечном итоге монголы становились своеобразным «Бичом Божиим», т. е. выступали карающей стороной.

> «Коварное убийство монгольских послов Хорезмшахом Мухаммедом, чванливость цзиньекого императора Вэя Чжао, пренебрежительное отношение к долгу императора Тангутского государства явились нарушением элементарных норм международных отношений и были расценены Чингис-ханом как вызов к войне»[5].

Монгольские послы были убиты не только Хорезмшахом. Такая же судьба ждала их на Руси, в Польше и Венгрии. Монгольские войска вторгались в эти страны в первую очередь как каратели, а не как завоеватели.

За удивительно короткий срок необъятная территория от Тихого океана до Адриатического моря подпала под власть простых кочевников. Власть монголов в разных концах света длилась разное время Если в Польше и Венгрии монголы господствовали несколько месяцев, то Персию, Китай и Русь держали под своей властью до 250 лет. Никогда ещё на карте мира не возникала такая огромная империя. Эта империя, благодаря своему гениальному основателю, выдающимся военным деятелям и организации армии, не имела себе равных и господствовала на $^4/_5$ Евразийского континента.

Долгое время считалось бесспорным, что истинная причина успеха монголов заключена лишь в их преобладающей численности, а победы объяснялись феодальной раздробленностью покорённых народов, т. е. представлялись ворованными. Однако полистаем опять страницы истории, и она нам подскажет, что нет на свете нации, завоевавшей две великие державы — Русь и Китай, кроме монголов. Разве этот факт не говорит о чём-либо?

Численность монгольских войск является одним из самых спорных, и в силу этого интересных вопросов.

> «В XIX в. всеми учёными и публицистами предполагалось, что из Азии пришли неисчислимые полчища, давившие всё на своём пути. Теперь-то мы знаем, что монголов было около 600 тыс. человек, а армия их составляла всего 130–140 тыс. всадников, воевавших на трёх фронтах, в Китае и Корее, в Средней

Азии и Иране и в половецких степях. В это время на Руси жило около 6 млн жителей, в Польше и Литве — 1,6 млн. В Поволжье жило тогда не более 700 тыс. жителей, а в степи между Доном и Карпатами — 500 тыс. человек.»[6]

Кроме того, население Кавказа составляло 5 млн., Хорезма — 20 млн., Северного Китая — 46 млн., Южного Китая — 60 млн. жителей. К ним следует прибавить такие многомиллионные народы, как персы и корейцы. Исследований последних лет позволяют сделать вывод, что в XIII в. численность всех монгольских племён составляла не более 1 млн. чел. (некоторые исследователи называют даже цифру в 600 тыс. чел.) Следовательно, миллион монголов сумел покорить многочисленные народы и народности, численность которых составляла 150 млн. чел. Если принять в расчёт цифру в 600 тыс. чел., то на одного монгола-завоевателя приходится уже 250 (!) покорённых жителей.

Немыслимые зверства чинили вооружённые огнестрельными оружиями европейцы, завоёвывая народы Америки, Африки и Азии, не имевших другого вооружения, кроме жалких, примитивных копий, луков и стрел. Испанцы завоевали Америку, беспощадно уничтожая индейцев, а англичане косили африканцев, вооружённых копьями, пулемётной очередью, чтобы «цивилизовать» их. История навсегда запомнила конкистадоров и «цивилизаторов», шедших «с крестом в руке и с ненасытной жаждой золота в сердце». Монголы не имели таких разительных отличий в вооружении по сравнению с завоёванными народами, а по численности войск и вовсе уступали им в десятки раз. Возникает справедливый вопрос: каким образом монголы, имея лишь лошадь в качестве средства передвижения, смогли завоевать столь большую территорию?

Мы уже упоминали о том, что монголы ничем не превосходили покорённые народы по вооружению. Что касается китайцев, они даже превосходили монголов в этом отношении, так как уже изобрели и использовали в военных целях порох. Следует упомянуть также, что кочевники, жившие в юртах, до определённого времени совсем не имели опыта осады многолюдных городов, опоясанных крепостной стеной. Только в ходе завоевательных походов монголы заимствовали у покорённых народов их достижения в области военной техники и вооружения.

Монголы не были храбрее русских, китайцев, хорезмийцев, персов или европейцев. Люди как люди. Храбрые в меру, отважные в меру. Однако на одной только храбрости далеко не

уедешь. Разве индейцы, защищавшие свои очаги, были трусливее европейцев?

Историки-современники и очевидцы не оставили упоминаний о том, превосходили ли завоеватели покорённые народы в плане физического развития. Монголы всегда считались низкорослой нацией. Итак, монгол не был храбрее, сильнее или выше любого другого азиата или европейца.

Уже установлено, что в экономическом развитии монголы XIII в. были более отсталыми, чем все покорённые ими народы. В XIII в. имевшие многотысячную историю и оседлую цивилизацию Китай, Хорезм, Корея, Персия и Русь достигли значительных успехов в области культуры и науки, чего, к сожалению, не скажешь о монголах.

История является свидетелем того, что за 1500 лет до начала монгольской экспансии македоняне — такой же малочисленный народ, как и монголы, — сумели покорить территорию в десятки раз большую, чем сама Македония. Каким образом могло свершиться нечто, непостижимое для человеческого разума и логики? *Во-первых,* македонские фаланги возглавлял один из величайших полководцев мира — царь Александр Великий. *Во-вторых,* македонская армия, созданная отцом Александра Филиппом Вторым, имела самую совершенную организацию того времени. *В-третьих,* завоёванная Александром Персидская держава Ахеменидов к тому времени уже превратилась в колосса на глиняных ногах. *В-четвёртых,* персидский царь Дарий Третий был слабым властителем и ещё более слабым полководцем. *В-пятых,* многонациональная, разношерстная персидская армия состояла в своём подавляющем большинстве из представителей когда-то покорённых персами же народов, которые совсем не горели желанием проливать свою кровь за Дария Короче говоря, в IV в. до н. э. возникли все предпосылки и благоприятные условия для завоевания огромной Персии маленькой Македонией.

Какова же была ситуация в XIII в? *Во-первых,* в лице Чингисхана монголы имели гениального полководца и феноменального лидера. *Во-вторых,* Чингис-хан создал столько совершенную армию, когда всякое понятие о достойном сопернике теряло смысл. Известный историк Г. В. Вернадский писал по этому поводу.

> «До изобретения ‹…› огнестрельного оружия немногие нации могли создавать и поддерживать силу, тактически и стратегически равную монгольской кавалерии или способную соперничать с ней в духе и воле к завоеваниям»[7].

Мимоходом отметим, что не все цари и короли завоёванных монголами наций были такими же безынициативными, как Дарий Напротив, эти страны не только не переживали военно-политический упадок, но некоторые из них даже находились на стадии своего расцвета, В частности, государство Хорезмшахов именно в эпоху правления Мухаммеда достигло апогея своего развития Против монголов сражались лучшие армии своего времени (например, при Легнице — немецкие рыцари).

Невиданный успех монгольских войск, наряду с их «бесчисленной тьмой». объясняют также феодальной раздробленностью и внутренними неурядицами завоёванных стран. В частности, В. В. Каргалов пишет:

> «Успех походов монголо-татар объяснялся не столько их собственной силой, сколько слабостью тех стран, на которые они нападали. И Китай, и Средняя Азия, и Иран переживали в то время период феодальной раздробленности, были расколоты на множество княжеств, слабо связанных между собой. Народам этих стран, ослабленных междоусобными войнами и кровавыми распрями своих правителей, было трудно объединиться для отпора иноземным завоевателям»[8].

Такое предвзятое отношение, отрицающее истинную мощь монгольской кавалерии и её громадный военный потенциал, характерно почти для всех иностранных историков. В результате сложился некий стереотип, объясняющий головокружительный успех и победы монгольских войск второстепенными факторами. Никто не отрицает того факта, что во время походов Бату-хана и Русь, и Польша не имели централизованного правления и были разделены на несколько, враждующих между собой княжеств и королевств. Однако в этом нет вины ни Бату-хана, ни монголов. Или Бату-хан, чтобы прослыть настоящим завоевателем и полководцем, должен был ждать того момента, когда Русь объединится?

Датский историк Л. де Хартог следующим образом интерпретирует успех монгольских завоеваний:

«Ключ к умопомрачительному успеху этих завоевателей, пришедших из самого сердца Азии, следует искать не только в их огромном опыте, накопленном за годы длительных и беспрерывных войн, и железной дисциплине, но, самое главное, в их удивительной боеспособности и стойкости и в умении максимально использовать все свои наличные силы»[9].

Вот уже многие века не утихают разговоры о ничем не объяснимой, паталогической жестокости монголов. При этом

монголов рисуют как прирождённых палачей рода человеческого, призванных уничтожить всю цивилизацию. Обратимся к историческим фактам. Имел ли место случай, когда монголы в ходе своих завоевательных походов поголовно истребляли какую-нибудь нацию или народность? История однозначно отвечает: «Нет».

В очередной раз полистаем страницы истории. Каким способом европейцы завоевали Америку? Каким способом Гитлер создавал свой «тысячелетний рейх»? Это был доселе невиданный геноцид «неполноценных» народов, якобы не достойных жить и не имеющих права на существование. Монголы никогда не рассуждали таким образом и не ставили перед собой подобных целей. Мы не утверждаем, что монголы в XIII в. вообще не творили жестокостей и были снисходительны к побеждённым. Да, монголы были жестоки и беспощадны к врагу. Но только тогда, когда это требовалось. В тех случаях, когда послы кочевников были вероломно убиты врагами, монголы отвечали избиением врага. Достаточно вспомнить, что такое событие имело место в 1223 г. после сражения на реке Калке. Казнившие послов русские князья были наголову разбиты и погибли под досками, на которых пировали военачальники монгольских войск. Или случай с городом Козельском, жители которого были поголовно истреблены за вероломство их князя. Разве все эти жестокости монголов сравнимы с крематориями Гитлера, в которых были сожжены миллионы невинных людей, варварской бомбардировкой жителей Хиросимы и Нагасаки и геноцидом Пол Пота против собственного же народа?

Другой причиной, толкавшей монголов на жестокость по отношению к поверженному врагу, являлась их крайняя малочисленность. Монголы просто были вынуждены реагировать беспощадностью на любое проявление сопротивления, так как они в десятки и сотни раз уступали покорённым народам по численности. Лишь иеной террора и кровавой расправы монголы пытались держать эти народы в повиновении. Террор, как политическое явление, существовал и при якобинцах, и при коммунистах. Однако монголы никогда не относились к другим народам по общепринятому принципу ведения войн: враг есть враг. И это выражалось в том, что монголы никогда не убивали тех, кто не оказывали им сопротивления и выражали свою покорность, и не разрушали их городов.

Монголов клеймят позором за то, что завоевательные походы их ханов сопровождались грабёжом широкого масштаба Однако кто может обвинить в этом кочевников XIII в.? И что такое грабеж в военное время? Один из феноменальных завоевателей всех

времён и народов Наполеон был живым олицетворением принципа, возникшего в глубокой древности: «Война кормит войну» и неукоснительно придерживался его. Суть этого принципа ясна всем побеждённый подвергается безжалостному и порой чудовищному ограблению. Наполеон не брезговал грабить не только музеи, но даже — к ужасу всего христианского мира — храмы и церкви. Для «нужд» армии он отбирал серебряные статуи апостолов За более чем 2000 лет до Наполеона такого же принципа придерживался некий Бренн, предводитель галлов. Слова, сказанные им побеждённым римлянам, остались в истории и никто не ставит это ему в вину В июле 390 г. до н. э. галлы захватили Рим и наложили на римлян огромную контрибуцию. Римляне с большим трудом собрали её и когда взвешивали последние килограммы серебра, вождь галлов Бренн бросил на весы свой огромный, тяжёлый меч и потребовал заплатить сверх меры. Когда римляне запротестовали, Бренн с надменностью сказал «Горе побеждённым» Империалистические державы при ограблении своих колоний следовали принципу Бренна Но почему-то сегодня не принято громко рассуждать о том, что европейцы на протяжении столетий продавали африканцев и хищнически грабили природное богатство Чёрного континента?

Для монголов XIII в. грабёж был одной из главных причин, заставлявших их отправляться в походы. И каждый из них со всей чёткостью понимал, что цена этому грабежу — его собственная голова. Иными словами, отправляясь на чужбину, каждый кочевник рисковал своей жизнью Так как победитель грабит, а побеждённый подвергается грабежу, то и монгол грабил китайцев, русских, персов, арабов и другие народы. И ни у кого нет права обвинять монголов XIII в. в совершении грабежей.

Монголы XIII в. были рождены для покорения мира и человечества, а Чингис-хан и его потомки — быть их предводителями и вождями. И по сей день не много народов, оставивших такой неизгладимый след в истории человеческой цивилизации.

В заключение хочется привести цитату:

«Неудержимо бесстрашные, они были способны преодолевать безжизненные, огромные пространства пустынь, горные и морские преграды, суровость климата и мор от голода и болезней. Их не пугали никакие опасности, их не останавливали никакие крепости, и никакие мольбы о пощаде не трогали их»[10].

Калка (31 мая 1223 г.)

Монгольские ханы издавна обращали свой взор на западные земли, славившие многолюдностью и богатством. Персидский историк Фазлаллах Хамадани Рашид ад-Дин пишет:

> «По высочайшему повелению Чингис-хана Джучи должен был отправиться с войском воевать все области севера, то есть Ибир-Сибир [Сибирь], Булар (Булгар! Дешт-и-Кипчак [половецкие степи], Башкирд [Башкир], Рус [Орос] и Черкас до хазарского Дербента, и подчинить их своей власти»[11].

Согласно воле отца Джучи в 1207 г. покорил народности, обитавшие в бассейне рек Сэлэнгэ и Енисей[12]. С присоединением к империи этих областей под власть монголов попали важные в стратегическом значении земли, богатые железными рудами. Так как в то время главные силы монгольских войск вели военные действия против тангутского государства Си-Ся, Джучи, не поддержанный своим отцом, не сумел развить свой успех.

Однако покорение племён, живших к северу от реки Сэлэнгэ и в долине Енисея, положило начало завоеванию западных земель.

В 1219 г. Чингис-хан начал войну против крупнейшей империи тогдашней Евразии — государства Хорезмшахов. Причиной к войне послужило вероломное избиение монгольского посольства. Монгольские тумены, не давая опомниться мусульманским армиям, брали город за городом. Падишах Мухаммед, до смерти напуганный вторжением кочевников, которое никогда не представлялось ему реальным, в панике оставил свою столицу и бежал из одного места в другое. По его следу Чингис-хан пустил двух своих «железных псов» — Субедей-баатура и Джебе-нойона. Самый могущественный властитель мусульманского мира окончил свои дни бесславно, на одном из безымянных островков Каспийского моря среди больных и прокажённых, покинутый даже верными слугами.

Передав Чингис-хану известие о кончине Мухаммед-шаха, монгольская армия, пополнившаяся корпусом Тохучар-нойона, отправилась дальше, навстречу вероломным половцам.

Начиная с 1216 г., монголы враждовали с кочевниками-половцами. В тот год половцы не только приютили остатки заклятых врагов Чингис-хана — меркитов, но и стали оказывать

тайную и явную поддержку, пусть и малозначительную, финно-угорским племенам, находящимся в натянутых отношениях с монголами. Этого было достаточно, чтобы навлечь на себя гнев Чингис-хана и стать врагами монгольского народа. Теперь количество врагов увеличилось, так как к половцам прибавились и русские, принявшие половцев, своих исторических недругов, под свою защиту.

Прежде чем описать битву на реке Калке, ставшую первым противоборством монголов и русских, следует сказать несколько слов о походе Субедей-баатура, Джебе-нойона и Тохучар-нойона В марте 1220 г. монгольские полководцы во главе двух туменов начали свой поход, которому суждено было остаться в истории.

> «Говорят, что никогда их общая численность не превышала 20 тыс. воинов. Так как крупный контингент войск ввиду своей многочисленности испытывал серьёзные затруднения в продолжительном походе и реализации экстренных решений, монголы, предварительно приняв во внимание природные условия Кавказа, бездорожье и лесистую местность, отправились в путь, сделав акцент на немногочисленную, но отборную и испытанную в боях армию. Джебе и Субедей были искусны в осуществлении внезапных нападений в гористых местах Их армия по мере продвижения вперёд и вторжения на вражескую территорию избавлялась от ноши, которую признали ненужной и которая замедляла стремительное наступление»[13].

Монгольское войско с боем достигло Кавказских гор, где был уничтожен оказавший сопротивление грузинский царь Георгий IV Лаша (1212–1223) и его 30-тысячная армия, и в районе Кубани вышла в тыл половцам. Здесь монголы скрестили оружие с аланами. При этом монголы пошли на хитрость: чтобы разбить союз аланов и половцев, монголы послали к последним парламентёра, который торжественно заявил от имени своих полководцев следующее:

> «Мы и вы — один народ и из одного племени, аланы же нам чужие; мы заключим с вами договор, что не будем нападать друг на друга и дадим вам столько золота и платья, сколько душа ваша пожелает, предоставьте их нам»[14].

Половцы поверили обещаниям монголов и покинули аланов, предоставив их судьбе. Исход битвы после этого уже не вызывал

сомнений: аланы были разгромлены и отдали победителям лошадей и продовольствие, после чего те продолжили наступление. Азербайджан, Грузия, Армения лежали у ног завоевателей.

Обеспокоенные сложившейся ситуацией, половцы попытались дать отпор монголам. Однако «железные псы Чингис-хановы» вновь продемонстрировали силу и мощь монгольского оружия. Половцы потерпели поражение и начали бегство в трёх направлениях: одна часть кочевников хаотически отступала к реке Дон, другая — в Крым, а третья — обратилась за помощью к русским княжествам. В погоне за отступавшими монголы ворвались в Крым и овладели городом Судаком.

Половцы, вынужденные бежать к русским границам, вышли к Днепру. Крупнейший половецкий феодал, хан Котян, не жалея даров, стал умолять своего зятя Мстислава галицкого и других князей о немедленной военной помощи.[15] Он прямо говорил:

> «Нашу землю нынче отняли татары, а вашу — завтра возьмут, защитите нас, если же не поможете нам, то мы будем перебиты нынче, а вы — завтра»[16].

Князья сошлись на совет в Киеве. Трое влиятельных князей — Мстислав Романович киевский, Мстислав Святославич черниговский, Мстислав Мстиславич галицкий, — к которым присоединились младшие князья — Даниил Романович волынский, Всеволод Мстиславич, сын киевского князя, Михаил Всеволодович, племянник черниговского князя, — долго не могли принять решение.

Мстислав галицкий уговаривал князей, повторяя: «Если мы, братья, не поможем им, то они предадутся татарам, и тогда у них будет ещё больше силы». Наконец князья согласились поддержать половцев. Они приняли роковое для Руси решение:

> «Лучше нам принять их (монголов) на чужой земле, чем на своей».

В русских летописях мы читаем, что пришёл якобы неведомый безбожный народ, никто не знает откуда он появился и на каком языке говорит. Совершенно очевидно, что это явная фальсификация фактов Вряд ли русские не имели никакого понятия о монголах. Даже если это так, то это вина беспечных русских.

У монголов не было никаких причин воевать с русскими. Узнав о решении князей, которое немало их удивило, они послали на Русь десять послов. Монголы предложили следующее:

> «Слышали мы, что вы идёте против нас, послушавшись половцев, а мы вашей земли не занимали, ни городов ваших, ни сёл, на вас не приходили; пришли мы попущением Божиим на холопей своих н конюхов, на поганых половцев, а с вами нам нет войны; если половцы бегут к вам. то вы бейте их оттуда и добро их себе берите; слышали мы, что они и вам много зла делают, потому же и мы их отсюда бьём»[17].

Смысл предложения монголов был ясен: разорвать союз с половцами и изгнать их из своей территории. В. В. Каргалов, один из известных исследователей походов Бату-хана, выступает в защиту русских князей: «Не время было вспоминать старые обиды, Монголы одинаково угрожали и русским, и половцам»[18], что не соответствует исторической действительности. Вряд ли монгольские полководцы без особых на то причин рискнули вступить в сражение со свежим войском, имевшим превосходство в живой силе в несколько раз. Это могло быть равносильно самоубийству. Только за неимением другого выхода монголы были вынуждены принять бой с объединённой половецко-русской армией.

Однако русские князья, уверенные в своём многократном превосходстве, не сочли благоразумным принять предложение монголов и, чтобы продемонстрировать неизбежность войны и свою решительность, приказали варварски убить послов.

Убийство послов даже в военное время считается преступлением. Конечно, поступок русских князей вызвал справедливый гнев у всего монгольского войска, поклявшегося отомстить за соотечественников.

Некоторые русские князья отказались принять участие в этой авантюрной выходке. В частности, великий князь владимирский Юрий Всеволодович обещал прислать ростовскую рать во главе со своим племянником, князем Василько Константиновичем, однако тот так и не явился.

Тем не менее под хоругви князей собралась внушительная сила: объединённая армия половцев и русских насчитывала 80 тысяч воинов, которая и двинулась на монголов. Никогда ещё Русь не знала такой многочисленной рати. И не будет знать вплоть до самой Куликовской битвы. Всё это свидетельствует *о* том, какое значение придавали князья войне с монголами. Одним флангом объединённой армии командовал половецкий хан Ярун.

На семнадцатый день похода, когда союзники достигли реки Рось и остановились близ Олешьи, к ним пришли новые послы от монголов. Они сказали; «Если вы послушались половцев, послов

наших перебили и все идёте против нас, то ступайте, пусть нас Бог рассудит, а мы вас ничем не трогаем».

«На этот раз князья отпустили послов живыми»[19], — со снисхождением пишет известный историк С М. Соловьёв, как будто убийство послов — обыкновенное и даже естественное дело.

Субедей. Джебе и Тохучар на военном совещании благоразумно отказались от открытого сражения с превосходящими силами врага. Было решено воевать не числом, а умением. Передовые части русско-половецкой армии перешли Днепр у островка Хортица и в тупили в бой с монголами, которые ударились в бега. Напрасно предупреждали русских князей о коварстве монголов половцы, испытавшие многое от своих кочевников-собратьев.

Целых 12 дней продолжалось бегство монголов. Русские уже предвкушали победу. По мере погони дисциплина и организация русско-половецкой армии значительно ослабела Именно в этот момент и начинается решающее сражение. 31 мая 1223 г. монголы, пересев на отдыхавших запасных лошадей, дружно ударили по преследователям тогда, когда те менее всего ожидали этого Всё было задумано и приведено в действие как идеальный часовой механизм. Ход конём, который сделали монгольские полководцы, был поистине великолепен. Отныне участь объединённой армии была предрешена.

«Княжеские дружины вступали в бой по частям и сравнительно легко разбивались согласованными ударами монголо-татарской конницы»[20], — пишет В. В. Каргалов В этих строках проскальзывается стремление оправдать поражение русских и, следовательно, упрекнуть и даже обвинить монголов. Однако мы не можем не отдать честь военному гению главе всей кампании — Субедей-баатуру, который даже в критической ситуации обладал даром трезво оценить положение и сделать соответствующие ходы.

Повторимся, преднамеренное растягивание боевого порядка русских войск, изматывание противника и нанесение решающего удара — всё это было гениально задумано и претворено в жизнь. Внезапный и сокрушительный удар свежей монгольской конницы дезорганизовал и парализовал союзников.

Князь Мстислав, своей храбростью и дерзостью завоевавший почётное прозвище «Удатный» в прежних междоусобицах и войнах, на этот раз доказал, что он «удатен» и в других начинаниях. В самом начале битвы он взял в плен монгольского сотника Гемябека, который из-за ранений не мог сесть на коня и отстал от своих. Мстислав выдал его половцам именно для того,

чтобы те предали сотника мучительной смерти. Вот такие люди и вынесли смертный приговор монгольским послам На этом «похождения» Мстислава Удатного не кончаются. Получивший сокрушительный отпор, он вместе с Галицко-Волынским князем Даниилом Романовичем первым добрался до правого берега Днепра и в панике приказал уничтожить все русские ладьи, чтобы они не достались монголам, вместо того, чтобы попытаться организовать переправу соотечественникам. Своим пораженческим поступком и настроем он обрёк на смерть всех своих соратников, остававшихся на левом берегу Днепра Таким образом, Мстислав продемонстрировал, что он также «удатен» и в «жертвоприношении» соотечественниками.

Так как Мстислав Черниговский во время бегства не оставил заслона врагам, его рать стала лёгкой добычей для монголов, преследовавших её по пятам. Сам Мстислав Черниговский сложил голову вместе со своим сыном, былинным героем Александром (Алёшей) Поповичем, ставшим легендой ещё при жизни Кроме него, во время бегства пали от рук преследователей и пять князей.

Мстислав же Киевский расположился со своим войском на высоком холме, который был окружён со всех сторон наседавшими монголами. Начальники монгольского войска потребовали от русских сдаться на милость победителей. Вождь бродников, союзников монголов, Плоскиня клялся: «Если вы сдадитесь, то монголы не прольют крови вашей» и уговаривал русских добровольно сложить оружие. В конце концов князь Мстислав, поверив клятвенным обещаниям Плоскини, говорившем, что условия капитуляции будут строго соблюдаться, решил прекратить безнадёжное сопротивление[21]. Однако монголы связали русских, положили их на землю, поверх настелили доски, воссели на них и принялись пировать, празднуя свою победу. Таким образом монголы сдержали своё обещание — обещание не проливать крови. Об этом пишет Л. Гумилёв:

> «…С точки зрения монголов, клятву они сдержали, а казнь явилась высшей необходимостью и высшей справедливостью, ибо князья совершили страшный грех убийства доверившегося. Заметим, что и по нормам современного права насилие над парламентёром строго осуждается и карается»[22].

Однако и в настоящие дни большинство русских историков не считают необходимым упомянуть о казни монгольских послов, и в то же время клеймят позором факт убийства Мстислава Киевского[23].

Мимоходом хотим заметить, что Л. Н. Гумилёв невольно стал объектом нападок. Историк И. Н. Данилевский в своей монографии «Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв)» подвёрг жёсткой критике концепцию Л. Н. Гумилёва. В частности, он пишет: «…дело… в увлечённости собственной теорией… Будучи евразийцем по убеждениям, Л. Н. Гумилёв всеми средствами — к сожалению, порой вопреки свидетельствам источников и здравому смыслу — доказывал благотворность восточных веяний в экономике, культуре и политике нашей страны, жестоко критикуя любую апелляцию к Западу»[24], «к сожалению, *дедуктивный метод* (курсив И. Н. Данилевского), который избрал Л. Н. Гумилёв для своих исторических штудий, создаёт определённую предрасположенность…»[25], «в рассуждениях Л. Н. Гумилёва меня порой поражает отсутствие нравственных критериев»[26] и т. д.

Однако вернёмся на берега Калки, окрасившейся в красный цвет. Поражение объединённой армии было абсолютным и безоговорочным. Было перебито более 70 тыс. воинов, на поле битвы сложили головы 6 князей и 70 бояр[27]. Одни только киевляне потеряли десять тысяч воинов[28].

Военной истории известно немного случаев, когда одна сторона терпела столь сокрушительное поражение. По масштабам Калкскую битву можно сравнить с победой Ганнибала при Каннах над римлянами 2 августа 216 г. до н. э. и триумфом Наполеона под Аустерлицем, когда 2 декабря 1805 г. была повержена австро-русская армия.

К сожалению, по сих пор битва на Калке не нашла объективного освещения в русской историографии. В частности, в монографии «Сто великих битв», совместном труде целого коллектива учёных и исследователей, говорится, что русские потерпели поражение от превосходящих сил монголов. Как понимать следующее высказывание:

> «Начался неравный бой. Численное превосходство неприятеля и неорганизованное сопротивление русских ‹…› предопределил исход сражения»[29]?

Интересно, что монгольские завоевания XIII в., охватившие почти всю Евразию и наложившие свой отпечаток на её дальнейшую историю, представлена в этой книге лишь одним-единственным сражением на реке Калке. Более того, в энциклопедической работе «Сто великих войн» мы читаем:

> «Монгольское войско в битве на Калке насчитывало до 30 тысяч человек. Данных о численности русско-

половецкой армии нет, но, вероятно, она была примерно равна монгольской»[30].

Думается, что давно наступило время избавить Её величество историю от различных идеологических, псевдопатриотических и тому подобных элементов.

Исследователи, объективно и беспристрастно относящиеся к событиям 1223 года, интерпретируют поражение русско-половецкой армии четырьмя основными причинами. Прежде всего, монгольская армия на целую голову, а то и на две, превосходила союзников по боевой выучке и тактике. Русский ратник в общем был неплохим воином, когда дело доходило до единоборства. Однако этот фактор не мог оказать существенного влияния на исход целого сражения. Во-вторых, действия половцев и русских были не то чтобы несогласованными — они были хаотическими. В довершение бед ни те, ни другие не имели полководца, достойного возглавить союзную армию. В-третьих, русские совершенно недооценили боеспособность и мощь монгольской кавалерии и, наконец, неправильно выбрали место битвы (в чём, скорее всего, заслуга стратега Субедей-баатура), которое, как по заказу, идеально подходило для неудержимой мобильной конницы кочевников.

Непревзойдённый полководческий талант монгольских военачальников и самоотверженность рядовых воинов стали в конечном итоге слагаемыми великой победы: превосходящие силы союзной армии прекратили своё существование. С тех пор, как стали воевать умением, такой, казалось, незыблемый прежде фактор как численное превосходство отошёл на задний план и перестал играть главную роль в войнах народов. И это умение (хитрость, мудрость, стратегия и т. п.) стало целой наукой выживания для малочисленных, но окружённых врагами воинственных народов.

Если полистаем страницы истории войн, то найдем такой факт: во время Беотийской войны 378–362 гг. до н. э. 5 августа 371 г. до н. э. близ города Левктры в ожесточённой битве фиванский царь Эпаминонд нанёс сокрушительное поражение превосходящим силам врага. Эпаминонд впервые в военной практике применил новинку — неравномерное распределение сил в центре и на флангах. Если спартанцы выстроились в равномерную фалангу глубиной в 12 шеренг, то Эпаминонд расположил свои войска так, что в центре и правом фланге было 8, а на левом крыле — 50 шеренг. Этим крылом и нанёс Эпаминонд страшный по силе удар, благодаря чему армия спартанского царя Клеомброта, превосходившая фиванцев в

численности в полтора раза, была сокрушена и обращена в бегство.

Если сейчас Эпаминонда величают инноватором военного искусства и величайшим полководцем, то тактику монголов называют чуть ли не грязным обманом и шарлатанством.

Попытаемся посмотреть с другой стороны на Полтавскую битву 1709 г., занимающей одно из почётнейших мест в анналах русской военной истории. Русский царь Пётр I имел армию в 42 тыс. человек при 72 орудиях, тогда как шведский король Карл XII располагал 20-тысячной армией и всего четырьмя пушками. Нетрудно догадаться, у какой стороны наибольшие шансы на победу. Интересно, что после этой победы война длилась целых 12 лет. Полтавскую битву русские исследователи до сих пор величают беспримерным военным успехом. Действительно, после этого сухопутная война практически завершилась.

Монголы во время проведения каждой кампании ставили наиважнейшей целью нанести сокрушительный удар в первую очередь по живой силе врага, чтобы заставить их принять условия мира и тем самым избежать затягивания войны Невозможно перечислить все ошеломляющие победы монголов, одержанные ими на реке Калке, при Легнице и на Сайо, когда были повержены превосходящие силы противника. Позднее Наполеон решительно порвал с расхожим мнением XVII в. — избегать генеральных сражений с тем, чтобы бесчисленными манёврами отрезать врага от коммуникаций и снабжения и заставить его капитулировать. Французский император всеми силами старался вызвать врага на главное сражение и нанести ему поражение Кроме того, Наполеон перед началом военных действий посылал за необходимой информацией множество шпионов, которые проникали куда угодно. И этим корсиканский гений военного искусства тоже демонстрирует наследие Чингис-хана.

Закончим историческое путешествие и возвратимся на берега Калки. 8 тыс уцелевших и совершенно деморализованных русских ратников бежали к границам Руси. По их следам стремительно двигалась монгольская кавалерия. Русь, оставшаяся без защитников отечества, была в опасности. «И бысть вопль и плачь и печаль по всем градом, и по селом»[31], — с горечью писал летописец. Вторжение монголов казалось неминуемым Однако в этот самый момент их нагнал посол от Чингис-хана с приказом вернуться, Субедей-баатур, Джебе-нойон и Тохучар-нойон повернули поводья лошадей к родным степям.

«Россия отдохнула: грозная туча как внезапно

> явилась над ея пределами, так внезапно и сокрылась. „Кого Бог во гневе Своём насылал на землю Русскую?“ говорил народ в удивлении: „откуда приходили сии ужасные иноплеменники? Куда ушли? Известно одному Небу и людям искусным в книжном учении“. — Селения, опустошённые Татарами на восточных берегах Днепра, ещё дымились в развалинах; отцы, матери, друзья оплакивали убитых; но легкомысленный народ совершенно успокоился, ибо минувшее зло казалось ему последним»[32],

— с сожалением писал известный историк Н. М. Карамзин.

Историки часто подчеркивают то обстоятельство, что после поражения на реке Калке русский народ, к сожалению, не сделал никаких уроков. Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский писали:

> «Казалось бы, что русские князья должны были из этого первого столкновения с татарским войском извлечь для себя урок на будущее, но они этого не сделали и не смогли сделать, поскольку не могли при данных условиях преодолеть феодальную разобщённость, противоречивость интересов феодальных владетелей, делавших неизбежными бесконечные бессмысленные войны, не прекращавшиеся даже тогда, когда внешний враг находился в стране»[33].

Полное поражение на Калке произвело ошеломляющее впечатление на современников: что трудно найти летопись, которая бы не упомянула об этом событии[34].

Однако триумфальный поход монгольских полководцев был омрачён поражением от волжских булгар, заманивших степняков в засаду и внезапно напавших на них. Булгары-мусульмане считали монголов-язычников, преклонявшихся Вечно Синему Небу, безбожниками, которых необходимо истребить. Война с булгарами не входила в планы Субедей-баатура, он благоразумно отказался от бесперспективной резни и поспешил соединиться с главными силами монгольской армии. Таким образом на берегах Керулена и Онона закончился великий рейд «железных псов» Чингис-хановых. Незадолго до возвращения скончался несравненный Джебе-нойон.

Английский историк С. С. Уолкер отметил, что поход Субедея, Джебе и Тохучара по пройденному пути и данным сражениям значительно превосходит походы Александра Македонского и Ганнибала[35].

«Поход Субедея и Джебе, продолжавшийся два с половиной года, позволил монголо-татарам непосредственно познакомиться с русскими войсками и укреплениями городов, а от многочисленных пленных они могли получить сведения о внутреннем положении русских княжеств, особенностях ведения военных действий в Северо-Восточной и Южной Руси в различное время года, о путях сообщения и возможных военных силах противника. Глубокая стратегическая разведка стран Восточной Европы была проведена»[36].

Война с половцами, башкирами и булгарами (1229–1232 гг.)

После смерти Священного Потрясателя Вселенной два года продолжался траур. По происшествии положенного срока хан Тулуй, который на правах младшего сына считался хранителем очага, т. е. собственно монгольского улуса, в начале осени 1229 г. созвал великий курултай для избрания нового императора и разрешения насущных вопросов.

> «…А когда подошло время, принцы и полководцы отправились назад в Гоби, чтобы избрать нового Ха-Хана, или императора, выполняя волю покойного завоевателя.
>
> Они прибыли как обладатели права на престол, права наследования во исполнение воли Чингис-хана. Крутого нрава Цагатай, теперь уже старший из сыновей, прибыл из Центральной Азии и мусульманских земель, неунывающий Субедей — с плоскогорий Гоби, Бату Великолепный, сын Джучи, — из русских степей»[37].

Великий курултай в соответствии с завещанием Чингис-хана провозгласил его третьего сына Угедея императором — великим ханом. Угедей в течение 40 дней отказывался от почётного назначения, ссылаясь на непосильное бремя, невольно сравнивая себя со своим божественным отцом, однако был вынужден уступить под напором чингисидов Золотого семейства — Цагатая, Тулуя и их потомков. Да и перечить последней воле Священного Воителя он не мог. По совету мудрого Елюя Чуцая, чтобы всем показать пример повиновения и покорности, старший брат Угедея Цагатай первым преклонил перед великим ханом колена, признавая тем самым его власть.

> «То обстоятельство, что первые два года после смерти Чингис-хана, при временном правительстве, прошли для империи в полном спокойствии, а также что вступление на престол Угедея не вызвало никаких усобиц или волнений, свидетельствует о том прочном и строгом административном порядке, который сумел установить в Монгольской монархии её великий основатель и законодатель»[38].

Великий курултай после избрания императора первым делом решил три актуальных вопроса. Прежде всего, было принято

единогласное решение победоносно завершить войну с государством чжурчженей — империей Цзинь, начатую ещё Чингис-ханом; во-вторых, раз и навсегда физически ликвидировать Джелал ад-Дина, сына хорезмшаха Мухаммеда, который пришел из Индии и, завоевав часть восточного Ирана, намеревался провозгласить себя царём — он не должен более выступать возмутителем спокойствия в Империи; в-третьих, привести к покорности старинных недругов — половцев и приволжских булгар, а также завоевать русские княжества и европейские королевства вплоть «до последнего моря».

В 1229 г. Субедей-баатур во главе армии (указывают цифру 30 тысяч, однако вряд ли монголы в то время могли позволить себе такую «роскошь») прибыл в Прикаспийские степи. Саксины и половцы под натиском были вынуждены бежать в Приволжскую Булгарию. Затем подверглись разгрому и сторожевые посты булгар на реке Яик Однако вторжение во владения башкир не имело успеха. Башкиры оказали завоевателям упорное сопротивление. Взвесив силы, Субедей-баатур отступил, но плацдарм для дальнейших завоевательных походов был готов.

В то время всё более разгоралась война с чжурчженским государством Цзинь, отвлекавшая большие силы монголов с других театров военных действий. В таких условиях малочисленные монголы не могли вести наступательные действия сразу на нескольких фронтах с противниками, превосходящими их по численности в несколько раз.

Поэтому Джучиев улус был вынужден начать военные действия собственными силами. Было собрано довольно сильное войско путём набора молодых воинов, которое в начале 1230 г. вторглось в половецкие степи между Яиком и Волгой. Одновременно активизировались нападения монголов против башкир. Однако успехов монголы не достигли.

В 1232 г. монголы возобновили военные действия против булгар, но имевшихся в распоряжении улуса Джучи сил было явно недостаточно для ведения наступательных действий, не говоря уже о завоеваниях. Было совершенно очевидно, что улус Джучи, согласно последней воле Чингис-хана получивший 4 тыс. монгольских воинов и 9 тыс. семей, не силах осуществить какие-либо крупномасштабные операции.

В целом военные действия монголов против половцев, булгар и башкир в 1229–1232 гг. имели лишь локальный успех. Наследники Чингис-хана должны были раздвинуть границы Джучиева Улуса, однако эта часть завещания Священного Воителя пока оставалась нереализованной.

Монголы в быту и в бою

На сегодняшний день мы располагаем довольно малым количеством описаний быта и обычаев монголов, вышедших из-под пера современников.

Вот одно из описаний, оставленное учёным архидьяконом Фомой из Сплита. Оно ценно в силу того, что Фома был очевидцем событий.

> «Те люди малого роста, но груди у них широкие. Внешность их ужасная: лицо без бороды и плоское, нос тупой, а маленькие глаза далеко друг от друга отстоят. Одежда их, непроницаемая для холода и влаги, составлена из сложенных двух кож (шерстью наружу), так что похожа на чешую; шлемы из кожи или железа. Оружие их — кривая сабля, колчаны, лук и стрела, с острым наконечником из железа или хости, которая на четыре пальца длиннее нашей. На чёрных или белых знаменах своих имеют пучки из конских волос. Их кони, на которых они ездят и без седла, малы, но крепки, привычны к усиленным переходам и голоду; кони хотя не подкованные, взбираются и скачут по пещерам, как дикие козы и после трёхдневной усиленной скачки они довольствуются коротким отдыхом и малым фуражем. И люди много не заботятся о своём продовольствии, как будто живут от самой суровости воспитания: не едят хлеба, пища их — мясо и питьё — кобылье молоко (кумыс) и кровь С собой ведут много пленных, в особенности много вооружённых куманов (половцев), гонят их перед собой в бой и убивают как только видят, что они не идут слепо в бой Сами монголы неохотно идут в бой. Если же кто из них будет убит, тут же его без гроба закапывают Почти нет реки, которую они не переплыли бы на своих конях. Через большие реки всё-таки приходится им переплывать на своих меховых бурдюках (надутых воздухом) и лодках (камышовых плотах). Шатры их из полотна или из кожи. Хотя их огромное полчище, не нет в их таборе ни ропота, ни раздоров, они стойко переносят страдания и упорно борятся»[39].

Заслуживают внимания, безусловно, описания монголов, составленные современными историками и исследователями на

основании изучения первоисточников.

Вот как описывает монголов историк С. М. Соловьёв, опираясь на путевые заметки Дж. Плано Карпини и В. Рубрука:

> «/…/ Наружностию своею новые завоеватели нисколько не походили на других людей: большее, чем у других племён, расстояние между глазами и шёками, выдавшиеся скулы, приплюснутый нос, маленькие глаза, небольшой рост, редкие волосы на бороде — вот отличительные черты их наружности. Жён татарин имеет столько, сколько может содержать, женятся не разбирая родства, не берут за себя только мать, дочь и сестру от одной матери: жён покупают дорогою ценою у родителей последних. Живут они в круглых юртах, сделанных из хворосту и тонких жердей, покрытых войлоком; наверху находится отверстие для освещения и выхода дыма, потому что посередине юрты всегда у них разведён огонь. Некоторые из этих юрт легко разбираются и опять складываются, некоторые же не могут разбираться и возятся на телегах как есть, и куда бы ни пошли татары, на войну или так куда-нибудь, всюду возят их за собою. Главное богатство их состоит в скоте: верблюдах, быках, овцах, козах и лошадях, у них столько скота, сколько нет во всём остальном мире. Верят в одного бога, творца всего видимого и невидимого, виновника счастия и бедствий. Но этому богу они не молятся и не чествуют его, а приносят жертвы идолам, сделанным из разных материалов наподобие людей и помещаемым против дверей юрты: под этими идолами кладут изображение сосцов, считая их охранителями стад. Боготворят также умерших ханов своих, изображениям которых приносят жертвы, и творят поклоны, смотря на юг; обожают солнце, луну, воду и землю. Держатся разных суеверных преданий, например, считают грехом дотронуться ножом до огня, бичом до стрел, ловить или бить молодых птиц, переломить кость другою костью, пролить на землю молоко или другой какой-нибудь напиток и т. п. Молнию считают огненным драконом, падающим с неба и способным оплодотворять женщин. Верят в будущую жизнь, но думают, что и по смерти будут вести такую же жизнь, как и здесь, на земле. Сильно верят гаданиям и чарам, думают, например, что огонь всё очищает, и потому иностранных послов и князей с дарами их проводят сперва между двух огней, чтоб они не могли

принести хану какого-нибудь зла. Нет ни одного народа в мире, который бы отличался таким послушанием и уважением к начальникам своим, как татары. Бранятся они редко между собою и никогда не дерутся; воров у них нет, и потому юрты и кибитки их не запираются; друг с другом общительны, помогают в нужде; воздержны и терпеливы: случится день, два не поесть — ничего — поют и играют, как будто сытно пообедали, легко переносят также холод и жар; жёны их целомудренны на деле, но некоторые не воздержны на непристойные слова Любят пить, но и в пьяном виде не бранятся и не дерутся. Описав добрые качества татар, западный путешественник минорит Иоанн Плано-Карпини переходит к дурным; прежде всего поразила его в них непомерная гордость, презрение ко всем другим народам, мы видели, говорит он, при дворе ханском великого князя русского Ярослава, сына царя грузинского и многих других владетельных особ — ини одному из них не было воздаваемо должной почести приставленные к ним татары, люди незначительные, всегда брали перед ними первое место Татары сколько обходительны друг с другом, столько же раздражительны, гневливы с чужими, лживы, коварны, страшно жадны и скупы, свирепы: убить человека им ничего не стоит, наконец, очень неопрятны»[40].

А вот что пишут А. В. Венков и С. В. Деркач:

«В войско шли служить все мужчины-монголы от 14 до 60 лет /…/ Войска были организованы по десятичной системе 10 воинов составляли арбан под командованием богатура, десять десятков сводились в сотню — ягун, десять сотен — в тысячу, минган, десять тысяч составляли тумен. Переход из подразделения в подразделение был запрещён, каждый воин чётко знал своё место и свою роль в строю и в бою.

Защитное и наступательное вооружение монголов менялось по мере распространения границ империи и захвата новых территорий Значительная часть воинов не имела специального защитного снаряжения, а носила обычную одежду, приспособленную для кочевой жизни зимой и летом и для войны Монголы в массе своей носили коническую шапку с отвёрнутыми раздвоенными полями, которые можно было использовать в холода как наушники, шапка была опушена мехом волка, лисицы,

рыси и т. д. На теле носилась длинная, похожая на робу одежда, раскрытая спереди, запахнутая слева направо и скреплённая пуговицей под правой ключицей или подпоясанная кушаком. Рукава были широкие, до локтя. Под робой носилась нижняя одежда с длинным рукавом. Монголы носили широкие штаны, кожаные сапоги без каблуков, меховые шубы, мехом внутрь или наружу. Зимой они могли надевать шубу на шубу.

Вся монгольская армия была конной. Конница делилась на лёгкую и тяжёлую.

/…/ Татаро-монголов изображали исключительно как толпу кочевников в шкурах, летящую под свист и улюлюканье Считалось, что главным достоинством их армии была лишь дисциплина, а всё остальное — слабости их врагов. При серьёзном анализе всё это выглядит более чем сомнительным. В Центральной Азии у кочевых племён издавна сложился комплект тяжёлого вооружения, когда конь и всадник надёжно укрывались ламинарной или ламелярной броней. Находки граффити в Монгольском Алтае, отнесённые к VII–VIII вв., /…/ ломают ещё один устоявшийся стереотип о том, что у монголов были китайские доспехи, перенятые ими у покорённых народов.

Из оружия нападения использовались лук, топор, аркан, палица.

Основным оружием был лук, достаточно дальнобойный. Некоторые воины имели два лука, большой и маленький Имелся запас стрел в нескольких колчанах. Стрелы делились на лёгкие с маленьким острым наконечником для стрельбы на большие дистанции и на тяжёлые с широким плоским наконечником для стрельбы по близкой цели. Стрелы были с орлиным опереньем.

Из клинкового оружия богатые воины использовали „мечи“ (как называет их Карпини), „слегка изогнутые, режущие только с одной стороны и острые в конце“ По существу, Карпини описывает саблю.

Монголы использовали как обычные копья, так и копья с крюками для стаскивания противника с седла. На миниатюрах монгольские воины держат копьё двумя руками, сидя в седле боком. /…/

Монголы активно использовали разного рода военные машины. Например, „по“ и „шивайгоу“, которые метали горшки с греческим огнём.

Сами воины отличались хорошей подготовкой, большой выносливостью. С 4–5 лет мальчик-монгол обучался обращаться с луком Большая часть жизни кочевника проходила в седле. Воины-монголы могли спать прямо на марше в седле. Их переходы внушают невольное уважение. Они проходили по 600 миль за 9 дней, 120 миль за 2 дня без остановки для еды, 180 миль за 3 дня по глубокому снегу и т. д. Известны случаи, когда воины 10 дней обходились без еды, питаясь на марше лишь кровью своих лошадей и верблюдов и кумысом. Они отличались всеядностью — они ели собак, волков, лис, лошадей, крыс, мышей, соскребали с себя вшей и тоже отправляли в рот. Некоторые источники приписывали им людоедство. /…/

У монголов была прекрасно поставлена служба разведки, агитации и дезинформации противника. Любая война начиналась со сбора информации: изучались слабые стороны противника, условия климата, природа будущего театра военных действий. Параллельно шло разложение противника, распускались слухи, выискивались различные заинтересованные группы населения, которым давались щедрые обещания.

Перед выступлением в поход проходила всеобщая проверка снаряжения воинов; если оружие содержалось не в надлежащем порядке, виновника строго наказывали.

С выступлением в поход приходил черёд действовать войсковой разведке. Передовые войска выбрасывались за 70 вёрст вперёд от главных сил, на такое же расстояние освещалась местность боковыми охранениями Разведчики-монголы, по преданиям, на расстоянии 18 миль могли простым глазом отличить человека от животного. Вездесущие передовые разъезды раскрывали местоположение противника и прикрывали развёртывание своих войск. У противника зачастую складывалось мнение, что он окружён, что монголы повсюду.

Основные отряды придерживались правила, сформулированного впоследствии как „двигаться врозь, драться вместе“. Колонны конницы шли порознь, но поддерживали постоянную связь через гонцов и при помоши дымовых сигналов. Противник держался в неведении относительно реальных сил армии, их положения. Были случаи, когда вся армия на протяжении нескольких дней отступала, заманивая противника и не

выявляя своих настоящих сил.

Если дело доходило до сражения, обычным построением был развёрнутый строй сотен с интервалами между ними.

Первые два ряда составляли сотни тяжёлой конницы, за ними в три ряда строились сотни лёгкой конницы.

Особые отряды постоянно беспокоили фланги противника. Основная масса завязывала бой. Сотни лёгкой конницы выдвигались вперёд в интервалы между сотнями тяжёлой конницы и начинали обстрел противника. В случае атаки противника стрелки, не прекращая огня, отходили сквозь интервалы за сотни тяжёлой конницы, которая встречала врага копьями и мечами. Подобные перестроения повторялись несколько раз, до тех пор, пока противник не был достаточно измотан. Тогда по сигналу, который подавался поднятием чёрного или белого флага, фонарей (ночью) и проч, начиналось общее наступление. В присутствии высшего военачальника общее наступление начиналось по звуку большого барабана.

Атака тяжёлой конницы и следующих за нею лёгких сотен сминала расстроенного, измотанного врага. Монголы никогда не окружали противника полностью, давали ему „золотой мост“. Имея возможность спастись, противник прекращал сопротивление и бежал. А тогда уже монголы начинали преследование и преследовали, пока была такая возможность. /…/

Отступление осуществлялось только по приказу высшего начальства. Железная дисциплина удерживала бойцов от самовольного отхода. Круговая порука предполагала жестокое наказание всему десятку за отступление одного воина.»[41]

Думаю, необходимо сказать несколько слов об уникальной монгольской лошади. Историк Ж. Болдбаатар пишет:

«Гармоничное сочетание монгола и монгольской лошади в быту и в бою /…/ стало одним из бесспорных источников небывалых побед Мобильность монгольского войска явилась следствием идеальной монолитности лошади и воина, неразделимых и нерасчленимых. Монгол того времени прямо-таки вырастал на лошади и проводил всю свою жизнь на лошади»[42].

Ему вторит бурятский исследователь Я. Халбай:

> «Кочевник с раннего детства и до старости сидел на коне. Монгол и его лошадь были едиными организмами»[43].
>
> «Зимой температура в Монголии опускается до — 50°С, а летом поднимается до + 40°С. Соответственно и сформировались лошади этой породы с грубой головой, короткой шеей, низкорослые, широкотелые, с растянутым туловищем, короткими конечностями, прочными копытами, спущенным мускулистым крупом, сильно отросшими гривой и хвостом, хорошей зимней оброслостью. Эта лошадь круглый год может питаться подножным кормом. Высота в холке монгольской лошади колеблется от 122 до 130 см. Это идеальная лошадь для длительных походов и завоеваний»[44].

Наверно, никто не будет оспаривать того, что не будь у монголов уникальной лошади, плывущей в воде как рыба, быстрой как ветер, не знающей усталости, жажды и голода, совершенно нечувствительной к холоду и жаре, они не то, что бы не покорили полмира, но даже соседнюю страну завоевать не сумели бы.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что монголы XIII в. были прирождёнными воинами и завоевателями, призванными воевать и одерживать победы.

Часть первая Первый поход: Покорение Северо-Восточной Руси

Подготовка к великому походу (1235 г.)

В 1235 г. на берегу реки Онон собрался очередной великий курултай. Император Угедей с гордостью заявил, что сумел сокрушить ненавистных чжурчженей в соответствии с завещанием своего божественного отца. Курултай одобрил действия и политику великого хана, который, следуя Великой Ясе Чингис-хана, подтрудился на славу для величия и развития Империи. Курултай также обсудил вопрос о покорении русских княжеств и европейских стран, что тоже входило в планы Чингис-хана.

Незадолго до курултая монгольские войска окончательно покорили чжурчженьское государство Цзинь, которое прекратило своё существование, благодаря чему весь Северный Китай попал под власть великого хана. Кроме того, непокорный и непокорённый Джелал ад-Дин, разбитый Чурмаган-нойоном, бежал в горы, где в 1231 г. был убит курдскими разбойниками, даже не подозревавшими, что это сын самого падишаха[45]. Это известие было встречено в Монголии с облегчением. Хотя сын падишаха уже не представлял для монголов настоящей опасности, конечно, лучше мёртвый Джелал ад-Дин, нежели живой.

Таким образом, великий хан Угедей получил возможность приступить к осуществлению третьей задачи, намеченной курултаем 1229 г. Как повествует персидский историк Джувейни, на этом курултае «было принято решение завладеть странами Булгара, асов и Руси, находившимися по соседству со становищем Бату, которые не были покорены окончательно и гордились своей многочисленностью»[46].

Завоевание Руси и Европы обсуждалось ещё до начала похода 1222–1223 гг. Курултай 1235 г. постановил, что вновь присоединённые земли должны войти в состав улуса Джучиева. Угедей «во исполнение указа, данного Чингисханом на имя Джучи, поручил завоевание северных стран членам его дома»[47], т. е. второму сыну Джучи — Батыю (1208–1256).

Великий хан постановил:

> «Старшего сына обязаны послать на войну как те великие князья-царевичи, которые управляют уделами, так и те, которые таковых в своём ведении не имеют Нойоны-темники, тысячники, сотники и десятники, а также и люди всех сословий обязаны точно так же выслать на войну старшего из своих сыновей. Равным образом старших сыновей отправят на войну и царевны и

зятья»[48].

«Возникает вопрос: почему Чингис-хан выбрал главой улуса Джучи именно Бату? Почему не провозгласил старшего сына (Джучи] Орду ханом? Прежде всего Орду и Бату были сыновьями разных матерей. Если Орду родился от ойратской ханши Сартгуа, то матерью Бату была ханша Уги из хонгирадского рода. В то время в Монголии не последнее значение придавалось происхождению ханш, и, возможно, поэтому ханша Уги занимала более высокое положение в феодальной иерархии и обладала большим влиянием. Однако ни ханша Сартгуа, ни ханша Уги не являлись старшей женой Джучи. Старшей женой Джучи была дочь Джаха-хамбы кереитского Бэхтэй-иш. Звали её Нэктимыш-уджин. Мы знаем из „Сокровенного сказания монголов“, что Джаха-хамба приходился младшим братом Ван-хана Тоорила. Некоторые исследователи считают, что у ханшы Бэхтэй-иш не было детей-мальчиков»[49].

«В свои 19 лет хан Батый был уже вполне сложившимся монгольским правителем, основательно изучившим тактику и стратегию ведения войн его прославленным дедом, усвоившим воинское искусство конного монгольского войска Сам он был прекрасным наездником, метко стрелял из лука на полном скаку, умело рубился саблей и владел копьём. Но главное — опытный полководец и правитель Джучи научил сына командовать войсками, повелевать людьми и избегать распрей в разрастающемся доме чингисидов»[50].

Главным советником Бату-хана курултай назначил мудрого Субедей-баатура (1176–1248), имевшего неоценимый опыт ведения войн против прикаспийских народов и русских. По современным стандартам, эта должность соответствовала начальнику генерального штаба.

Мы можем судить о качествах Субедей-баатура по панегирику, с которым обратился Чингис-хан к своему любимому полководцу:

«Если бы (бежавшие меркитские княжичи) к небу поднялись, то разве ты, Субедей, не настиг бы, обернувшись соколом, летя как на крыльях. Если б они, обернувшись тарбаганами, даже и в землю зарылись когтями своими, разве ты, Субедей, не поймаешь их,

обернувшись пешнею, ударяя и нащупывая. Если б они и в море ушли, обернувшись рыбами, разве ты, Субедей, не изловишь их, обернувшись сетью-неводом и ловя их»[51].

«…Он был… самым замечательным стратегом из всех монгольских полководцев»[52], — такую оценку даёт Субедей-баатуру английский историк Дж. Дж. Саундерс. Вообще Субедей по праву считался лучшим полководцем эпохи монгольских завоеваний. Исследователи единодушно отмечают талант и военный гений «железного пса» Чингис-ханова[53].

В частности, датский историк Л. де Хартог пишет:

> «Неоценим вклад, внесённый Субедей-баатуром, в успешное завершение похода. Можно сказать, что вся кампания не только на Руси, но и в Центральной Европе прошла под его диктовку. Несмотря на то, что годы давили на него, он мудро руководил войсками. Номинально, как чингисид, верховным главнокомандующим считался Батый, однако на деле всё руководство войсками было сосредоточено в руках Субедей-баатура»[54].

План предстоящих походов Бату-хана, как и любой из походов его великого деда, был разработан до мелочей под непосредственным руководством Субедея и Бурундая, усовершенствовавших свои военные знания в сражениях под священным девятихвостым знаменем Чингис-хана. Все действия монгольских войск были строго скоординированы с учётом географических и других условий.

Поход Бату-хана во многом напоминает войну Чингис-хана против Хорезма. Бесчисленные профессиональные шпионы и лазутчики, которым особое значение придавал сам основатель монгольского государства, буквально наводнили Русь и Европу, по крохам собирая самую разнообразную информацию о военно-стратегическом и экономическом состоянии потенциальных противников. Благодаря их самоотверженной работе, Бату-хан и Субедей-баатур заранее знали своих будущих врагов, еще не встретившись с ними.

Через венецианских купцов и предпринимателей Субедей был связан почти со всеми общественными слоями Европы[55]. Подполковник Рэнк, оставивший труд о завоеваниях монголов, считал, что даже сам Папа римский не был недоступен для степного полководца.

«Надеялся ли папа на свой нейтралитет, на предоставление ему свободы действий по обращению тюркской Азии в

христианство?.. Во всяком случае достоверно одно, что он медлил с объявлением священной войны и решился на этот шаг только тогда, когда уже было слишком поздно, и народы Запада открыто обвиняли его в том, что он призвал монголов на Римского Императора (т. е. императора Священной Римской империи)»[56].

То обстоятельство, что Папа римский ненавидел германского императора больше, чем язычников-монголов, и считал его врагом номер один, говорит в пользу гипотезы Рэнка.

В великом западном походе приняли участие 13 представителей Золотого рода, потомков Чингис-хана. Это были сыновья Джучи Орду. Бату, Бэрке, Шейбани и Тангут; сыновья Цагадая Байдар и Хайду, а также внук Бури; сыновья Угедея Гуюк и Хадан; сыновья Тулуя Мунке и Буджек и пятый сын Чингис-хана от красавицы-жены Кулан-хатун Хулгэн (Кюлькан в русских летописях).

К вопросу о численности войск Бату-хана

Численность войска, отправившегося на Запад, в течение долгого времени являлась предметом неутихающих споров. Только благодаря исследованиям последних лет эта цифра становится более или менее конкретной и выдерживающей критику.

Главная причина спора, возникшего вокруг численности монгольского воинства, кроется в том, что историки XIII–XIV вв., труды которых, по-праву, должны стать первоисточником, единогласно объясняли невиданный успех кочевников их подавляющей численностью. В частности, венгерский миссионер-доминиканец Юлиан отмечал, что у монголов «такое множество бойцов, что его можно разделить на сорок частей, причём не найдётся мощи на земле, какая была бы в силах противостоять одной их части»[57].

Если итальянский путешественник Джованни дель Плано Карпини пишет, что Киев осадили 600 тысяч язычников, то венгерский историк Симон отмечает, что в Венгрию вторглись 500 тысяч монголо-татарских воинов.

Говорили также, что татарская орда занимает пространство на двадцать дней пути в длину и пятнадцать в ширину, т. е. чтобы обойти её понадобится 70 дней.

Наверное, настало время написать несколько слов о термине «татары». В кровавой борьбе за власть над Монголией Чингис-хан нанёс жестокое поражение монгольскому племени татар. Дабы избежать мести и обеспечить потомству спокойное будущее, ликвидированы были все татары, кто оказался выше ростом оси тележного колеса. Отсюда можно сделать вывод, что татары как этническая группа прекратила свое существование уже к началу XIII в.

Жестокость принятого решения вполне объяснима с позиций и моральных устоев той эпохи. Татары в своё время, поправ все степные законы, нарушили гостеприимство и отравили отца Чингис-хана — Есугей-баатура. Задолго до этого, татары, предав интересы монгольских племён, участвовали в пленении монгольского хана Хабула китайцами, которые с изощрённой жестокостью казнили его.

Вообще татары нередко выступали в качестве союзников китайских императоров.

Парадокс, но татарами азиатские и европейские народы назвали обобщённо все монгольские племена. По иронии судьбы именно под именем уничтоженного ими племени татар монголы

стали известны всему миру.

Заимствуя эти цифры, одно упоминание которых бросает в дрожь, авторы трёхтомной «Истории Монгольской Народной Республики» утверждают, что на Запад отправились 40 туменов воинов[58].

Дореволюционные российские историки склонны называть умопомрачительные цифры. В частности, Н. М. Карамзин, автор первого обобщающего труда по истории России, в своей «Истории государства Российского» пишет:

«Сила Батыева несравненно превосходила нашу и была единственною причиною его успехов Напрасно новые историки говорят о превосходстве Моголов (монголов. — Ч.Ч.) в ратном деле: древние Россияне, в течение многих веков воюя или с иноплеменниками или с единоземцами, не уступали как в мужестве, так и в искусстве истреблять людей, ни одному из тогдашних европейских народов. Но дружины Князей и города не хотели соединиться, действовали особенно, и весьма естественным образом не могли устоять против полумиллиона Батыева: ибо сей завоеватель беспрестанно умножал рать свою, присоединяя к ней побеждённых»[59].

С. М. Соловьёв приводит цифру поскромнее: 300 тыс. воинов[60].

Военный историк периода царской России, генерал-лейтенант М. И. Иванин пишет, что армия монголов первоначально составляла 164 тыс. человек, однако к моменту вторжения в Европу она достигла грандиозной цифры в 600 тыс. человек. В их число входили многочисленные отряды пленных, выполняющих технические и другие вспомогательные работы[61].

Советский историк В. В. Каргалов пишет:

> «…› Цифра в 300 тыс. человек, которую обычно называли дореволюционные историки, является спорной и завышенной. Кое-какие сведения, которые позволяют примерно судить о численности войска Батыя, содержатся в „Сборнике летописей“ персидского историка Рашид ад-Дина. В первом томе этого обширного исторического сочинения приводится подробный перечень монгольских войск, которые остались после смерти Чингис-хана и были распределены между его наследниками. Всего великий монгольский хан оставил своим сыновьям, братьям и племянникам „сто двадцать девять тысяч человек“. Рашид ад-Дин не только определяет обшую численность монгольских войск, но и указывает, кто из ханов —

наследников Чингис-хана — и по скольку получил в своё подчинение воинов. Поэтому, зная какие ханы участвовали в походе Батыя, можно примерно определить и общее число бывших с ними в походе монгольских воинов: их было 40–50 тыс. человек Нужно учитывать, однако, что в „Сборнике летописей“ речь идёт только о собственно монгольских войсках, чистокровных монголах, а, кроме них, в армии монгольских ханов было множество воинов из покорённых стран По сообщению итальянца Плано Карпини, у Батыя воины из покорённых народов составляли примерно $^3/_4$ войска. Таким образом, общая численность монголо-татарского войска, приготовившегося к походу на русские княжества, можно определить в 120–140 тыс. человек. Эта цифра подтверждается следующими соображениями. Обычно в походах ханы — потомки Чингиса — командовали „туменом“, то есть отрядом в 10 тыс всадников. В походе Батыя на Русь, по свидетельствам восточных историков, принимали участие 12–14 ханов-„чингисидов“, которые могли вести за собой 12–14 „туменов“ (т. е. 120–140 тыс. человек)»[62].

Далее В. В. Каргалов поясняет:

> «Такая численность монголо-татарской армии вполне достаточна для объяснения военных успехов завоевателей. В условиях XIII столетия, когда войско в несколько тысяч человек представляло уже значительную силу, более чем стотысячная армия монгольских ханов обеспечивала завоевателям подавляющее превосходство над противником. Вспомним кстати, что войска рыцарей-крестоносцев, объединявшие, по существу говоря, значительную часть военных сил всех феодальных государств Европы, никогда не превышали 100 тыс. человек. Какие силы могли противопоставить феодальные княжества Северо-Восточной Руси полчищам Батыя?»[63].

Послушаем мнения других исследователей.

Датский историк Л. де Хартог в своём труде «Чингис-хан — властитель мира» отмечает:

> «Армия Бату-хана состояла из 50 тыс. воинов, главные силы которой отправились на запад. По приказу Угедея ряды этой армии были пополнены

дополнительными частями и отрядами. Считают, что в армии Бату-хана, выступившей в поход, насчитывалось 120 тыс. человек, большинство которых составляли представители тюркских народов, однако вся командование находилось в руках чистокровных монголов»[64].

Н. Ц. Мункуев на основании своих исследований заключает:

> «‹…› В поход на Русь и в Европу были отправлены старшие сыновья всех монголов, включая владельцев уделов, ханских зятьев и ханских жён. Если считать, что монгольские войска в этот период состояли ‹…› из 139 тыс. единиц по пять человек, то при допущении, что каждая семья состояла из пяти человек, армия Батыя и Субедея насчитывала в своих рядах около 139 тыс. воинов»[65].

Э. Хара-Даван в своей книге «Чингис-хан как полководец и его наследие», впервые изданной в 1929 г. в Белграде, но не потерявшей ценности до наших дней, пишет, что в армии Бату-хана, отправившейся на завоевание Руси, числилось от 122 до 150 тыс. человек боевого элемента[66].

Вообще, почти все советские историки единодушно считали, что цифра в 120–150 тыс. воинов наиболее реальна Эта цифра кочевала и в работы современных исследователей. Так, А. В. Шишов в своей работе «Сто великих военачальников» отмечает, что хан Батый вёл под своими знаменами 120–140 тыс. человек[67].

Думается, что читателя, несомненно, заинтересуют выдержки из одной исследовательской работы. А. М. Анкудинова и В А. Ляхов, поставившие своей целью доказать (если не фактами, то словом), что монголы только благодаря своей численности смогли сломать героическое сопротивление русского народа, пишут:

> «Осенью 1236 г. огромные полчища Батыя, насчитывавшие около 300 тысяч человек, обрушились на Волжскую Булгарию. Булгары мужественно защищались, но были подавлены огромным численным превосходством монголо-татар. Осенью 1237 г. войска Батыя вышли к русским рубежам ‹…› Рязань была взята лишь тогда, когда её уже некому было защищать. Погибли все воины во главе с князем Юрием Игоревичем, были перебиты все жители. ‹…› Великий

> владимирский князь Юрий Всеволодович, не откликнувшийся на призыв рязанских князей вместе выступить против монголо-татар, теперь сам оказался в тяжёлом положении. Правда, он использовал время, пока Батый задержался на Рязанской земле, и собрал значительное войско. Одержав победу под Коломной. Батый двинулся к Москве Несмотря на то, что монголы имели подавляющее численное превосходство, они смогли взять Москву в пять дней. ‹…› Защитники Владимира нанесли монголо-татарам чувствительный урон. Но сказалось огромное численное превосходство, и Владимир пал. ‹…› Войска Батыя двинулись от Владимира в трёх направлениях. Защитники Переяславль-Залесского мужественно встретили монголо-татарских захватчиков В течение пяти дней они отбили несколько яростных приступов врага, имевшего многократное превосходства в силах. ‹…› Но сказалось огромное численное превосходство монголо-татар, и они ворвались в Переяславль-Залесский»[68].

Думаю бесполезным и излишним комментировать процитированное.

Историк Дж. Феннел вопрошает: «Каким образом татарам удалось разгромить Русь так легко и быстро?» и сам же отвечает: «Необходимо, конечно, учесть размер и необычайную силу татарского войска. Завоеватели, несомненно, имели численное превосходство над своими противниками»[69]. Однако он замечает, что невероятно трудно даже дать самую приблизительную оценку численности войск Бату-хана и считает, что наиболее вероятной представляется цифра, указанная историком В. В. Каргаловым.

Бурятский исследователь Я. Халбай в своей книге «Чингисхан — гений» приводит такие данные. Армию Бату-хана составляли 170 тыс. человек, из которых 20 тыс. китайцев состояли в технических частях[70]. Однако, он не привёл фактов для доказательства этих цифр.

Английский историк Дж. Дж. Саундерс в своём исследовании «Монгольские завоевания» указывает цифру в 150 тыс. человек[71].

Если в «Истории СССР», изданной в 1941 г., говорится, что монгольская армия состояла из 50 тыс. воинов[72], то в «Истории России», выпущенной в свет спустя шесть десятилетий, указывается несколько другая цифра, но в пределах допустимого — 70 тыс. человек[73].

В последних работах на эту тему русские исследователи склонны называть цифру в 60–70 тыс. человек В частности, Б. В. Соколов в книге «Сто великих войн» пишет, что Рязань была осаждена 60-тысячной монгольской армией[74]. Так как Рязань была первым русским городом, находившимся на пути монгольских войск, то можно заключить, что это и есть количество всех воинов Бату-хана.

Изданная в России в 2003 г. «История отечества» является плодом совместной работы авторского коллектива и указывает цифру монгольского войска в 70 тыс. воинов[75].

Г. В. Вернадский, написавший капитальный труд по истории Руси эпохи монголо-татарского ига, пишет, что ядро монгольское армии, вероятно, равнялось 50 тыс. воинам. Со вновь сформированными тюркскими соединениями и различными вспомогательными войсками общее количество могло составлять 120 тыс. и даже более того, но вследствие огромных территорий, подлежащих контролю и гарнизонному обеспечению, в ходе вторжения сила полевой армии Бату в основной его кампании едва ли была более 50 тыс. в каждой фазе[76].

Известный учёный Л. Н. Гумилёв пишет:

> «Силы монголов, стянутые для западного похода, оказались невелики. Из имевшихся у них 130 тысяч воинов 60 тысяч приходилось направлять на постоянную службу в Китай, ещё 40 тысяч ушло в Персию для подавления мусульман, а 10 тысяч воинов постоянно находились при ставке. Таким образом, для похода оставался десятитысячный корпус. Понимая его недостаточность, монголы провели экстренную мобилизацию. Из каждой семьи взяли на службу старшего сына.
>
> Однако общая численность войска, пошедшего на запад, вряд ли превышала 30–40 тысяч человек. Ведь при переходе в несколько тысяч километров одной лошадью не обойдешься. Каждый воин должен быть иметь, кроме ездовой, ещё и вьючную лошадь. А для атаки был необходим боевой конь, ибо сражаться на усталой или необученной лошади равносильно самоубийству. Требовались отряды и кони для перевозки осадных орудий. Следовательно, на одного всадника приходилось как минимум 3–4 лошади, а значит, тридцатитысячный отряд должен был иметь не менее 100 тысяч лошадей Прокормить такое поголовье при переходе через степи очень непросто. Везти же провиант для людей и фураж

для большого количества животных с собой было невозможно. Именно поэтому цифра в 30–40 тысяч представляется наиболее реальной оценкой монгольских сил во время западного похода»[77].

А. В. Венков и С. В. Деркач в совместной работе «Великие полководцы и их битвы» отмечают, что Бату-хан собрал под своими знаменами 30 тыс. человек (из них 4 тыс. монголов)[78]. Эти исследователи могли заимствовать названную цифру у И. Я. Коростовца.

Опытный русский дипломат И. Я. Коростовец, который служил в Монголии в один из наиболее уязвимых периодов нашей истории — в 1910-х гг. — в своём грандиозном исследовании «От Чингис-хана до Советской республики. Краткая история Монголии с учётом новейшего времени» пишет, что армия вторжения Бату-хана состояла из 30 тыс. человек[79].

Резюмируя вышесказанное, мы можем заключить, что историки называют приблизительно три группы цифр: от 30 до 40 тыс., от 50 до 70 тыс. и от 120 до 150 тыс. То, что монголы, даже мобилизовав покорённые народы, не могли выставить 150-тысячную армию, уже факт. Несмотря на высочайший указ Угедея, вряд ли каждая семья имела возможность отправить на Запад старшего сына. Как-никак завоевательные походы длились уже более 30 лет, а людские ресурсы монголов были и так скудными. Ведь походы в той или мере затрагивали каждую семью. Но и 30-тысячная армия при всей её доблести и героизме вряд ли могла покорить несколько княжеств за головокружительно короткий срок.

На наш взгляд, с учётом мобилизации старших сыновей и покорённых народов, в армии Батыя насчитывалось от 40 до 50 тыс воинов.

Попутно мы подвергаем критике бытующие мнения о многочисленности монголов, отправившихся на поход под знаменем внука Чингисова, и о сотнях тысячах пленных, которых якобы вели перед собой завоеватели, в силу следующих исторических фактов:

Во-первых, дерзнули ли жители Рязани вступить в открытое сражение с монголами, если их на самом деле было более чем 100 тыс воинов? Почему они не сочли благоразумным отсидеться за городскими стенами и попытаться выдержать осаду?

Во-вторых, почему «партизанская война» всего 1700 дружинников Евпатия Коловрата до такой степени насторожила Бату-хана, что он решил приостановить наступление и сначала разобраться со «смутьяном»? Имей Бату-хан армию,

превосходящую Евпатиеву рать по численности в 100 раз, он вряд ли услышал о таком воеводе. Тот факт, что даже 1700 бескомпромиссно настроенных патриотов стали для монголов силой, с которой нельзя было не считаться, свидетельствует о том, что Бату-хан никак не мог вести под своими знаменами «тьму ненаглядную».

В-третьих, киевляне вопреки обычаям войны предали смерти послов Мунке-хана, которые явились в город с требованием о сдаче. Только сторона, уверенная в своей непобедимости, отважится на такой шаг. Так было и в 1223 г. перед Калкской битвой, когда уверенные в своих силах русские князья осудили на смерть монгольских послов. Не верящий в свои силы никогда не стал бы убивать чужих послов.

В-четвёртых, в 1241 г. монголы проходили в Венгрии более 460 км за три неполных дня[80]. Такие примеры многочисленны. Разве можно за такой короткий срок пройти такое расстояние с многочисленными пленными и прочим небоевым комплектом? Но не только в Венгрии, вообще за весь период кампании 1237–1242 гг. продвижение монголов было таким стремительным, что они всегда выигрывали во времени и возникали, как бог войны, там, где их вовсе не ждали, тем самим приближая свою победу. Более того, ни один из великих завоевателей не смог бы захватить и пяди земли с армией, ряды которой были пополнены разношерстными и небоевыми элементами. Наглядный тому пример — Наполеон. Только французы приносили ему победы. И он не выиграл ни одной войны, воюя с армией, пополненной представителями покорённых народов. Чего только стоила авантюра в России — так называемое «нашествие двунадесяти языков».

Малочисленность своей армии монголы дополняли совершенством военной тактики и оперативностью. Представляет интерес описание тактики монголов английским историком Гарольдом Лэмбом.

> «1. Собирался курултай, или главный совет, в ставке Ха-Хана. На нём должны были присутствовать все высшие военачальники, за исключением тех, кому было дано разрешение оставаться в действующей армии. Там обсуждались складывающаяся ситуация и план предстоящей войны. Выбирались маршруты движения и формировались различные корпуса.
>
> 2. Высылались в неприятельскую охрану шпионы и добывались „языки“.
>
> 3. Вторжение в страну противника производилось

несколькими армиями в разных направлениях В каждой отдельной дивизии или армейском корпусе [тумене] был свой полководец, который двигался с войском к намеченной цели. Ему предоставлялась в пределах данной ему задачи полная свобода действий при тесной связи через курьера со ставкой верховного вождя или орхона.

4. При подходе к значительно укреплённым городам войска оставляли для наблюдения за ними специальный корпус. В окрестностях собирались запасы и, в случае надобности, устраивалась временная база Монголы редко просто ставили заслон перед хорошо укреплённым городом, чаще всего один или два тумена приступали к его обложению и осаде, используя с этой целью пленных и осадные машины, в то время как главные силы продолжали наступление.

5. Когда предвиделась встреча в поле с неприятельской армией, монголы обыкновенно придерживались одной из следующих двух тактик: они либо старались напасть на неприятеля врасплох, быстро сосредотачивая к полю сражения силы нескольких армий, как это было с венграми в 1241 г., либо, если, противник оказывался бдительным и нельзя было рассчитывать на внезапность, они направляли свои силы так, чтобы совершить обход одного из неприятельских флангов. Такой манёвр носил название „тулугма“, или стандартный охват»[81].

Этой тактики монголы неукоснительно придерживались во время своих завоевательных походов, в том числе и во время вторжения на Русь и в европейские страны.

Завоевание Приволжской Булгарии (1236–1237 гг.)

Всю зиму 1235–1236 гг. монгольские войска, сконцентрированные в верховьях реки Эрчис (Иртыш) и в степях Северо-Западного Алтая, готовились к походу «до последнего моря». Все понимали, что предстоит тяжёлая, долгая война с неизвестными народами Каждый воин имел по 3–4 лошади, 2–3 лука, несколько колчанов стрел, кривую саблю, щит и копьё. Хороший конь и хорошее оружие были незаменимы для кочевника, однако на этот раз именно от них зависели шансы на выживание в землях, отдалённых от Монголии тысячами километрами пути и населённых враждебными народами.

В начале весны 1236 г. войска Бату-хана двинулись на Запад. Известный историк XIII в. Джувейни образно писал: «От множества войск земля стонала и гудела, а от многочисленности и шума полчищ столбенели дикие звери и хищные животные»[82].

Шейбани, младший брат Бату-хана, командуя правым крылом монгольского войска, осенью 1236 г. вторгся на территорию Приволжской Булгарии. Вот что пишет о булгарах Дж. Дж. Саундерс:

> «Кочевники-булгары, говорившие на тюркских языках, жили на стратегически важном пересечении главных торговых путей, торговали на рынках Мавераннахра пушниной и рабами, а взамен покупали оружие и другие товары. Веровавшие в ислам, они жили в юртах, разводили лошадей и вели широкую торговлю, благодаря чему сумели мало-мальски приобщиться к цивилизованному миру. Также они обрабатывали землю В обращении у них имелась серебряная монета, отлитая по образцу Саманидских денег»[83].

На этот раз монгольские войска легко разрушили и преодолели приграничные укрепления булгар Сопротивление булгарских войск было сломлено, сами булгары — перебиты. Их города пали под ударами монголов. Столица ханства Булгар и другие города — Кернек, Сувар, Биляр, Жукотин — превратились в пепелища[84]. Джувейни отмечает в своей «Истории завоевателя мира», что пал город Булгар, славившийся «неприступностью местности и большою населённостью»[85]. На этом основании мы можем заключить, какое впечатление произвели на современников успехи монгольских войск в Булгарии.

К весне 1237 г. Приволжская Булгария была оккупирована войсками Бату-хана: около 60 (!) булгарских городов попали под власть монголов, а народ массами бежал в леса. Однако Булгария не была окончательно покорена. Восстания, которые то и дело поднимали булгары, подавлялись монголами с большим трудом.

Некоторые отряды монгольских войск, наступавших на север, достигли реки Кама. Таким образом, монголы свели старые счёты с булгарами, которые в 1223 г. заманили войско Субедея и Джебе в засаду и нанесли ему большие потери.

> «…Они [булгары] подверглись почти поголовному истреблению, и только небольшому числу нарочно оставленных в живых была предоставлена возможность бежать перед монголами, распространяя весть об участи народа Камских булгар. Тахая жестокость в самом начале похода диктовалась, конечно, не одной только жаждой мести, но и желанием янушить спасительный страх будущим противникам.»[86].

Результаты археологических раскопок, совершённых в бассейне рек Бездны и Актая на территории протяжённостью около 300 км в длину и 3–4 км в ширину, свидетельствуют о кровополитных оборонительных боях. Археологами были обнаружены остатки 73 поселений, которые были уничтожены в эпоху монгольского нашествия и больше не восстанавливались.

После завоевания Булгарии Бату-хан тут же обратил остриё оружия на северо-запад. Войска Мунке и Гуюка, к которым несколько позднее присоединился Субедей-баатур со своим корпусом, отбросили аланов и половцев за восточный берег Дона.

Войска Бату. Орду, Бэрке, Бури и Хулгэна, не прилагая особых усилий, привели к покорности буртасов или мокша, мордву и черкесов, обитавших в бассейне Оки и среднего течения Волги.

Монгольским войскам, собиравшимся переправляться через Волгу, оказал поддержку Шейбани-хан, прислав огромное количество плотов и лодок. Однако монголы по привычке, положив оружие в кожаные мешки, привязанные к конскому хвосту, и держась за их гривы, переправлялись на другой берег.

К осени 1237 г. монгольские войска, выполнив первую часть плана Субедей-баатура, подошли к русским границам. Во второй раз за первую половину жестокого XIII в. монголы реально угрожали Руси вторжением.

Одно из крупнейших государств Европы — Русь — в XIII в. не имело централизованного управления и было разделено на множество независимых, раздробленных княжеств. «В середине XII в. было 15 княжеств; в начале XIII в., накануне нашествия

Батыя, — около 50 /…/ Причиной такой раздробленности были разделы владений князьями между своими сыновьями: в результате княжества мельчали, слабели /…/»[87].

Ещё до монгольского нашествия внешнеполитические условия для Руси заметно ухудшились. Набеги половцев на русские земли причиняли ощутимый ущерб и населению, и хозяйству, и торговле. Каждый набег заканчивался тем, что победители уводили большое количество пленных. В результате отношения русских княжеств с Востоком были прерваны, что не замедлило отразиться на экономике и торговле Руси.

Децентрализация власти действительно помешала русским княжествам объединиться для отпора завоевателям. Однако прогрессивные русские историки признают тот факт, что даже если бы Русь была единой в XIII в., то она не могла остановить самую совершенную армию своего времени.

Гибель Рязани (1237 г.)

Покорив Булгарию, монгольские войска всю осень 1237 г. готовились к походу на Северо-Восточную Русь. В начале зимы Бату-хан двинулся из района, где в настоящее время находится город Воронеж, на Рязань.

Если и Наполеон, и Гитлер в какой-то мере смогли воспользоваться фактором внезапности, то у Бату-хана не было такого преимущества. Русские княжества ещё со времён Калкской катастрофы знали о намерениях монголов покорить мир. Русские не могли также не знать о том, что, начиная с 1235 г., монголы приступили к подготовке к новому большому походу, причём более значительными силами, чем в 1223 г. Многочисленные беженцы, прекрасно осведомлённые о военной силе, численности, тактике и целях армии Бату-хана, очень быстро донесли до русских земель весть о покорении булгар и половцев.

Монголы неспроста выбрали для начала военных операций зиму. В это время года на Руси с её крепкими морозами леденели реки, озёра и болота, что создавало оптимальные условия для наступления монгольской кавалерии.

Г. В Вернадский отмечает:

> «Субедей рекомендовал зиму как наилучший период военных операций в Северной Руси Дело в том, что в Монголии зима сурова, и монголы привычны к морозам; кроме того, они были хорошо защищены от холода своими меховыми одеждами. Монгольские кони также не боялись крепких морозов и, когда снег был не слишком глубоким, умели находить под ним листья или жнивьё. Основным преимуществом зимней кампании было то, что многочисленные реки и озёра Северной Руси были покрыты льдом, что очень облегчало операции захватчиков»[88].

Интересно, что и Наполеон, и Гитлер величали русскую зиму «Генералом Зима», говоря тем самым, что не русская армия, а русская природа с небывалыми морозами и стала причиной их поражения.

Заслуживает внимания интересное замечание Э. Хара-Давана о ведении зимней боевой кампании:

> «Конечно, зимний поход имеет и свои неудобства, из коих главное — отсутствие или недостаток подножного

корма, но зато зимою можно рассчитывать найти у оседлого населения запасы продовольствия и сухого фуража, а активная крепостная война в эту пору легче, так как обороняющему труднее производить земляные работы и крепостные рвы замерзают или заносятся снегом.»[89].

Вызывает интерес также отношение монгольских историков к русской зиме:

> «Природно-географические условия Монголии, для которой характерен резко континентальный климат с четырьмя сезонами, закалили монгольских воинов, наделили их невероятной способностью к преодолению природных барьеров и климатических трудностей»[90].

Выбор Северо-Восточной, а не Южной Руси для нанесения первого удара также не случаен. Как считают исследователи, сам выбор этого направления для наступления явился стратегически важным решением. Если бы армия Бату-хана сначала напала на более слабые в военно-экономическом отношении южные княжества, то северо-восточные княжества могли получить время для сплочения всех сил. Кроме того, южнорусские князья могли, не принимая боя с захватчиками, отступить со своими дружинами на северо-восток, что ещё более бы усилило русских, способствовав их единению.

В. В. Каргалов писал о русских воинах XIII в.:

> «Русские княжеские дружины были по тому времени превосходным войском. Вооружение русских дружинников — как наступательное, так и оборонительное — славилось далеко за пределами Руси. ‹…› Русские летописи полны рассказами о сложных тактических планах, искусно задуманных и проведённых походах и засадах княжеских дружин»[91].

Рязань, расположенная в южной части русских княжеств, вследствие своего географического расположения первой испытала на себе силу монгольского удара. Бату-хан разбил свой стан в местности Онуза (возможно, она находилась где-то в среднем течении рек Лесной и Польный Воронеж) и послал к рязанскому князю Юрию Ингваревичу посла с требованием выплаты десятины во всём Однако князь легкомысленно отнёсся к предложению монгольского хана и гордо заявил: «Когда нас всех не будет, тогда всё будет ваше»[92]. Как мог знать Юрий

Ингваревнч, что его слова станут пророческими.

На всякий случай Юрий Ингваревич решил попросить помощи у великого князя владимирского Юрия Всеволодовича и черниговского князя Михаила Всеволодовича. Но русские князья, затаившие друг на друга глубокие обиды многолетней давности, и пальцем не шевельнули, чтобы оказать помощь соотечественнику. К сожалению, они не сознавали того, что жестокая опасность грозит не только рязанскому княжеству, а всей Руси, и что не время думать о личных обидах.

Узнав, что помощи, на которую он очень надеялся, от великих князей владимирского и черниговского не будет, Юрий Ингваревич тотчас послал за своими братьями: за князем Давидом Ингваревичем Муромским, Глебом Ингваревичем Коломенским, а также за князем Олегом Красным, Всеволодом Пронским и др. На совете, где обсуждались дальнейшие действия, было решено послать сына Юрия Ингваревича — князя Фёдора — к хану Батыю с богатыми дарами, чтобы выиграть время.

Фёдор Юрьевич, получив аудиенцию у Бату-хана, передал ему дары и попросил его от имени своего отца не идти войной на Рязанскую землю. Бату-хан ещё раз потребовал от жителей Рязани десятины, покорности и принесения присяги. Однако Фёдор с негодованием и возмущением отвёрг это требование. С высоко поднятой головой он сказал:

> «Деды и отцы наши дани никому не платили и в рабах ни у кого не бывали, а за свою честь и отечество умирали: так и мы хотим честь свою оружием или смертью сохранить».

От этих слов рассвирепел внук Чингис-хана и приказал убить Фёдора и других посланников, а жителей Рязани — предать смерти[93].

По преданию, Апоница, один из учителей Фёдора Юрьевича, сумел укрыться и, после ухода монголов тайно схоронив его, добрался до родного города. Услышав весть об убийстве Фёдора Юрьевича, его жена Евпраксия, выбросилась из окна высокого терема вместе с сыном Иваном и разбилась насмерть.

Юрий Ингваревич решил: «Лучше нам смертию славу вечную добыть, нежели во власти поганых быть!», собрал свою рать и двинулся к реке Воронежу, где остановился Бату-хан. Тем самым князь хотел усилить пограничные укрепления и не допустить захватчиков на исконно Рязанские земли. Однако монгольская кавалерия двигалась с такой стремительностью, что рязанская дружина не смогла дойти до своих приграничных укреплённых линий, подверглась внезапной атаке и потерпела сокрушительное

поражение Среди погибших были муромский князь Давид Ингваревич, коломенский князь Глеб Ингваревич и пронский князь Всеволод Ингваревич.

> «И была сеча зла и ужасна. Много сильных полков Батыевых пало. И увидел царь Батый, что сила рязанская бьётся крепко и мужественно, и испугался. Но ‹…› Батыевы же силы велики были и непреоборимы, один рязанец бился с тысячей, а два — с десятью тысячами. ‹…› [Русские| через многие сильные полки Батыевы проезжали насквозь, храбро и мужественно биясь, так что всем полкам татарским подивиться крепости и мужеству рязанского воинства. И едва одолели их сильные полки татарские».

Так образно описывает летописец сечу в «Повести о разорении Рязани Батыем», широко используя гиперболу.

Необходимо, кстати, заметить, что не только в этой повести, а во всех литературных памятниках эпохи монгольского нашествия — летописях и повестях — с обилием используются преувеличения при освещении борьбы русского народа с иноземными захватчиками и описании зверств и бесчинств монголов. Попутно заметим, что в одной из русских летописей битва на реке Калке датируется 1224 годом, что не делает чести этим хроникам. Также необходимо принять во внимание то, что некоторые летописи составлялись спустя несколько лет после описываемых событий.

Разгромив в приграничном сражении рязанское войско, монголы захватили и предали огню Пронск, Ижеславец, Белгород и Борисов-Глебов. «Кровь христиан лилась рекой», — с прискорбием отмечает летописец.

Дорога на Рязань была свободна.

16 декабря 1237 г. авангард монгольского войска подошёл к стенам Рязани. Вскоре прибыли части семи ханов Золотого семейства, потомков Чингис-хана — Бату, Орду, Гуюка, Мунке, Хулгэна (Кюль-кана), Хадана и Бури, и город был отрезан от всего мира.

В то время Рязань по праву считалась одним из крупнейших русских городов. Рязань, где проживало 25 тыс жителей, при необходимости могла выставить 3–4 тыс. вооружённых ратников. Более того, при приближении опасности жители окрестных сел и деревень сотнями находили укрытие в Рязани, что в определённой мере влияло на обороноспособность города Рязань, расположенная на берегу реки Оки, представляла собой хорошо укреплённый город. С трёх сторон его окружали мощные

земляные валы, достигавшие 10-метровой высоты и имевшие у основания ширину 23–24 м, а с четвёртой — крутой берег. Кроме того, перед валами были вырыты рвы глубиной в 8 м.

Племянник князя Юрия, князь Роман Ингваревич отважился на вылазку. Выйдя со своей дружиной из городских ворот, Роман скрестил оружие с монголами, однако дерзкое нападение было отражено с большими потерями для осаждённых. Роман был вынужден бежать с уцелевшими дружинниками на север, надеясь соединиться с войсками великого князя владимирского. Обречённое на провал предприятие юного князя самым негативным образом сказалось на обороне Рязани, которой был дорог каждый воин.

Субедей-баатур, за спиной которого находился не один взятый штурмом город, лично руководил осадными операциями. По его распоряжению монгольские воины штурмовали город, не давая передышки осаждённым, а сами через определённое время сменяли друг друга. Пять дней и ночей продолжался штурм, пока не настал момент решающей атаки. Как пишет летописец, места павших ратников занимали женщины и старики, но силы были неравны. На шестой день осады — 21 декабря, — когда «многие горожане были убиты, а иные ранены, а иные от великих трудов и ран изнемогли», монгольские войска вошли в город.

В «Повести о разорении Рязани Батыем» мы читаем:

> «И во граде многих людей, и жён, и детей мечами посекли, а других в реке потопили, ‹…› и весь град пожгли, и всю красоту прославленную, и богатство рязанское ‹…› захватили. ‹…› И не осталось во граде ни одного живого: все равно умерли и единую чашу смертную испили. Не было тут ни стонущего, ни плачущего — ни отца и матери о детях, ни детей об отце и матери, ни брата о брате, ни сродников о сродниках, но все вместе лежали мёртвые».

Забегая вперёд отметим, что спустя год в самом начале второго похода монголы вторично захватили Рязань и предали его грабежу. Из этого факта мы можем заключить, что в 1238 г. Рязань не была, как принято считать, разрушена до основания, а его жители подвергнуты поголовному истреблению.

Евпатий Неистовый (1238 г.)

1 января 1238 г. монгольское войско оставило Рязань и по льду реки Оки двинулось на север, по направлению к крепости Коломна[94]. Это направление было выбрано не случайно. Бату-хан намеревался, достигнув района Коломны и Москвы, отрезать великого князя владимирского Юрия Всеволодовича от Новгорода, обладавшего большим экономическим и военным потенциалом, с тем, чтобы ликвидировать любую возможность для получения помощи.

В это время один из рязанских воевод Евпатий Коловрат, бывший в Чернигове[95], услышал о гибели родного города и выступил с малою дружиною.

> «И приехал в землю Рязанскую и увидел её опустевшую, города разорены, церкви пожжены, люди убиты И помчался во град Рязань и увидел город разорён, государей убитых и множество народа полегшего: одни убиты и посечены, другие пожжены, а иные s реке потоплены»[96].

Евпатий Коловрат, которого охватили гнев и скорбь за родной город, собрал решительно настроенных тысячу семьсот человек, таких же жертв войны, как и он сам, и пошёл по следам армии Бату-хана[97].

Отряд Евпатия Коловрата разгромил и обратил в бегство несколько малочисленных частей монгольского войска. Как только эти сведения дошли до Бату-хана, он послал против мстителей своего шурина Хостоврула, но и его отряд был разбит, а он сам пал от руки Евпатия. В народе заговорили о Евяатии Неистовом.

Бату-хан, оценив всю опасность создавшегося положения, сам двинулся против восставших. Дружинники Евпатия в конце концов были отброшены к Берендееву болоту и окружены. Рязанский воевода, оценив обстановку, попытался пробиться в северные леса, к городу Угличу. Однако у Плещеева озера все они до единого сложили головы в ожесточённой битве [98].

Уцелевшие израненные русские пленные были приведены к Батыю. Чингисид спросил:

— Какой вы веры и какой земли и почему мне так много зла творите?

Пленные отвечали с достоинством:

— Веры мы христианской, богатыри великого князя Юрия

Ингваревича рязанского, а из полка Евпатия Коловрата. Посланы тебя, сильного царя, почтить, и с почётом проводить, и честь тебе воздать, но не удивляйся, царь: не успеваем наливать чаши за великую силу — рать татарскую!

Тысячники монгольского войска, изумлённые дерзостью и отвагой отряда Евпатия Коловрата, говорили Бату-хану:

> «Мы со многими царями, во многих землях, на многих бранях бывали, а таких удальцов и резвецов не видали, и отцы наши не рассказывали нам. Это люди крылатые, не знают они смерти и так крепко и мужественно на конях бьются: один с тысячею, а два с тьмою. И ни один из них не съедет живым с побоища»[99].

Далее говорится, что Бату-хан сказал, глядя на тело Евпатия:

> «О Коловрат Евпатий! Хорошо ты меня попотчевал с малою своею дружиною, и многих богатырей сильной орды моей побил, и много полков разбил. Если бы такой вот служил у меня, — держал бы его у самого сердца своего».

Под впечатлением увиденного он приказал отдать честь павшим русским и отпустить на волю немногочисленных, израненных пленных. И этим своим поступком он невольно напоминает самого Чингис-хана, который миловал даже лютого врага, проявившего беззаветную храбрость, и предавал казни даже близкого друга, опозорившего монгольское оружие своей трусостью.

Интересно умозаключение Льва Гумилёва:

> «Столкновение с отрядом Евпатия Коловрата подтверждает нашу оценку численности монгольского войска. В дружине Евпатия имелось около двух тысяч воинов Если бы в рядах монголов действительно насчитывались сотни тысяч человек, то никаким героизмом Коловрат не смог бы задержать движение монгольской армии. Скорее всего, его отряд просто не был бы замечен. Но у Батыя наверняка имелось не более половины монгольских сил, то есть 15–20 тысяч воинов, и потому нападение Коловрата на монгольский тыл оказалось столь чувствительным»[100].

Сражение при Коломне (1238 г.)

Великий князь Владимирский Юрий Всеволодович, считавшийся самым сильным и самым влиятельным из русских князей, собирал свои дружины под крепостью Коломной для отпора иноземным захватчикам. Коломна была выбрана неспроста. Эта крепость в XIII в. была стратегически важной точкой, расположенной на пересечении главных коммуникаций. Под великокняжеские хоругви собрались уцелевшие дружинники Романа Ингваревича и ратники Всеволода, старшего сына Юрия. Кроме них, свои дружины на помощь великому князю Юрию Всеволодовичу прислали Москва, Пронск и другие города[101]. Воевода Еремей Глебович получил верховенство над объединёнными силами владимирского княжества. Как свидетельствуют русские летописи, великий князь сумел собрать довольно значительные силы. Однако сам Юрий Всеволодович, согласно характеристике Л. Н. Гумилёва, был «недалёким политиком и скверным полководцем».

Примерно 10 января монгольские войска подошли к крепости Коломна с юга, со стороны Оки. Внезапной кавалерийской атакой началась одна из самых значительных битв кампании 1237–1238 гг. Упорное сражение закончилось полным разгромом русской рати. Согласно летописцу, в этой ожесточенной битве «кровь лилась рекой»[102]. Были убиты Роман Ингваревич и владимирский воевода Еремей Глебович. Только князь Всеволод Юрьевич с малой дружиной сумел спастись и пробраться к Владимиру. С другой стороны, гибель пятого сына Чингис-хана — молодого, горячего Хулгэна, пылко мечтавшего о славе отца, стала для чингисидов, для всех монголов невосполнимой потерей. Заметим, что Хулгэн был единственным чингисидом, представителем Золотого рода, который погиб во время монгольских завоеваний, продолжавшихся без малого почти целый век.

В битве при Коломне объединённая рать одного из самых могущественных государств Руси — великого княжества Владимирского — померилась силою с монгольской конницей и была наголову разбиты. Поражение великокняжеской рати объяснялось и объясняется подавляющей численностью монгольского войска. В. В. Каргалов писал:

> «Летописцы не называют общую численность войска русских феодальных княжеств накануне нашествия Батыя, однако примерно определить, сколько воинов

> могла выставить Русь в период опасности, всё-таки можно По сообщениям летописцев, князь Андрей Боголюбский собирал с Северной Руси (области: Новгородская. Ростовская с Белоозером, Муромская и Рязанская) до 50 тыс. воинов. Примерно столько же могла выставить и Южная Русь. ‹…› Но не только и даже не столько недостаточная численность русских войск предопределила поражение в войне с монголо-татарскими завоевателями. Основной причиной, обусловившей военную слабость Руси, была феодальная раздробленность»[103].

Эта тенденция, прочно овладевшая умами историографов, не только не изжила себя, но и перекочевала в труды маститых западных исследователей. В частности, Дж. Дж. Саундерс отмечает: «Русь, разделённая на десятки самостоятельных княжеств, враждовавших между собой, не имела единства и тем самым распыляла свои силы»[104], что и стало, в конечном итоге, причиной поражения её вооружённых сил. В том же духе отзывается немецкий историк Р. Нойман-Ходиц:

> «Ещё со времён Киевской Руси в России не было централизованного государства. То обстоятельство, что Русь была раздроблена на множество мелких княжеств и вообще не существовало единой государственной политики, облегчило осуществление захватнических целей монголов и сыграло им на руку»[105].

Однако мы должны, волей или неволей, признать, что русские княжества, даже объединив свои силы, не смогли бы противостоять монгольской коннице в открытом сражении. Иными словами, монгольские войска покорили бы Русь, будь она даже единой.

Почему? Наполеон, на просьбы своих маршалов и адъютантов не подвергать свою августейшую жизнь опасностям и превратностям войны, любил отвечать: «Пуля, которая должна сразить меня, ещё не отлита». Так же как и эта пуля, в XIII в. ещё не появилась на свет божий армия, которая могла сокрушить легендарную монгольскую конницу.

Войска Батыя, захватив с боем крепость Коломну, продолжили наступление по льду Москва реки. 16 января 1238 г. Батый подошёл к стенам Москвы. Великий князь Юрий послал своего младшего сына Владимира на помощь воеводе Филиппу Няньке. Юный князь едва успел попасть в город до подхода монгольских частей. Однако Владимир Юрьевич и Филипп

Нянька не сумели отстоять город. На пятый день Москва была взята штурмом[106]. При этом не последнюю роль сыграли сооружённые китайскими мастерами и инженерами специальные машины, швырявшие в город огромные камни и горшки с зажигательной смесью, прибытие которых и предрешило исход «битвы за Москву». Пылавшая Москва была занята монголами 20 января 1238 года.

Падение стольного града Владимира (3–7 февраля 1238 г.)

3 февраля 1238 г. войска Бату-хана начали осаду стольного града Северо-Восточной Руси — Владимира. Один из крупнейших городов Руси был окружён высокими, мощными стенами с каменными башнями. С севера и востока Владимир был защищён естественной преградой — рекой Лыбедь, а с юга — рекой Клязьмой. Однако не менее неприступной являлась и западная сторона города, где возвышались знаменитые белокаменные «Золотые ворота». Считалось бесспорным, что перед этой частью Владимира бессильны любые достижения осадной техники того времени. Но укрепления города этим не исчерпывались. Чтобы достичь центра города, осаждавшие должны были преодолеть три оборонительные линии, стены «Нового города», стены «Среднего» или «Мономахова города», и каменные стены Владимирского кремля — «Детинца». Кроме того, при необходимости осаждённые могли использовать многочисленные каменные монастыри и церкви в качестве укреплённых пунктов для отпора захватчикам.

Хорошо укреплённый Владимир, где проживало более 30 тыс. жителей, мог выдержать длительную осаду. Так, по крайней мере, считал великий князь Юрий, который оставил в городе вместо себя своих сыновей — Всеволода и Мстислава. Однако военными действиями руководил опытный воевода Пётр Ослядукович. Сам великий князь покинул столицу собирать православных против «безбожников-татар».

> «Ещё в 1210-х годах он (Юрий) истощил силы своего княжества в распрях с собственным дядей, поддержанным новгородцами. Поэтому что мог сделать Юрий зимой 1237-38 гг… когда, взяв Рязань и рассеяв наспех собравшихся на реке Коломне русских, Батый двинул войска на Владимир? Князю оставалось или попытаться договориться с монголами, или, оставив владимирские города и земли, отойти на север и укрепиться в труднопроходимых лесах.
>
> Юрий выбрал третий вариант — самый неудачный. Он приказал оборонять Владимир, не обеспечив его гарнизоном, причём оставил в городе свою собственную семью. Сам же князь под предлогом сбора войска ушёл на берега Мологи и остановился в месте впадения в неё маленькой речки Сити»[107].

Интересно, что В. В. Каргалов считает решение великого князя правильным и не подлежащим сомнению.

«В этих условиях Юрий Всеволодович принял, по-видимому, самое правильное решение: оставить часть войск для обороны Владимира, рассчитывая, что они сумеют отсидеться за крепкими городскими стенами, а самому отправиться дальше на север и продолжать собирать ратную силу»[108].

Как ни парадоксально, но ещё до начала Великого похода посланник Бату-хана, отправившийся к королю Беле, был захвачен владимирцами и приведён к Юрию Всеволодовичу. Однако великий князь по непонятным причинам не придал этому особого значения и продолжал беспечную жизнь. Если бы Юрий Всеволодович отнёсся к сложившейся ситуации с подобающей серьёзностью, то встретил бы монголов в совершенно иных для себя условиях.

Бату-хан, чтобы обезопасить свой тыл, послал за великим князем конный отряд. Этот отряд 5 февраля с ходу овладел Суздалем, расположенным в 30 км от Владимира, однако так и не смог нагнать Юрия Всеволодовича, после чего вернулся на соединение с главными силами. Та лёгкость, с которой небольшой отряд захватил богатый город, объясняется тем обстоятельством, что многие его защитники были мобилизованы для обороны стольного града Владимира, а оставшиеся ратники ушли с великим князем для продолжения борьбы.

Отрезав Владимир от остального мира, Бату-хан потребовал выражения покорности. Однако горожане с возмущением отвергли это предложение. Тогда монголы привели к стенам города сына великого князя Владимира Юрьевича, захваченного в плен при взятии Москвы, и зарубили его на глазах всех владимирцев, заявив перед тем, что такая же участь ждёт всякого, кто не преклонит голову и не согнёт колени перед священным девятихвостым знаменем. Кроме того, под стенами города прошли тысячи пленных русских, которых монголы в целях устрашения нещадно били кнутами. Однако жители Владимира решили стоять до конца.

Целых два дня монголы обстреливали Владимир из тяжёлых катапульт и баллист, а тараны били по стенам и воротам города, в то время, как летучие отряды конницы опустошали окрестность, а жителей гнали на осадные работы.

6 февраля тараны проломили стену Нового города в нескольких местах, куда тут же устремились монголы, но были встречены местными жителями, грудью защищавшими свой град. Монголы, предчувствовавшие победу, вынуждены были отступить. Однако самоотверженная борьба горожан лишь на день

отодвинула гибель Владимира.

В этот тяжёлый час, когда решалась судьба города, знать решила, что положение безнадёжное и никакой героизм не сможет спасти Владимир от гибели и перестала бороться. С благословения владимирского епископа Митрофана князья и бояре постриглись в монахи, тем самым «самоустранились» от мирских забот. Жители Владимира остались без руководства. Более того, князья Всеволод и Мстислав решили ценой подлого предательства спасти свои жизни. Под покровом темноты они тайно покинули город и с богатыми дарами отправились в стан Бату-хана. На коленях они умоляли внука Чингисхана сохранить им жизнь. Бату-хан осведомился у старого полководца:

— «Как поступил бы на моём месте Священный Потрясатель Вселенной?»

На что тот отвечал:

— «Мой старый друг и соратник Джебе-нойон в молодости воевал против твоего августейшего деда и даже нанёс Ему рану в горло Однако Он ценил храбрость, когда это было нужно, и сделал его своим приближённым. Ведь Джебе-нойон защищал своего государя и свой народ. Но в Его сердце никогда не было места малодушным, предавшим свой народ»

— «Да Человек, предавший собственный народ, при подходящем случае предаст и того, ради которого предавал его».

— С этими словами Батый приказал предать казни сыновей великого князя.

После бегства князей паника охватила и без того отчаявшихся бояр и духовенство Владимира. Вместо того, чтобы сплотить народ перед лицом смертельной опасности, церковь провозгласила монголов «бичом божиим». «карой божией во грехи людей» и призывала прекратить богопротивное сопротивление и найти успокоение души в молитве. Беспомощность бояр и церковников, предательство князей, конечно, самым негативным образом сказался на силе воли и духа защитников города. С восходом солнца 7 февраля монголы пошли на решительный штурм. Не менее решительно встретили их жители Владимира. Для нанесения главного удара Субедей-баатур выбрал западную часть города, свободную от естественных препятствий, но не «Золотые ворота», а деревянные стены. Одновременно монголы пошли на штурм города со всех сторон. По сообщениям Рашид ад-Дина, чудеса храбрости показал другой внук Чингис-хана — Мунке-хан — будущий великий хан всех монголов[109] Беспрерывная работа катапульт и баллист, швырявших 160-килограммовыми каменными ядрами и поддержанных таранами, довершила начатое накануне дело.

Глиняные горшки с зажигательной смесью вызвали в городе пожар. В нескольких местах были проломлены стены Нового города и монгольские воины, словно морской прилив, ворвались во Владимир. Каждый, кто мог держать в руках оружие, встал на защиту Нового города. Однако их самоотверженная борьба уже не могла остановить почуявших близкую победу и рассвирепевших от вида крови монголов Новый город был захвачен. Со всех сторон тесня местных жителей, монголы поочередно ворвались в Средний город, а затем и в Детинец, последний оплот защитников стольного града. По мере продвижения к центру города бой затухал, так как некому уже было заменять павших. Княжеская семья, бояре, высшее духовенство и уцелевшие защитники города заперлись в каменном Успенском соборе и отказались вести какие-либо переговоры с захватчиками. Тогда монголы обложили собор хворостом и подожгли…

Наивность великого князя Юрия Всеволодовича, полагавшего, что толстые стены стольного града надолго задержат завоевателей, стоила целого города и его жителей. Мечте Юрия собрать большое войско, пока монголы осаждали хорошо укреплённый, многолюдный Владимир, и изгнать захватчиков с родной земли, не суждено было осуществиться.

Владимир был последним городом Северо-Восточной Руси, который осаждали объединённые силы монгольских ханов под командованием Батыя.

Месяц февраль (1238 г.)

После взятия Владимира в стане монгольского хана состоялся военный совет: было решено разделить армию на несколько мобильных частей, так как не было больше необходимости держать войска вместе Содержать такое количество воинов и лошадей в условиях суровой зимы становилось всё более трудным. Теперь мобильные части во главе с опытными начальниками должны были пройти по всей Северо-Восточной Руси, нарушить коммуникации и сломить очаги сопротивления поодиночке, чтобы до начала оттепели успешно завершить кампанию.

Не теряя драгоценного времени, монгольские войска двинулись из Владимира в нескольких направлениях на погром Руси. Одна из частей направилась на восток, имея задачей захватить города, расположенные вдоль среднего течения Волги. Другая часть двинулась на северо-запад, держа курс на Торжок и Тверь. Сам же Бату-хан во главе основных сил двинулся на реку Сить, в районе которого многострадальный великий князь Юрий Всеволодович вновь собирал войска. Войска Бату-хана перешли реку Нерли по льду и в середине февраля подошли к стенам Ростова. Так как Ростовский князь Василько Константинович со своей дружиной уехал на соединение с Юрием Всеволодовичем, город остался без защиты. Бояре, к которым перешла власть в Ростове, благоразумно предпочли сдаться на милость победителей, У монголов был обычай, согласно которому ещё со времён войны в Северном Китае они не подвергали опустошению город, добровольно открывший свои ворота. Таким образом Ростов сумел избежать разрушения и ограбления Позднее Ростов превратился в один из крупнейших центров России. Достаточно сказать, что позже центр общерусского летописания перенёсся из Владимира в Ростов.

В Ростове монгольское войско разделилось на две части Одна, наиболее значительная, часть под командованием темника Бурундая по льду реки Устье направилась к Угличу, который, так же как и Ростов, сдался без боя Углицкий князь Владимир Константинович, следуя примеру Василько, оставил свой город, чтобы соединиться с силами великого князя. Как и в случае с Ростовым, монголы взяли с Углича лошадей и продовольствие и тронулись дальше.

Как сказано выше, одна из частей монгольских войск имела двойную цель: соединиться с мобильными отрядами в районе Костромы и подвергнуть разгрому торговые города,

расположенные вдоль среднего течения Волги. Решив обе задачи, монголы окончательно изолировали бы великокняжескую рать, которая, в случае их поражения, могла отступить к Волге и, используя речные пути, переправиться куда-нибудь для продолжения борьбы. Монгольская конница успешно справилась со своей задачей, захватив Ярославль, Кострому и другие волжские города. В результате археологических раскопок, проведённых спустя несколько столетий под руководством известного учёного Н. Н. Воронина, были найдены многочисленные свидетельства упорных и кровопролитных боев Долгие годы Ярославль не мог оправиться от погрома. Далее части монгольских войск, двинувшиеся из Владимира в восточном направлении, достигли города Стародуба, который был «взят копьём». Однако ещё до прихода захватчиков стародубский князь Иван предусмотрительно отправил за Волгу свою семью, драгоценности и мирных жителей. Оставшиеся в городе дружинники после ожесточённого боя были уничтожены. Участи Стародуба не избежали и другие приволжские города. Летучие отряды монгольской конницы проникали всюду, а некоторые её части достигли Галич-Мерьского и даже Вологды.

На пути монгольской конницы, двинувшейся из Владимира на северо-запад, первым встал Переяславль-Залесский, бывший важным стратегическим пунктом, своеобразным ключом к Великому Новгороду. В силу своего географического положения Переяславль-Залесский был сильно укреплён и представлял собой мощную крепость. Город был защищён с севера рекой Трубеж, а с остальных сторон — глубоким рвом, заполненным водой. Болотистая окружающая местность затрудняла движение осадных орудий. В довершение всего, оборонительные валы высотой в 10–16 м и двойные стены с 12 башнями превращали Переяславль-Залесский в один из крупнейших и сильно укреплённых городов Северо-Восточной Руси. Монголы, по обычаю, сразу приступили к штурму. Пять дней и ночей продолжались бои. Не выдержали деревянные стены Переяславль-Залесского мощи осадных орудий и бешеного натиска монголов Защитники города были перебиты, а уцелевшие жители захвачены в плен. В Переяславль-Залесском монгольские войска вновь разделились на две части, одна из которых двинулась к Кснятину, а другая — к Юрьеву.

Монгольские войска, то разъединяясь, то воссоединяясь, только за месяц февраль заняли 14 городов, не считая сёл и деревень: Углич. Тверь, Дмитров. Городец. Кашин, Юрьев, Кснятин, Ярославль, Кострома, Торжок. Ростов. Волок-Ламский, Галич-Мерьский и Переяславль-Залесский[110] Захват этих городов имел большое стратегическое значение, так как решил

сразу две задачи: вся Северо-Восточная Русь подпала под власть монголов, её военно-экономический потенциал был уничтожен, что, в свою очередь, исключало возможность великого князя Юрия Всеволодовича получить какую-нибудь помощь от этих городов.

Жители Торжка оказали ожесточённое сопротивление захватчикам. Монголы начали осаду Торжка 22 февраля и лишь после упорных боёв, длившихся целых две недели, 5 марта заняли пылавший город При наступлении на укреплённые города монголы вели перед собой в качестве мишени пленных, а сами шли за ними[111]. Этой же тактики монголы придерживались и при осаде и штурме Торжка.

В силу гениальности плана и мобильности конницы в течение одного-единственного месяца Бату-хан захватил 14 русских городов и стал хозяином Северо-Восточной Руси. Без этих двух слагаемых его поистине наполеоновские планы могли бы так и остаться нереализованными. Действительно, план военных действий, предусматривавший все возможные варианты, был идеален и безукоризненен. Во-вторых, монгольские войска чётко представляли свои задачи и успешно координировали свои действия. В-третьих, монголы в ходе зимней кампании всегда выигрывали во времени, без чего успех был попросту невозможен.

Февраль 1238 г. стал чёрной страницей в истории России.

Сеча на реке Сити (4 марта 1238 г.)

К началу марта 1238 г. судьба Северо-Восточной Руси была, в основном, предрешена. Монголы повсеместно подавили очаги сопротивления И только где-то у речки Сити великий князь владимирский Юрий Всеволодович собирал под свои хоругви патриотов, горевших пламенным желанием или сложить свои головы за Русь, или изгнать «безбожников-татар» с родной земли. За месяц силы великого князя значительно увеличились, так как на Сить стекались все недовольные «новым режимом» и сложившимися порядками, те, кто в огне войны потеряли родных и близких, т. е. для кого жизнь превратилась в сущий ад.

Неспроста великий князь выбрал речку Сить. Расположившись на Сити, Юрий Всеволодович имел возможность получать помощь с севера — из нетронутых войной Новгорода, Белоозера, Вологды. Устюга и Ладоги. В худшем случае, в случае поражения, русская рать могла беспрепятственно отступить на север и продолжать борьбу.

Юрий Всеволодович был настроен решительно. Его можно понять: он отдал свой город врагу и теперь лишь номинально именовался великим князем, он потерял всё. Возможно, Юрий Всеволодович, лишь теперь понявший с кем именно имеет дело, и не надеялся на реванш. Но, безусловно, одно: для него ничего, кроме борьбы, причём борьбы на смерть, не имело другого смысла.

По мнению В. В. Каргалова, расположении реки Сити было как нельзя более идеальным для продолжения борьбы:

> «Дремучие леса прикрывали лагерь от наступления монголо-татарской конницы и делали его сравнительно безопасным… Подкрепления ожидались в первую очередь из богатого и многолюдного Новгорода, где правил брат великого князя — Ярослав Всеволодович. Именно туда вела от Сити сухопутная дорога, прикрытая лесами от монгольских авангардов. Кроме того, по льду Мологи к Сити подходили проторённые санные пути, с юга — от Волги и с севера — от Белоозера. Эти пути были важны в военном отношении, так как обеспечивали прибытие подкреплений и продовольствия из богатых приволжских и северных городов, а в случае необходимости открывали великокняжескому войску дорогу для отступления в отдалённые, малонаселённые области»[112].

Район реки Сити, где зимой каждого года замирала жизнь, в феврале 1238 г. пришёл в движение. Всякий, кто хотел отдать свою жизнь за родину, направлялся к великому князю. Каждый вооружался тем, что имел. Под знаменами Юрия Всеволодовича собрались его брат юрьевский князь Святослав Всеволодович, ростовский князь Василько Константинович, Владимир Константинович Углицкий, Всеволод, князь Ярославля, и другие со своими дружинами. Все эти города уже были захвачены монголами. Понятно, какой настрой был у «ситников». Однако сепаратизм (или, скорее, недальновидность) русских князей мешал сплочению сил Так, новгородский князь Ярослав Всеволодович, отец легендарного Александра Невского, которого так ждали на Сити, вместо того, чтобы прийти на помощь кровному брату, взвесив за и против, бросил на произвол судьбы великого князя. Ярослав Всеволодович не рискнул навлечь на себя гнев монголов и решил отсидеться за стенами своего города, расположенного в 300 км от Сити. Вполне вероятно, что монголы, разгромив великого князя, могли двинуться из Сити на Новгород. Дело в том, что войска Бату-хана 22 февраля начали осаду Торжка, в случае взятия которого дорога на Великий Новгород была бы открыта.

Советские исследователи В. А. Ляхов и А. М. Анкудинова объяснили поступок Ярослава Всеволодовича недальновидной политикой русских князей, характерной для периода феодальной междоусобицы[113].

После взятия Ростова и Углича конница Бурундая, совершив стремительный бросок, в первых числах марта вышла к реке Сити, великий князь в очередной раз был обманут в своих надеждах, ведь он считал, что Ростов, Углич и другие города окажут сопротивление захватчикам и задержат их наступление на несколько дней. Получив известие о приближении монголов, Юрий Всеволодович послал в дозор трехтысячный отряд во главе с воеводой Дорожем, или Дорофеем Фёдоровичем.

Ранним утром 4 марта монгольская конница лавиной ворвалась лагерь русских ратников. Удар был настолько стремителен, что дозорные не сумели предупредить своих, Воины великого князя были застигнуты врасплох. Земляные валы и различные оборонительные сооружения, которые возводили по приказу Юрия Всеволодовича, не были завершены и поэтому не смогли защитить русских. К тому же дружинники жили в деревнях, расположенных в некотором отдалении друг от друга, и не успели собраться для отпора врагу. Русских воинов, которые строились в боевой порядок, прямо на месте рубили монгольские конники. Стихийное сопротивление ратников с самого начала

было обречено на провал. Монгольские всадники поодиночке уничтожали пеших русских воинов, которые, предпринимая тщетные попытки остановить нападавших, в конце концов побежали. Монголы преследовали их на протяжении почти 40 км, пока все они не были перебиты. Великий князь Юрий Всеволодович, главный воевода владимирский Жирослав Михайлович и другие князья, сражавшиеся бок о бок с простыми ратниками, пали в бою. Князь Василько, продемонстрировавший на поле брани чудеса храбрости, был захвачен в плен. Темник Бурундай пригласил его ко своему столу и попытался склонить на свою сторону, приговаривая, что такой важный, молодой человек на службе у такого же отважного и молодого монгольского хана пойдёт далеко. Однако князь Василько, к любой другой патриот, с негодованием отвёрг предложение монгольского темника и был зарублен.

После ухода монгольских войск на поле битвы прибыл епископ ростовский Кирилл и разыскал среди убитых обезглавленное тело великого князя Юрия Всеволодовича, которое привезли для захоронения в Успенский собор. Тело князя Василько было обнаружено в Шернском лесу и также доставлено в Ростов. Вдова, дети Василько и ростовчане с почестью захоронили патриотов.

Сражение на реке Сити сыграло важнейшую роль во всей дальнейшей судьбе России. Непосредственным его итогом было начало так называемого монголо-татарского ига, продлившееся 250 лет и закончившееся 100 лет спустя после Куликовской битвы — к 1480 г.

Остаётся только удивляться простоте и в то же время феноменальности стратегического плана военных действий Бату-хана в Северо-Восточной Руси. Время, выбранное для военных действий, направления главных ударов, численность войск на каждом направлении были идеально продуманы.

Такого плана не было ни у Наполеона в 1812 г., ни у Гитлера в 1941 г. Два гения военного искусства, поставившие к тому времени на колени пол-Европы, недо- и переоценили множество факторов, в частности, собственные силы, природные условия, климатические особенности и т. п. В результате этого каждый из них достигли Москвы, но с тем, чтобы затем привести русских в свои столицы — в Париж и Берлин соответственно. Истории этих «натисков на Восток» известны всем: один полководец закончил свои дни на острове Святой Елены, отравленный своим же приближённым, а другой свёл счёты с жизнью в подземном бункере, где вынашивал планы о создании «тысячелетнего рейха».

Торжок (1238 г.)

Бату-хан, основные силы которого ушли на Сить под командованием Бурундая, 22 февраля 1238 г. начал осаду Торжка. Однако вопреки ожиданиям осада города затянулась. Защищённый с трёх сторон рекой Тверцой, а с четвёртой — глубоким рвом, Торжок закрывал наикратчайший путь на Новгород.

Монгольская конница, стремившаяся достичь Новгорода до начала оттепели, прошла 300 км пути от Переяславль-Залесского до Твери всего за неделю и намеревалась взять Торжок с ходу: в городе не было ни князя, ни его дружины. Однако дело приняло совсем другой оборот, На защиту города встали все его жители в ожидании помощи от Господина Великого Новгорода. Так как попытка взять городом мимоходом потерпела неудачу, Бату-хан был вынужден перейти к осаде, одновременно приказав всем отрядам, находившимся поблизости, спешить к Торжку. Штурмы, приступы следовали один за другим. К городу подходили подкрепления и осадные орудия, при виде которых у жителей Торжка сжималось сердце. Однако они всё ещё надеялись на помощь от Новгорода, так как в случае взятия Торжка пришёл бы его черёд. Но Новгород, оставшийся глухим к мольбам Владимира, на этот раз не протянул руки помощи и Торжку.

Участь Торжка была предрешена. Горожане изнемогали, отражая штурмы монгольских воинов. И 5 марта 1238 г. случилось неизбежное. Тараны в нескольких местах пробили стену города. Взбешенный Бату-хан приказал предать непокорный Торжок огню и мечу. «Иссекли всех — от мужского полу до женского», — сообщает летописец.

Однако драгоценное для монголов время было утеряно. Когда Бату-хан разбил свой шатёр в 100 км от Новгорода, началась оттепель[114]. Совсем немного и новгородские болота стали бы непроходимы для его войска. К тому же из-за распыления войск в непосредственном распоряжении Бату-хана силы, недостаточные для похода на такой многолюдный и богатый город. Находясь в урочище Игнач Крест, Бату-хан отдал приказ о возвращении в половецкие степи.

> «К Новгороду же он [Бату-хан] мог успеть в половине апреля, а в этой местности иногда и в марте реки и озёра вскрываются и делается непроходимая ростепель. Монголы прошли от Рязани … не менее 1000 верст (считая только главные направления, разным

отрядам особого назначения пришлось, наверное, пройти значительно большие расстояния), по снегу, большею частью не утоптанному. Только конница степных народов могла выдержать такой поход, но и та, вероятно, много потерпела; впереди ей предстояли не меньшие затруднения, трудное движение в самую ростепель, леса, болота новгородские, осада обширного воинственного города, влажные (непригодные для корма степных лошадей) травы окрестностей Новгорода, от которых неминуемо произошёл бы падёж степных лошадей; продовольствование многочисленной армии… в случае продолжительной осады, представило бы неодолимые затруднения»[115].

На этот счёт у Т. С. Георгиевой своё собственное мнение:

«/…/ Отважный воин Александр Невский проявил такое отношение к монголо-татарскому нашествию, которое до сих пор вызывает у одних полное непонимание, а у других — недоумение. В самом деле, когда в 1238 г. татарское войско вторглось в пределы Суздальской земли, он не послал подкреплений ни своему отчему городу Переяславль-Залесскому, ни столице Владимиру. Не пытался он соединиться и с войском дяди — великого князя Юрия Долгорукого [автор, вероятно, путает Юрия Всеволодовича с другим Юрием, основателем Москвы, — Ч. Ч.], стоявшего на реке Сить Даже Торжок, исконно новгородская вотчина, не получает помощи от молодого князя и захватывается ордынцами Неудивительно, что, видя такую покорность. Батый оставляет у себя в тылу неразорённый Новгород и поворачивает войско /…/»[116].

Действительно, ни разу в истории своих завоевательных походов монголы не поворачивали с полпути. Можно только гадать: природные ли условия остановили наступление монголов или здесь кроется другая причина? Если дело только в наступившей оттепели, то почему Батый не повторил поход на богатый Новгород в следующий раз, скажем, перед началом второго великого похода? Оставлять в тылу непокорных противоречит всем законам ведения войн.

Со времён великого Чингис-хана монголы не подвергали разорению и грабежу городов и населённых пунктов, изъявивших свою покорность. Участи Рязани и Владимира избежали Ростов. Углич. Тверь и другие города, добровольно подчинившиеся

монголам. Такие города «не подвергались разорению и получали название „гобалык“ — „добрый город“. С таких городов монголы взимали довольно умеренную контрибуцию: съестные припасы для ратников и лошадей для пополнения своей конницы. Так избежали разгрома богатые приволжские города, /…/ они вступили в переговоры с монголами для получения ярлыка — пакта о дружбе и ненападении»[117].

Так почему же Бату-хан не только остановил наступление, но и не предпринимал попыток захватить Новгород в дальнейшем? Не выразил ли Александр Невский свою покорность Батыю, признав его верховную власть и обязавшись выплачивать дань?

Представляет интерес и тот факт, что вся дальнейшая политическая деятельность Александра Невского находилась в прямой зависимости от Бату-хана.

В последующие годы Александр Ярославич не меняет своей позиции. Покорно прибывая в ханскую ставку 8 Каракорум, он получает «из рук» татар в дополнение к Новгородскому ещё и Киевское княжество. /…/ В 1250 г. между младшим братом Александра Андреем, владельцем великого Владимирского княжества, и Даниилом Галицким, правителем всей Западной Руси, заключается антиордынский союз. /…/ Однако Александр не только не примкнул к союзу, но и, наоборот, поспешил в Орду с жалобой на брата. Итогом поездки стал карательный поход Неврюя на Владимирское княжество /…/ После похода Неврюя за ним [Александром. — Ч.Ч.] было закреплено великое Владимирское княжество, а сам князь побратался с сыном Батыя Сартаком. В 1251 г. Невский наотрез отказался от помощи Папы римского в борьбе с Ордой. Вскоре он привёл в Новгородскую землю татарских численников, переписывавших население для обложения данью (исключение было сделано для духовенства). В отказавшийся подчиниться Новгород в 1259 г. князь ввёл свои войска, подавляя антиордынские выступления, зачинщикам которых выколол глаза и отрезал носы[118].

Вот что пишет об этих событиях Л. Н. Гумилёв:

> «Андрей был „западник“. Он породнился с Даниилом Галицким и готовил союз с Европой против монголов. Для Руси это означало, даже в случае победы, разорение, так как на её территории должна была пройти война, введение унии, то есть уничтожение национальной истории, а в конце концов завоевание Владимирской и Новгородской земли рыцарями-крестоносцами, подобное тому, что произошло в Прибалтике. Трудно сказать, понимал ли князь Андрей неизбежность последствий

своей политики? /…/ Зато князь Александр, правивший в Новгороде, великолепно разбирался в этнополитической обстановке, и он спас Россию. /…/ Александр приехал в орду Батыя /…/ и в 1252 году привёл на Русь татарский корпус с опытным нойоном Неврюем. Андрей бежал в Швецию, Александр стал великим князем, немцы приостановили наступление на Новгород и Псков. /…/»[119].

И ещё:

«Александра интересовала перспектива получения от монголов военной помощи для противостояния натиску запада и внутренней оппозиции. Именно за эту помощь Александр Ярославич готов был платить, и платить дорого. /…/ Когда в Новгород вместе с князем пришли монгольские переписчики, чтобы определить сумму налога, новгородцы устроили бунт, во главе которого оказался Василий Александрович — старший сын великого князя, дурак и пьяница. Александр вывел „татарских“ послов из города под своей личной охраной, не дав их убить. Тем самым он спас Новгород от гибели — ведь мы знаем, как поступали монголы с населением городов, где совершалось убийство послов монгольского хана. С вожаками смуты Александр Ярославич поступил жестоко: им „вынимали очи“, считая, что глаза человеку всё равно не нужны, если он не видит, что вокруг делается. Только такой ценой удалось Александру подчинить новгородцев, /…/ не понимавших, что тот, кто не имеет сил защищаться сам, вынужден платить за защиту от врагов. Конечно, отдавать свои деньги всегда неприятно, но, наверное, лучше уж расстаться с деньгами, чем с независимостью и жизнью»[120].

Нет, мы не хотим представить Александра Невского предателем. Просто гроза шведских и немецких рыцарей знал, как никто другой, истинную мощь монгольской кавалерии, способную проломить стены любого города. И он хотел любой ценой оградить своих новгородцев, не испытавших и потому не представлявших себе силу удара монгольского войска, от ужасов и превратностей войны.

Попутно заметим, что монгол, в отличие от шведа или немца, защищал территориальную целостность Руси. И на протяжении всего «монголо-татарского ига» русский человек был и остался русским благодаря толерантности монгола, который не

навязывал ему своё «житиё», как швед или немец.

* * *

Мы несколько отвлеклись от главной темы.

На совещании темников и высших военачальников Бату-хан объявил о своём решении остановить военные действия, продолжавшиеся всю зиму, и двинуться в Джучиев улус — половецкие степи.

Даже, если дело было только в природных условиях, то можно диву даваться феноменальным способностям Бату-хана и Субедея, которые сумели объективно оценить сложившуюся ситуацию и принять соответствующее решение, решение, отвечавшее интересам армии. Такие гениальные полководцы как Наполеон и Гитлер, занимающие в мировой военной истории более почётные места, чем вышеупомянутые монголы, ценой любых потерь стремились захватить Москву. И французский император, и нацистский фюрер легкомысленно думали, что с захватом Москвы окончится русская кампания, а следовательно и вся война. В итоге, и Наполеон, и Гитлер сдали свои столицы русским армиям. Задолго до них, в 1709 году дерзкий шведский король Карл Двенадцатый предпринял поход на Москву, однако на полпути, под Полтавой, был разгромлен русской армией. Лишь конь спас его от неминуемой гибели.

Как ни парадоксально, но в 1238 г. Бату-хан и Субедей-баатур со всей ясностью представляли себе, что владение каким-либо городом, даже богатым и стратегически важным, не означает конца всей войны, а погибель армии равнозначна проигрышу целой кампании, ради осуществления которой были приложены титанические усилия.

Меркурий Смоленский (1238 г.)

На обратном пути летучие отряды Бату-хана захватывали встречные города и населённые пункты. При этом одна из частей монгольской конницы подошла к Смоленску.

Об этом событии эмоционально пишет историк Б. А. Рыбаков:

«Батый во время похода 1237–1238 гг. направился было к Смоленску, но затем обошёл его стороной. Очевидно, богатый торговый город, украшенный десятками великолепных зданий и обнесённый крепкими стенами, представлял непреодолимую преграду для войска, измотанного сопротивлением русских городов, и кровожадный завоеватель не посмел показаться под его стенами»[121].

Монголы говорят: «Если взялся за дело — не бойся, а если боишься — не берись за дело». Отправиться на войну и бояться *великолепных зданий* — это самое настоящее донкихотство, своеобразная дуэль с ветряными мельницами.

Одна из легенд о героической борьбе русского народа против монгольских захватчиков берёт своё начало с так называемой самозабвенной обороны Смоленска. Эта легенда наглядно раскрывает суть психологии побеждённого народа, который если не делами, то словами стремится приукрасить свою борьбу. Однако мы не хотим умалить героизм и сопротивление русского народа. Просто таков удел побеждённых.

Действительно, что только не придумано поверженными монголами народами, чтобы очернить степняков. И одним из наглядных примеров является, бесспорно, легенда о Меркурии. Хотя наша цель — опираться на достоверные исторические источники и факты, на этот раз, чтобы дать объективную оценку, мы вынуждены уделить внимание памятникам народного творчества (фольклора).

Весной 1238 г. одна из частей монгольской армии под предводительством самого Бату-хана перед тем, как пойти обратно на половецкие степи, двинулась из района Ельни на Смоленск. Болота местности Долгомостье задержали наступление монголов, и они остановились приблизительно в 25 км от города, угрожая ему разрушением. Стоял апрель Раскисшее болото сделало движение в округе невозможным. Монгольские лазутчики обследовали всю местность, однако так и не смогли найти брод. Несколько смельчаков попытались перейти болото и утонули. Тогда монголы захватили местных жителей и потребовали от них указать безопасную дорогу. Русские один за другим умирали под пыткой, так и не вымолвив ни слова. Однако

один крестьянин, не выдержав пыток, вызвался стать проводником. Монголы смогли выйти к стенам Смоленска.

Дружина Смоленска вышла из города и дала бой монголам, но потом вынуждена была отойти под защиту стен. Согласно легенде, ратник по имени Меркурий, творивший на поле брани чудеса храбрости, вернулся в город, держа в руках собственную же отрубленную голову (!). Его пламенные речи воодушевили смолян. В чудесном воскресении Меркурия и его героическом подвиге легенда видит желание самой Богоматери.

Меркурий, согласно преданию, происходил из славного римского рода. Будучи совсем юным, он прибыл на Русь и стал служить смоленскому князю. Житием добрым и чистотою угождая Богу, он вёл жизнь подвижника, был строгим постником и хранил целомудрие. Он проводил целые ночи в молитве, духовно уготовляя себя к страданиям за веру Христову.

Смоленские граждане решили: «Лучше умереть, чем полонёнными быть!» и все как один встали на стены города для отпора ненавистному врагу. У Молоховских ворот разгорелся кровопролитный бой не на жизнь, а на смерть. Потерявший много воинов убитыми и ранеными, Бату-хан был вынужден отдать приказ об отступлении. Напрасно его уговаривал старший брат Орду, твердя, насколько позорно отступление для монгольского войска, привыкшего побеждать. Бату-хан отвечал. «Нам вскоре предстоит большой поход на Европу. Дорог каждый воин». Таким образом, самоотверженная борьба смолян спасла родной город от неминуемой, казалось бы, гибели.

Меркурий был погребён в Успенском соборе Предание гласит, что после кончины Меркурия на гроб положили его меч, копьё, щит и шлем. Служители собора с благоговением хранили эти реликвии на протяжении нескольких веков. Однако во время вооружённой интервенции польской шляхты в 1611 г. Смоленск был захвачен и разграблен неприятелем. В довершение бед в XVII в. при реконструкции Успенского собора были похищены оставшиеся святые вещи, некогда принадлежавшие легендарному воину-заступнику. В настоящее время в Успенском соборе хранятся только железные воинские сандалии Меркурия. Русская церковь, не считающая происхождение Меркурия мифологическим, провозгласила его первым смоленским святым. День памяти мученика Меркурия отмечается 7 декабря (24 ноября по старому стилю).

Согласно другой версии, Меркурий обессмертил своё имя в 1239 г. Монгольские войска подошли в городу, встав от него в 25 верстах. Предводитель монгольского отряда, воин петровского роста и геркулесовской силы, вызвал на поединок лучшего из

русских богатырей, чтобы в единоборстве решить участь Смоленска. Меркурий ночью проник в монгольский стан и убил богатыря-великана. Окружённый врагами, Меркурий мужественно сражался, пока не пал, поражённый насмерть сыном убитого им исполина. Бату-хан под впечатлением увиденного отказался от осады Смоленска и повернул назад.

«Злой город» (1238 г.)

Вслед за монгольским войском тянулись многотысячные толпы пленных, а также бесчисленные обозы с военной добычей. Какой степняк имеет право возвратиться домой без трофеев! Даже самый обычный охотник, выйдя на охоту, должен, просто обязан, подстрелить дичь.

В апреле 1238 г. один из отрядов завоевателей вышел к городу Козельск. В течение некоторого времени к Козельску подходили и другие воинские части. Попытка монголов с ходу овладеть маленьким городом окончилась неудачей. Началась осада рек под городом, а в нём «святой» Никола — тоже свой, козельский Чем могли похвастаться козельцы, так это тем, что не моложе их город прочих градов русских — под 1146 годом записано о Козельске в летописи. Но пришла беда, обрушилось на Русь тяжкое Батыево нашествие, и стал славен град Козельск в памяти народной. Не богатством славен, не торгами заморскими, не белокаменными соборами — славен мужеством своих граждан, отдавших жизнь за землю Русскую[122].

У монголов были свои счёты с Козельском:

> «На их пути лежал город Козельск, под стены которого их вела память о Калке Ведь 15 лет назад черниговский и козельский Мстислав был участником убийства монгольских послов. И хотя Мстислав к тому времени уже умер, монголы, руководствуясь понятием коллективной ответственности, стремились отомстить „злому“ городу за поступок его князя. Конечно, с точки зрения современных людей, поведение степняков может казаться неоправданно жестоким. Но не будем забывать, что они точно так же следовали своим представлениям, как мы следуем своим. По мнению монголов, все подданные князя разделяли с ним равную ответственность за злодеяние уже потому, что соглашались иметь его своим князем.»[123].

Жители Козельска были полны решимостью драться до последнего:

> «Хотя князь наш и молод, но положим живот свой за него; и здесь славу, и там небесные венцы от Христа бога получим»[124].

Горожане умело использовали географическое преимущество своего города, расположенного на возвышении. Все они понимали, что пощады не будет, и поэтому сражались до последнего. Долгих 49 дней длилась осада маленького города. Каждый горожанин старался подороже отдать свою жизнь.

На 47-й день осады к Козельску прибыли войска Хадана и Бури с осадными орудиями. Начался планомерный обстрел города. Два дня длился непрерывный штурм, после чего монголы применили свой старый, излюбленный трюк — имитировали ложное отступление Разгорячившиеся козельцы попались на удочку и вышли из стен города преследовать отступающих. Монголы окружили их и перебили всех до единого. Теперь монголам не составляло большого труда взять Козельск, который остался почти без защитников. Ни одна живая душа не уцелела в городе после ухода монголов, так как Бату-хан отдал приказ не щадить даже грудных младенцев и глубоких старцев. Как отмечено в летописи, малолетний князь Василий утонул в реке крови. Взятие Козельска было достигнуто дорогой ценой — четыре тысячи отборных воинов нашли свою погибель под стенами города. Трое сыновей темников были убиты, и монголы не смогли найти их тела среди гор убитых. Исходя из этого, можно заключить, что Козельск осаждали как минимум три тумена.

Советско-русские историки считают, что монголы прозвали Козельск «Злым городом» именно из-за того, что его жители оказали наиболее ожесточённое сопротивление и нанесли наиболее ощутимые потери захватчикам. Другого мнения по этому поводу придерживается Л. Н. Гумилёв:

> «…Монголы не ко всем русским стали проявлять враждебность и мстительность. Многие русские города во время похода Батыя не пострадали. „Злым городом“ был объявлен только Козельск, князь которого Мстислав Святославич Черниговский был среди тех „великих“ князей, которые решали судьбу послов.»[125].

Русский народ свято чтит память о героической обороне Козельска и воспевает её в песнях и легендах. Неудивительно, ведь оборона Козельска «показала, что русский народ не склонил головы перед захватчиками, что его свободолюбивый и гордый дух не сломлен»[126].

Так писали в русских летописях, так писали русские историки. Но как всё было на самом деле? К сожалению, никто об этом не знает. Однако мы хотели бы предложить свою гипотезу.

Последние исследования наглядно показывают, что так

называемая героическая борьба русского народа против монгольских завоевателей, несколько приукрашена и, мягко говоря, порой не соответствует действительности. Вся эта борьба, начиная с Евпатия Коловрата, который одним ударом саблей рубил надвое облачённых в кожаные панцыри самых сильных монгольских батыров, и заканчивая Александром Невским, который своей угрозой нарушить коммуникации монголов и нанести им удар в тыл заставил Бату-хана отказаться от дальнейших военных действий против европейской цивилизации, насквозь пронизана элементами легенды, что характерно для побеждённых народов, которые таким образом создают свои ценности, Если на самом деле, как утверждают летописи и вторят историки, все русские в XIII в. погибли, защищая своё отечество, то современные русские были бы потомками монголов и … предателей. В заключение заметим, что отечественная война русского народа ничем не отличалась от той же борьбы народов Китая, Хорезма, Кавказа и Восточной Европы и не превосходила её по героизму, а русский народ любил своё отечество не больше или сильнее, чем те же китайцы, хорезмийцы, кавказцы, чехи или поляки.

Вернемся к Козельску. Возникает два вопроса, на которых пока нет ответа:

Во-первых, монголам требовалось от 4-х до 6 дней, чтобы взять штурмом крупнейшие города Северо-Восточной Руси: Рязань, Владимир и Переяславль-Залесский, славившихся своей многолюдностью и крепостью стен. Так что же заставило монголов оставаться под Козельском целых 49 дней?

Во-вторых, монголам понадобилось одиннадцать с половиной недель (от осады Рязани, начатую 16 декабря 1237 г., до взятия Торжка 5 марта 1238 года прошло 80 дней), чтобы покорить княжества Северо-Восточной Руси. Каким неслыханным героизмом деревянный Козельск мог задержать монголов на целых семь недель?

Судя по всему, Э. Хара-Даван ближе всех к истине, когда говорит о том, что осада Козельска длилась шесть дней[127].

После взятия Козельска монголы двинулись дальше и с боем взяли город Курск. Не все русские города ждала участь Козельска Смерть и разрушение обошли стороной богатый торговый город Углич, который откупился от монголов. Получив продовольствие и лошадей, завоеватели не тронули его. Интересно, что историки советской эпохи не вспоминали об этом факте, исключающем и ставящем под сомнение массовый героизм русского народа[128]. Большинство городов на Волге последовало примеру Углича и отказалось от вооружённого сопротивления, не имевшего

никакого смысла. Вместо самоубийства эти города предоставили монголам продовольствие и лошадей и тем самым избежали ненужного кровопролития.

Монгольское войско в конце июня 1238 г. расположилось на отдых в бассейне рек Северный Донец и Дон.

Давая оценку нашествию 1237–1238 гг., А. В. Венков и С. В. Деркач пишут:

«В результате зимней кампании 1237–1238 гг. вся Северо-Восточная Русь была разгромлена, но основная задача не выполнена. Кипчаки [половцы], которых предполагалось окружить, в массе своей ушли в Венгрию к королю Беле IV и приняли христианство. В результате монголы так и не сумели обезопасить свою западную границу, упустили врага, из-за которого и начиналось всё дело, и нажили себе много новых врагов. Логика требовала настичь кипчаков, разбить их и их союзников, привести в покорность народы, и выйти, наконец, к какому-то естественному, природному рубежу, к „последнему морю“»[129].

То обстоятельство, что половцы сумели найти убежище в Европе, косвенным образом требовало от Бату-хана начать новый великий поход.

В половецких степях (1238–1239 гг.)

Военные действия, которые длились два с лишним года, даже для монголов, привычных к походам и войнам, оказались тяжёлыми и изнурительными. Пресытившиеся добычей и трофеями, они желали одного — отдыха. Да и лошадям, перенёсшим на своих плечах всю тяжесть походов, нужно было время для восстановления сил.

Но не покой и отдых ждал монголов в половецких степях. В очередной раз подняли восстание половцы и черкесы. Разве можно отдыхать на территории, охваченной восстанием? Осенью 1238 г. монголы вновь вступили в войну. Войска Мунке и Хадана вторглись в Черкесию, за Кубань. В результате ряда сражений повстанцы были разгромлены, а их предводитель Тукар — предан смерти.

Одновременно монголы начали военные действия против непокорных половцев. Так как этот противник был сильнее черкесов, то Бату-хан двинул против него свои основные силы под предводительством родного брата. Войска Бэрке-хана привели к покорности повстанцев, а их предводителей Аржумана, Куранбаса и Капарана (Канерина) захватили в плен[130].

Спустя несколько лет после описываемых событий путешествовавшие по половецким степям Плано Карпини и Вильгельм Рубрук отмечали тот факт, что на протяжении долгого пути не видели ничего, кроме костей мёртвых. В частности, Плано Карпини пишет:

> «В Комании [половецкие степи — Ч.Ч.] мы нашли многочисленные головы и кости мёртвых людей, лежащие на земле, подобно навозу»[131].

Монголы подавили восстание с жестокостью, потопив его в крови. Предстоял новый, не менее трудный и, может быть, более долгий и дальний поход. Оставить в тылу непокорных черкесов и половцев было равнозначно добровольному аннулированию всех прежних успехов, достигнутых такой ценой и таким напряжением сил. Тысячи и тысячи пленных повстанцев были обращены или проданы в рабство.

В 1238 г. войска Шейбани, Буджека и Бури вторглись во владения половцев, кочевавших в долине Днепра и Дона. Война против половцев велась на уничтожение. Согласованными ударами монгольские ханы разбили противника, после чего двинулись на Крым. Война на Крыму закончилась превращением

этого полуострова в плацдарм для нападения на Южную Русь.

Осенью 1238 г. монгольские войска двинулись на аланов. Несколько месяцев продолжалась эта война, пока монголы не разгромили аланов и не взяли их столицу Магас. Согласно легенде, победители сровняли Магас с землёй, не оставив камня на камне. После взятия города монголы собрали 270 тыс. отрезанных правых ушей у павших аланов[132]. Хотя эта цифра значительно преувеличена, мы можем предположить, что бой за город был упорным и кровопролитным. Богатая добыча досталась монгольским воинам.

За этот год войска Бату-хана не только не восстановили силы, а были изрядно потрёпаны в многочисленных боях против половцев, черкесов и аланов. Русские же княжества выиграли почти год для укрепления своей обороноспособности. Однако патологическая бездеятельность русских князей делала невозможным какое-либо организованное сопротивление. Южная Русь была обречена.

Во время похода монгольского войска на Русь и Европу раскрылся во всей красе полководческий и организаторский талант Бату-хана. Нередко в ходе военных действий цари, снедаемые тщеславием, оказывают давление на своих военачальников с тем, чтобы они дали сражение и одержали победу в их присутствии, что, в конечном итоге, оборачивалось поражением. Полистаем страницы истории.

В 1805 г. во время Русско-австро-французской войны прибывшие на театр военных действий российский император Александр Первый и австрийский император Франц Второй, не взирая на противодействие опытных военачальников и генералов и не принимая в расчёт создавшиеся условия, которые только казались благоприятными, потребовали от них немедленного наступления на французскую армию. Следствием такой спешки явился полный и безоговорочный разгром союзной армии под Аустерлицем, где военный гений Наполеона засверкал во всей своей красе. В отличие от императоров, жаждавших лавров триумфатора, Бату-хан не только в стратегических, но и в тактических вопросах не перечил самому яркому и блистательному полководцу XIII в. — Субедею, что стало главным залогом беспрецедентных побед монгольского оружия. Следовать советам и наставлениям сведущих людей — одно из проявлений дальновидности и мудрости.

Часть вторая. Завоевание Южной Руси и вторжение в Восточную и Центральную Европу

Начало второго похода (1239 г.)

После завершения первого похода по приказу Угедей-хана некоторые чингисиды, принимавшие участие в военных действиях, со своими частями возвратились в Монголию. Поэтому основная тяжесть по осуществлению второй части захватнических планов легла на плечи Джучиева улуса. Однако по сравнению с первым походом силы Бату-хана укрепились. Были мобилизованы новые воины и жители из покорённых народов. В армии Батыя служили даже русские ратники[133]. Венгерский хронист отозвался о них, как о «наихудших христианах». Численность новой армии вторжения достигала 60–70 тыс. воинов. Этой армии, испытанной в боях, оказалось более чем достаточно для завоевания Южной Руси и порабощения восточноевропейских народов.

В начале 1239 г. монголы вновь двинулись на Русь. Но восстание мордвы, покорённой перед походом на Северо-Восточную Русь, задержало захватчиков на некоторое время. Корпуса Гуюка, Мунке, Хадана и Бури после упорных боёв привели мордовский народ к покорности. Пострадали также города Муром и Гороховец, которые остались нетронутыми во время похода 1237–1238 гг. Решительно действовали монголы, так как уже в самом ближайшем будущем предстоял большой поход, на этот раз до самого «последнего моря». Летучие отряды монгольской конницы опустошили бассейн рек Клязьмы и Нижней Оки. Во время рейда был захвачен и разрушен Нижний Новгород. Как сообщает летописец, монголы прошли ещё дальше и их жертвой стал Городец-Радилов на Волге.

Одновременно другой монгольский корпус огнём и мечом прошёл по рязанской земле. Город, не оправившийся от разгрома 1237 г., был подвергнут повторному опустошению. Из этого мы можем заключить, что Рязань во время первого похода не была обращена в пепелище, а его жители — поголовно истреблены, о чем свидетельствуют русские летописи.

Нападение на Южную Русь и Крым (1239–1240 гг.)

Зимой 1239 г. армия Бату-хана вторглась в пределы Южной Руси. Корпус Бэрке-хана в конце февраля подступил к стенам Переяславля. Этот город был известен как форпост на русско-половецкой границе. Окружённый рекой Трубеж, впадающей в Днепр, Переяславль представлял собой одну из самых неприступных крепостей Руси того времени. Город неоднократно успешно отбивал набеги половцев. За весь XII и первую треть XIII вв. Переяславль как недоступная твердыня стоял на пути половцев, которым ни разу не довелось взять его.

Но монголы — не половцы. Несколько дней продолжались бои за город. Наконец, 3 марта Переяславль пал. Город был отдан на разграбление войскам. Видимо, сопротивление переяславльцев было упорным, раз монголы подвергли город небывалому разрушению. Переяславль сумел оправиться от погрома только в XVII в.

После этого события военные действия были приостановлены примерно на полгода.

Осенью 1239 г. монгольская конница ворвалась на территорию одного из крупнейших русских государств — черниговского княжества и, не встречая особого сопротивления, достигла его столицы. И неудивительно: всё население, способное держать оружие, укрылось в городе. Ликвидация Чернигова перед походом на Южную Русь с последующим вторжением в Европу имела важное стратегическое значение и являлась одной из целей Субедей-баатура, который стремился обезопасить тылы и фланги.

Перед монгольским вторжением два сильнейших и влиятельнейших князя Южной Руси попытались заручиться поддержкой венгерского короля. Черниговский князь Михаил Всеволодович прибыл в Венгрию и предложил Беле заключить не только военный союз против монголов, но и некий династический брак, женив своего сына Ростислава на дочери короля. Однако Бела высокомерно отказал Михаилу Всеволодовичу[134]. Наверно. Беле, всё ещё считавшим монгольскую опасность чем-то иллюзорным, не понравилось, в особенности, последнее предложение После Михаила Всеволодовича в Пешт прибыл галицко-волынский князь Даниил Романович со своим сыном Львом и сделал то же самое предложение (вернее, те же самые предложения) Беле, который считал свою дочь достойной более высокого супруга, чем княжич, а себя — способным проучить

дерзких кочевников. В итоге русско-венгерский союз не состоялся.

Где — в случае заключения союза — русско-венгерская армия могла бы встретить монголов: на Руси или в Венгрии? Иными словами, должен был бы Бела прийти на Русь, или князья, оставив свои земли, отступить за Карпаты? Да и имел бы этот союз перспективу? Ответ однозначен: нет. Ведь спустя всего два года Бела во главе объединённого войска не смог остановить наступление Бату-хана.

Академик Б. А. Рыбаков, обследовавший древний Чернигов, пришёл к сенсационному выводу: по площади занимаемой территории Чернигов периода монгольского нашествия был почти равен Чернигову XVIII в! Двоюродный брат Михаила князь Мстислав Глебович, наспех собрав свою дружину, прибыл в Чернигов с целью деблокады, но потерпел поражение, потеряв много воинов, и был вынужден бежать Город был обречён. 18 октября 1239 г. Чернигов пал под ударами монгольских войск[135].

В конце октября монголы двинулись дальше, на восток. Небольшие города Путивль, Глухов, Вырь, Рыльск и др., расположенные по Десне и Сейму, были взяты и разрушены, после чего монголы отошли к исходным позициям.

Но генеральное наступление на Южную Русь не состоялось. Один из корпусов великой армии в погоне за свободолюбивыми половцами вторгся на Крым. Остатки половцев были ликвидированы, а 26 декабря 1239 г. взят один из крупнейших черноморских портов Судак (Сурож, Солдайя).

В начале 1240 г. части Мунке-хана подступили к стенам Киева. Поражённый «красотой и величеством» «Матери городов русских» Мунке-хан, чтобы избежать напрасных разрушений и жертв, отправил в город посольство из 10 человек, требуя покорности. Однако киевляне вероломно и изуверски перебили монгольских послов и заявили, что намерены оборонять родной город до последнего. Конечно, можно оборонять свой город. Так поступали и карфагеняне, и константинопольцы, и сарагосцы. Однако зачем убивать послов? Этим *проступком* (курсив мой, — *Ред.)* киевляне подписали себе смертный приговор без права на апелляцию. Монголы со времён Чингисхана поголовно истребляли жителей городов и населённых пунктов, где были убиты их послы. Эту традицию продолжил и Бату-хан.

Русско-советские историки стараются не упоминать об избиении послов киевлянами также, как тот факт, что перед битвой на реке Калке три Мстислава приказали убить монгольских послов. В частности, в капитальном совместном

труде «Татаро-монголы *в* Азии и Европе» мы читаем:

> «Он [Мунке-хан — Ч. Ч.] отправил в Киев своих послов, рассчитывая путём лживых обещаний уговорить („прельстити“) киевлян сдаться. Это не удалось»[136].

Однако на этот раз у Мунке-хана не было достаточных сил для осады большого города и он был вынужден отступить.

Весной 1240 г. войска Мунке и Гуюка начали наступление по правому побережью Каспийского моря и захватили город Дербент, который ввиду своей неприступности прославился как «Железные ворота». Другой отряд монгольских войск вступил на территорию Булгарии и подавил очередное восстание.

Гибель Киева (1240 г.)

Военные действия в Крыму и на Северном Кавказе, восстание булгар надолго задержало наступление монголов. И только осенью 1240 г. Бату-хан освободился для продолжения задуманного похода. Обезопасив тылы, Бату-хан принял решение наступать на Киев. Начался второй великий поход.

Монгольские войска прорвали укрепления русских дружин, сооружённые вдоль реки Нижняя Рось, о которые не раз разбивались половецкие набеги, и подвергли опустошению бассейн рек Рось и Россава (причём огню и мечу предали 23 населённых пункта). Поочерёдно пали под ударами монголов городки-крепости Витичев, Василев и Белгород, прикрывавшие Киев.

Один из крупнейших городов не только Руси, но и Европы Киев в 1203 г. потерпел невиданный в своей истории погром от дружин смоленского и черниговского князей, объединившихся с половцами. С тех пор Киев не сумел достичь прежнего уровня и величия.

Но, тем не менее, «Матерь городов русских» не потерял прежнего статуса. Город, расположенный на высоких холмах, был хорошо укреплён и подготовлен к долгой осаде. Археолог М. К. Каргер, обследовавший валы «Ярослава города» высотой в 12 м и обшей протяжённостью в 3,5 км, пришёл к выводу, что они являлись самыми мощными валами в Древней Руси. Но укрепления Киева не ограничивались этим. Несколько валов и оборонительных сооружений должны были пройти захватчики, чтобы дойти до центра города. Многочисленное население Киева в момент опасности могло взяться за оружие и составить подмогу княжеской дружине. Как считают исследователи, в Киеве XIII в. проживало 50 тыс. жителей[137].

Но город не был готов встретить грозного врага. Перед лицом смертельной опасности князь Михаил Всеволодович бежал в Венгрию, а незадолго до Батыева нашествия скончался новый князь Владимир Рюрикович. Воспользовавшись отсутствием прямых претендентов на княжеский престол, один из смоленских князей Ростислав Мстиславич прибыл в Киев и провозгласил себя князем. Но галицко-волынский князь Даниил Романович как в былые времена решил с головой окунуться в междоусобицу, чтобы продемонстрировать свою силу, и двинулся на Киев. Будто не было опасности извне. Даниил был на порядок сильнее: он разбил дружину Ростислава и изгнал его из многострадального города. Однако Даниил не назначил нового князя, а оставил

воеводою тысяцкого Дмитра[138]. Вполне возможно, что в это смутное и полное тревог время никого не льстила перспектива стать князем в Киеве. Вряд ли эти «рокировки» способствовали поднятию духа и смелости киевлян.

28 ноября 1240 г. подразделения Бату, Орду, Хайдара, Бури, Гуюка, Хадана, Бурундая и Субедея подошли к стенам Киева, отрезав город от внешнего мира[139].

Летописец писал:

> «Не слышно было человеческого голоса от скрипа телег, рёва верблюдов и ржания лошадей»[140].

Б. А. Рыбаков пишет:

> «Во время нашествия Батыя жители городов прятали свои драгоценности в землю. До сих пор при земляных работах в Киеве и других городах находят эти клады / …/»[141].

06 этом также пишет М. К. Каргер в своей фундаментальной работе «Древний Киев»[142].

Войска Батыя после непродолжительной подготовки сразу приступили к штурму: они нанесли главный удар по Лядским воротам.

В. Н. Шевяков образно описывает штурм города:

> «С помощью китайских метательных машин монголы швыряли в город камни, брёвна, трупы людей, горшки с подожженным жиром, метали так называемый греческий огонь. Город пылал, обе стороны со страшным криком вступали в рукопашную схватку. Стены Киева содрогались под ударами тяжёлых таранов. Враги подкатывали к стенам города турусы (дощатые башни на высоких колесах), и сидевшие в них воины пускали в дома зажжённые стрелы, выскакивали на стены и падали под ударами русских; турусы разлетались в щепки, изрубленные острыми русскими секирами. Шум битвы не умолкал с утра до ночи, с ночи до утра, сутки за сутками»[143].

Тараны, беспрестанно бившие по Лядским воротам уже несколько дней, проломили стены. Отныне исход битвы не вызывал ни у кого сомнений. Тысяцкий Дмитр, лично руководивший обороной города, был ранен. Монголы, тесня киевлян, ворвались в город. Медленно двигались вперёд

захватчики, преодолевая валы и оборонительные сооружения.

«Киевляне обороняли каждый дом, каждую улицу. Только по трупам защитников древней столицы, задыхаясь в дыму пожаров, теряя множество воинов убитыми и ранеными, завоеватели продвигались вперёд», — так рисует В. В. Каргалов борьбу внутри города[144].

Последним очагом сопротивления стала Десятинная церковь, где укрылись все те, кто даже в этот безнадёжный и беспросветный миг отказался встать на колени перед завоевателями. Озверевшие монголы подкатили к церкви тараны и пороки, которые разрушили её. Церковь рухнула, похоронив под собой последних защитников города.

Как отмечает летописец, Бату-хан, восхищённый мужеством и патриотизмом Дмитра, которого заарканили с оружием в руках, приказал оставить его в живых.

Таким образом, 6 декабря Киев был взят монголами (по другим данным, 19 ноября[145]). Непосредственным следствием поражения стала утрата Киевом статуса центра Руси.

Завоевание Южной Руси (1240 г.)

С падением Киева участь Южной Руси была предрешена. Взятие «Матери городов русских» развязало руки Бату-хану, который воспользовался случаем, чтобы разделить свою армию на несколько мобильных частей, как это было в 1238 г.

Главные силы монгольских войск под командованием Бату-хана развернули наступление на Владимир-Волынский. Одновременно с этим отдельные корпуса монгольских войск, двигаясь широким фронтом, создали угрозу всей Южной Руси. За короткий срок монголы заняли и предали огню города, расположенные на Среднем Тетереве.

> «Видимо, военные отряды из этих городов были вызваны для обороны Киева, а жители, захватив имущество, бежали при приближении грозных завоевателей»[146].

Городок Райковец, что на Верхнем Тетереве, оказал захватчикам упорное сопротивление.

> «Оборона городка отличалась большим упорством. Мужчины мужественно бились в единственных воротах. Здесь, спустя семь столетий, их останки найдены археологами. На стенах стояли женщины и рубили серпами шедших на приступ врагов»[147].

Несколько дней длился штурм. Лишь пробив городскую стену, монголы смогли ворваться в Райковец. Все защитники города были поголовно истреблены.

Город Колодяжин, расположенный на реке Случи, также *недружелюбно встретил захватчиков* (курсив мой. — *Ред.)*. Однако то, чего не могли добиться 12 осадных орудий, сделал обман. После неудачных приступов монголы вступили в переговоры с горожанами, предлагая им сдаться, а взамен обещая неприкосновенность. Колодяжинцы поверили обещаниям монголов и открыли ворота. Но те, ворвавшись в город, учинили кровавую резню. Такая же участь ждала Каменец, Изяславль и другие города.

Однако распыление сил негативно сказалось на успехах монгольских войск. Отдельные отряды вследствие своей малочисленности оказывались беспомощными перед крепостными стенами некоторых городов. В особенности,

нехватка или отсутствие осадных орудий делала кавалерию степняков бессильной даже перед деревянными стенами. В частности, жители Данилова и Кременца мужественно отбили все штурмы монголов, после чего они были вынуждены отойти.

В это время другая часть монгольских войск вступила на территорию Галицко-Волынской Руси. После ожесточённых боёв, продолжавшихся несколько дней, Владимир-Волынский, один из крупнейших и хорошо укреплённых городов Руси, пал О степени укреплённости Владимира-Волынского можно судить по тому факту, что венгерский король, осадивший город в 1231 г., был поражён увиденным и воскликнул: «Такого города я не встречал даже на немецкой земле!»

Князья южной окраины Галицко-Волынской Руси поняли всю бесполезность сопротивления и заблаговременно сдались, обязавшись выплачивать монголам дань. Захватчики не тронули их. Опустошив Волынскую землю, монголы двинулись дальше, на запад. С грустью отмечал В. В. Каргалов:

> «Везде, где проходили отряды завоевателей, археологи находили запустевшие города и селища, погребённые под слоем пепла Под обгорелыми развалинами покоились останки погибших людей. Многие поселения, разрушенные во время нашествия Батыя, уже не восстанавливались»[148].

После падения Владимира-Волынского Галич, Ижеславль, Бужск, Звенигород и другие города («и иныи грады многы, им же несть числа») были захвачены войсками Бату-хана. Таким образом, дорога на Восточную и Центральную Европу была открыта.

После того, как пал Киев, а Южная Русь склонилась перед левятихвостым знаменем, не знающим поражений, некоторые русские князья бежали в страны Восточной и Центральной Европы. Однако короли Малой Польши и Силезии отказали им в приюте. Только мазовский король Болеслав предоставил убежище черниговскому и галицко-волынскому князьям, выделив при этом в держание город Вышеград[149].

Подводя итог войне 1237–1240 гг., А В. Шишов пишет:

> «…Русь подверглась небывалому в её истории разорению, большинство её городов превратилось в пепелища, а многие десятки тысяч людей были уведены в полон. Русские земли лишились своих защитников»[150].

Также подытоживая последствия Батыева нашествия для Руси, авторы книги «Русская история» приводят следующие факты: На Руси 49 городов подверглись разрушению, из которых 15 навсегда исчезли с лица земли[151].

Исследователями подсчитано, что до начала монгольской экспансии, т. е. в первой половине 30-х гг. XIII в., на Руси, славившейся как «страна городов», существовало около 300 больших и малых городов. Эти факты наглядно демонстрируют, что монголы не идут ни в какое сравнение с варварскими племенами, которые не только сокрушили в V в. Западную Римскую империю, но и, одержимые манией уничтожения всего и вся, предали разрушению культурные и архитектурные достижения самой высокой цивилизации того времени — Рима. Недаром до сих пор говорят о «вандализме».

Таким образом, к 1241 г. Бату-хан установил свою власть по всей Руси, заставил имеющих головы склонить её, а имеющих колена — согнуть их. Более того, были созданы все предпосылки и условия для похода в глубь Европы, к «Последнему морю», как завещал Священный Потрясатель Вселенной.

Вторжение в Восточную Европу (1241 г.)

В начале 1241 г. до народов Европы дошли первые достоверные известия о том, что дикие татары, вышедшие из недр Азии и огнём и мечом прошедшие по всей русской земле, теперь идут на них. Страшная тревога охватила всю Европу. Этот страх был настолько велик, что многие короли и герцоги, страны и города были парализованы и не смогли предпринять никаких мер для отпора общему врагу.

Уже в течение четверти века до европейцев обрывками доходили тревожные слухи об образовании централизованного монгольского государства во главе с Чингис-ханом, о завоевательных походах монгольских ханов, в результате которых Китай, Хорезм и другие страны прекратили своё существование. Но, в особенности, их беспокоили вести о войне монголов против половцев и русских княжеств. Всё это свидетельствовало о том, что страшный и жестокий враг уже не за горами. Некоторые европейские монархи, владения которых находились в непосредственной близости от театра военных действий, посылали к монголам своих лазутчиков. Их сведения были ясны и точны: монголы не ограничатся на достигнутом, а попытаются вторгнуться в Европу. Но никто не принимал этого всерьёз. Каждый хотел верить, что война промчится мимо него. И напрасно. Восемь веков назад предки монголов — легендарные гунны, — предводительствуемые своим королём Аттилой, прозванным Бичом Божьим, заставили дрожать всю Европу.

Наиболее информированным (в силу обстоятельств) из европейских монархов был, конечно, венгерский король Бела IV. В своих письмах Бату-хан неоднократно требовал от него выражения покорности, десятины во всём и изгнания половцев, угрожая в противном случае военным вторжением. Именно поэтому Бела посылал многочисленных францисканских и доминиканских монахов на восток, к Волге, чтобы получить необходимую информацию «из первых рук». Один из монахов, Юлиан, сумел собрать обширные и достаточно достоверные сведения о монголах, которые, к сожалению, должным образом не были оценены. Всё внимание беспечного и высокомерного Белы было приковано к укреплению союза с половцами и борьбе с сепаратизмом феодалов, которых тайно и явно поддерживал австрийский герцог Фридрих Бабенберг.

В начале тревожного 1241 г. вести о монголах достигли не только Восточной, но и Центральной Европы. Тюрингский ландграф Генрих Распэ писал герцогу Брабантскому,

предупреждая о монгольской опасности, принимавшей всё более и более чёткие очертания[152].

В Европе XIII в. не было централизованной монархии: государства были разъединены на королевства и герцогства, которые только и враждовали между собой, Крупнейшее государство Европы — Священная Римская империя германской нации — представляло собой множество мелких королевств, курфюрсте и герцогств.

Накануне монгольского нашествия Европа была разделена на два враждующих лагеря: гвельфов, сторонников римского папы, и гибеллинов, приверженцев немецкого императора Фридриха II Гогенштауфена. «Поэтому монголы пытались использовать в своих политических целях конфликт между двумя этими силами. В частности, Бату-хан в своём письме Фридриху II писал: „Я иду, чтобы занять твоё место“. Фридрих же в ответ написал: „Я хорошо знаю соколиную охоту и готов стать твоим сокольничим“»[153].

Но монголы, открытые и прямые монголы, не обученные двусмысленным словам, приняли ответ императора в буквальном смысле. На самом же деле Фридрих, не имея возможности скрестить оружие с монголами на поле битвы, решил поиздеваться над Бату-ханом, чтобы хоть как-то развеселить себя.

К моменту вторжения монголов многовековой конфликт между папской тиарой и императорской короной достиг своего апогея. Каждый император, как и каждый папа, стремился стать хозяином всей Европы. Это стремление не обошло стороной и Фридриха и Григория Представитель династии Гогенштауфенов, считавшийся одним из наиболее образованных людей того времени, в своей книге «Три мошенника: Моисей, Христос и Магомет» не только подверг критике основателей веры, но и прямо написал, что только глупец способен поверить в то, что девственница может родить дитя. За это сочинение римский папа в очередной, третий, раз наложил на богохульника проклятие католической церкви.

Вторжение монгольских орд заставило папу Григория IX посмотреть вокруг себя по-другому. Отложив в сторону личные амбиции, он предложил Фридриху как светскому государю возглавить армию крестоносцев и двинуться против монголов. Наряду с этим, Григорий обещал взять под свою непосредственное покровительство всех, кто отправится в крестовый поход и отпустить грехи. Но папа дальше воззваний не пошёл. Да и Фридрих, начисто позабыв воинственные традиции своих предков, решил искать счастья не в бою, а в бегстве. Укрывшись на Сицилии, он писал английскому королю:

> «Таким образом, страх и трепет возникли среди нас, побуждаемые яростью этих стремительных захватчиков»[154].

Августейшему примеру последовал и Григорий. Оставив дворец, где более тысячи лет жили наместники Христовы, папа бежал в Лион Трудно описать ужас, охвативший Европу. Короли и герцоги при приближении монголов готовы были бросить на произвол судьбы своих подданных и бежать куда-нибудь подальше.

Существует тенденция, интерпретирующая вторжение монголов в Европу желанием Бату-хана покарать венгерского короля Белу и наказать половцев. Однако мы не имеем права оставить без внимания завещание Чингис-хана, согласно которому монголы «должны подчинить себе всю землю и не должны иметь мира ни с каким народом, если прежде им не будет оказано подчинение»[155].

Да и монах Юлиан предупреждал своего короля Белу:

> «Татары днём и ночью совещаются, как бы пройти и захватить королевство венгров-христиан. Ибо у них, говорят, есть намерение идти на завоевание Рима и дальнейшего»[156].

Победоносная монгольская армия Бату-хана по нескольким направлениям вступила на территорию Европы. По ветру развевалось девятихвостое чёрное знамя Чингис-хана — Сульдэ. Монголы верили, что в знамени живёт дух Священного Воителя, который и приносит победу, поэтому свято чтили и берегли его.

Суть плана Субедей-баатура как всегда был прост: он намеревался разгромить европейские королевства поодиночке, не дав им объединиться силами. Два тумена войск под командованием чингисида Байдар-хана имела целью вторгнуться в Польшу и Силезию и разгромить армию короля Генриха. Другой чингисид — Хадан — должен был охватить Венгрию с юга, отрезав её от южных королевств и идти на соединение с главными силами. Сам же Бату Великолепный во главе основных сил держал курс прямо на сердце Венгрии — Буду и Пешт. Наиважнейшей целью Бату-хана была ликвидация Белы и всего Венгерского королевства, не только давших приют половецкому хану Котяну и его 40 тыс. шатрам, но и вероломно уничтоживших монгольские посольства.

«Теперь хотелось бы подчеркнуть следующее: после убийства монгольских послов и купцов хорезмийцами, из-за которого началась война в Средней Азии, монголы вообще могли

прекратить отправку парламентёров к противнику. Даже современный человек не осудил бы их за это. Но монголы с завидным упорством продолжают отправлять послов 8 каждую крепость, хотя последних убили в городах Балхе и Козельске, перед битвой на р. Калка и т. д. На этот раз монгольских послов убили венгры. О чём это говорит? Великие монголы XIII в. настойчиво стремились установить новые цивилизованные правила ведения международных дел в диком мире того времени Ведь только благодаря этим правилам стали возможны приезды послов П. Карпини, Г. Рубрука и путешественника М. Поло со своими братьями, которые с комфортом передвигались по безопасным коммуникациям Монгольской империи»[157].

Да, бесспорно, карателем выступал внук Чингис-хана. Но он намеревался начать завоевание всей Европы, как только создаст удобный плацдарм в восточной её части.

Первым из европейских королевств испытала на себе силу монгольского оружия Польша. Теперь и европейцы получили возможность познакомиться со степняками поближе: что же из себя представляют эти пресловутые монголы?

Польский монарх Болеслав III, умерший ещё до монгольского вторжения, разделил своё королевство между четырьмя наследниками. Однако с тех пор усобицы раздирали некогда славную и сильную Польшу, лишившуюся централизованной власти. Король Болеслав IV, унаследовавший отцовский трон, но не обладавший реальной властью, правил в Малой Польше со столицей в Кракове и крупнейшим городом Сандомиром Его дядя Конрад Мазовский был государем современной Варшавы и её окрестностей. Генриху II досталась Великая Польша (города Гошь, Познань и Калиш и близлежащие территории) и Силезия со столицей в Вроцлаве Его брат Мечислав, или Мешко, правил двумя графствами — Нижней Силезией, или Опполе, и Ратибаром.

Будучи не состоянии объединиться для отпора врагу, поляки, тем не менее, убили монгольских послов, прибывших к ним, требуя, как обычно, выражения покорности. В январе 1241 г. корпуса Байдара и Хайду вторглись в Польшу, перешли Вислу и захватили Люблин и Завихост, а один из летучих отрядов с боем дошёл до Рацибужа. Спустя месяц монголы направили свой удар на Сандомир, который был взят и разграблен, а 13 февраля близ Турска малопольские рыцари были разгромлены. Но эти рейды были только разведкой.

Ранней весной 1241 г. началось вторжение всей монгольской армии в Европу. 12 марта во главе основных сил Бату-хан перешёл границу Венгерского королевства. Таким образом,

монгольские тумены вторглись на территорию Венгрии, Польши и Силезии (Шленска), создав угрозу Далмации, Моравии, Хорватии и даже Германии и Италии.

Битва при Легнице (9 апреля 1241 г.)

Байдар-хан со своим корпусом 10 марта 1241 г. перешёл через Вислу близ Сандомира. Послав тумен Хайду к Ленчице и Кракову, сам Байдар развернул наступление вплоть до Кёльца.

Дорогу монгольским войскам к столице Малой Польши — Кракову — преградили объединённые силы краковцев под предводительством воеводы Владимежа и сандомирцев во главе с воеводой Пакославым. Сражение под Хмельником 18 марта окончилось полным разгромом польской армии, после чего Хайду-хан осадил Краков. Воевода Владимеж остался на поле боя, а краковский и сандомирский князь Болеслав IV по прозвищу «Стыдливый» с матерью, русской княгиней Гремиславной Ингваровной, и семьёй в спешке покинул свою столицу и бежал в Венгрию.

Сегодня на главной волне польского радио можно услышать следующее: Ровно в полдень в течение непродолжительного времени трубит труба и внезапно затихает, но спустя несколько мгновений трубит снова.

Это связано с событиями далёкого прошлого, когда грозный враг в 1241 г. осадил Краков, Дозорный, находившийся на крепостных стенах, заметил приближение монгольских войск и затрубил в трубу, чтобы предупредить об опасности. Стрела, пущенная монгольским воином, насквозь пробила горло дозорного. Другой ратник, который находился поблизости, схватил трубу с рук убитого и затрубил в неё. Краковцы были предупреждены вовремя и все, как один, встали на защиту родного города.

Целых десять дней и ночей продолжался штурм города Краковцы дрались до последнего, но устоять перед монголами не смогли. 28 марта монгольские воины через трупы горожан вошли в Краков. Город был отдан на разграбление, а его жители — обращены в рабство. Но собор святого Андрея, где нашли укрытие уцелевшие защитники города, устоял. Этот собор, этот памятник мужественного сопротивления польского народа сохранился до наших дней.

2 апреля соединённые силы Байдара и Хайду достигли столицы Силезии Вроцлава (Бреслау). Участь Малой Польши, попавшей под удар монгольской конницы, насторожила всех. Народ поднялся на борьбу с иноземными захватчиками. Не осталось в стороне и рыцарство. Каждый со всей ясностью понимал, что стихийное, разрозненное сопротивление обречено на провал.

«Благочестивый: во Вроцлав стекались со всех сторон польские рыцари и ополченцы — лучники, крестьяне, холопы. Воины из Малой Польши и южной части Великой Польши объединились под воеводством Сулислава, брата краковского воеводы: во главе верхнешленского (верхнесилезского) воинства стал опольский Мешко; сам Генрих вёл нижнешленское войско»[158].

Чешский король Вацлав I по прозвищу «Одноглазый» тоже не стал сидеть сложа руки в ожидании монголов, а интенсивно готовился к военным действиям. Он с охотой откликнулся на призыв Генриха и во главе армии в 40 тыс. пеших воинов и 10 тыс. всадников оставил свою столицу Прагу, чтобы соединиться с ним.

На военном совете монгольские начальники приняли единодушное решение, продиктованное сложившимися условиями. Было решено снять осаду с Вроцлава, который всё ещё держался, нанести опережающий удар и разгромить армию Генриха до подхода чешского короля. Необходимо было спешить: разведка доложила, что чехи находились совсем близко. Но самое трудное заключалось в другом: нужно было заставить короля Генриха принять сражение, ведь он мог уклониться от боя и двинуться навстречу Вацлаву.

Однако Генрих сам переоценил свои силы. Не исключён и другой вариант — он не хотел разделить лавры победителя монголов с кем-либо.

9 апреля 1241 г. близ Легницы (Лигницы) встретились в единоборстве тумены Байдар-хана и армия Генриха. Европейцев насчитывалось более 40 тысяч воинов, что превышало численность монгольской армии в два раза.

Генрих разделил своё войско на пять частей. Первым корпусом, в состав которого вошли немецкие горняки, командовал Болеслав, сын маркграфа Моравии Дипольда. Во главе второго корпуса, составленного из великопольских и краковских воинов, стоял Сулислав Французские тамплиеры и немецкие рыцари тевтонского ордена образовали третий корпус под начальством великого магистра Понсе д'Обона. Мечислав (Мешко) руководил четвёртым корпусом, ядро которого составили ратники из Верхней Силезии и Ополе. И, наконец, пятый корпус находился под непосредственным командованием короля Генриха, который собрал под своими знаменами нижнесилезских и польских воинов.

Король Генрих, наслышанный об искусстве монголов овладевать хорошо укреплёнными городами, решил сразиться с ними в открытом бою. Ведь как-никак его объединённая армия

превосходила их по численности в два раза, а тяжеловооружённые французские и немецкие рыцари могли смять монгольскую кавалерию. То обстоятельство, что Генрих решил принять сражение, не дожидаясь подходившую чешскую армию, говорит о том, насколько он был уверен в своих силах.

Байдар-хан понимал, что его тумены имеют мало шансов на победу в открытом единоборстве. Поэтому был разработан план сражения. Байдар-хан сделал ход белыми.

Монголы в самом начале сражения подожгли тростник. Дымовая завеса прикрыла монгольскую армию, которая построилась в боевой порядок. Так и не разобравшись в обстановке, Генрих отдал приказ о наступлении. Европейцы сквозь дым не смогли рассмотреть расположение степняков Туча стрел встретила союзников, когда они подошли на расстояние выстрела из лука. Почти каждая стрела находила себе жертву. В ответ лучники Генриха обстреляли монголов, но безрезультатно. Как только лучники натягивали тетиву, чтобы пустить стрелу, монгольские всадники скрывались в дыму и внезапно появлялись, чтобы встретить их очередной тучей стрел.

Когда лёгкая конница отошла, а ветер мало-помалу рассеял дым, европейцы были поражёны внезапно возникшим видом: перед ними была всего лишь горстка монголов! Но это была иллюзия. Монголы построились в такие стройные линии, что был виден только передний воин. Никогда ещё европейцам не доводилось видеть такого стройного боевого порядка.

Монгольские всадники выкрикивали по-польски: «Спасайся, кто может!», что внесло панику в ряды союзных войск Ведь не вступив в рукопашную, они потеряли много воинов, которых поразили монгольские стрелы. Ответная стрельба европейцев не приносила ожидаемой эффективности.

Чтобы взять инициативу в свои руки, король Генрих отдал приказ польским и немецким рыцарям вступить в сражение. Тяжеловооружённая рыцарская конница, словно огромная железная черепаха, ощетинившаяся копьями, двинулась на монгольский авангард. Несмотря на дымовую завесу, рыцари поначалу оттеснили лёгкую монгольскую кавалерию. Но, как оказалось, это был очередной трюк монголов. Их мнимое бегство продолжалось до тех пор, пока рыцари окончательно не расстроили свои ряды. Внезапно перед европейцами выросла целая армия: это были основные силы Хайду-хана, которые ещё не вступали в сражение. Мощный удар тяжёлой монгольской конницы опрокинул хаотически наступавших рыцарей. В самом начале монгольской атаки был убит король Генрих, что ещё более дезорганизовало и деморализовало европейцев. Вслед за

рыцарями были разбиты и польские и силезские воины. Союзная армия потерпела оглушительное фиаско.

Монголы воткнули голову Генриха на остриё копья и прискакали к стенам Легницы, тем самым напоминая, что всякого, кто дерзнёт оказать сопротивление воинам великого Бату-хана, ждёт подобная участь. Но горожане не пали духом и сумели отбить приступ.

После сражения вдова несчастного короля Анна, чтобы похоронить убитого мужа по-христиански, предприняла тщетные поиски. Но невозможно было отыскать тело Генриха, так как монголы обезглавили и ограбили его, а убито было множество воинов. Поэтому Анна распорядилась отыскать тело, у которого окажется шесть пальцев на левой ноге. Лишь таким образом труп Генриха был найден. Спустя 600 лет после этого события, в 1832 г. археологи обследовали захоронение Генриха. Легенда была полностью подтверждена: останки Генриха не имели головы, а на левой ноге было шесть пальцев.

Но существует и другая версия гибели Генриха. Согласно этой версии,

> «Генрих Силезский был пленён монголами, и они заставили его преклонить колена перед погибшим ранее монгольским военачальником. Затем герцог был умерщвлён, а его голова отправлена к Бату»[159].

После сражения монгольские воины отрезали с каждого погибшего врага правое ухо и наполнили девять мешков[160]. Согласно источникам, в битве при Легнице объединённые силы европейцев безвозвратно потеряли около 40 тыс. человек[161]. Хотя эти цифры кажутся несколько преувеличенными, можно сделать вывод, что союзная армия понесла огромные потери и перестала существовать.

Вызывает несомненный интерес предположение польских исследователей, которые, на основании анализа исторических документов и фактов, считают, что монголы в битве при Легнице применили новинку, дотоле неизвестную в Европе, — боевые газы. Участники сражения отмечали запах едкого дыма, застлавшего долину перед боем. Монгольские войска расположились таким образом, что ветер был с их стороны и сносил ядовитый газ в сторону вражеских позиций. Газы выбрасывались при помощи специальных трубок, украшенных головами драконов и т. п., которых европейские воины приняли за бунчуки, подававшие сигналы. Учёные выдвигают гипотезу, что это была одна из разновидностей нервно-паралитического газа.[162]

Разгром немецких рыцарей при Легнице, считавшихся лучшей армией в Европе, убедительно доказал, что старый континент не в состоянии организовать отпор монгольской кавалерии, способной победоносно пройти вплоть до «последнего моря». Возможно, после такого оглушительного поражения, считает Я. Халбай[163], немецкие рыцари навсегда сбросили с себя громоздкие доспехи.

Впоследствии немецкие рыцари во весь голос заявляли, что ложное отступление монголов противоречит чести и достоинству воина, что они, рыцари, никогда бы не снизошли до такого постыдного поступка. Однако за 1600 лет до Легницкой битвы царь-полководец воинственной Спарты Агесилай Второй говорил:

> «Обмануть врага не только справедливо, но и даже приятно».

К моменту разгрома войск короля Генриха армия чешского короля Вацлава находилась на расстоянии всего однодневного перехода от Легницы. Байдар-хан благоразумно отказался от сражения со свежими силами противника и отошёл в Венгрию. Пробыв в Нижней Силезии две недели, монголы пошли на Рацибуж Так как Байдар-хан не имел при себе осадных орудий, он после неудачного штурма по распоряжению Бату-хана 16 апреля двинулся на соединение с ним в Моравию[164]. Моравия, гористая, малонаселённая, в стратегическом плане не представляла интереса для монголов. По пути один из летучих частей Байдар-хана ворвался на территорию Германии и дошёл до Мейсена, предав огню и мечу окрестные земли.

После уверенной и безапелляционной победы монголы двинулись не в Германию, а на восток. Это обстоятельство интерпретируется некоторыми исследователями как боязнь перед армией короля Вацлава. Приведем на этот счет мнение Я. Халбая:

> «…Монголы ни в Китае, ни в Средней Азии не боялись численного превосходства противника. Кроме того, при необходимости они могли вызвать подкрепление от хана Батыя и других отрядов., Почему монголы повернули на юг, а не пошли дальше в Германию? Ответ очевиден: Германия была значительно беднее южных районов Европы. Если бы было наоборот, хан Батый с главными силами после Венгрии обязательно вторгся бы в немецкие земли. Монгольская разведка донесла о слаборазвитости Германии того времени. Поэтому направление главного удара было выбрано: после Венгрии идти на Адриатику, оттуда — в

Рим. Как мы видели до сих пор, монголы в первую очередь подчиняли богатые и сильные регионы. После этого бедные области добровольно покорялись сами.

Богатая добыча была основным стимулом всех монгольских походов Из-за неё северные кочевники, как уже упоминалось, покорили Индокитай и Индию, пересекли экватор и оказались на острове Ява. Поэтому маршрут монгольской армии абсолютно точно указывает на то, какие страны и народы в XIII в. были развитыми и богатыми»[165].

Сражение на реке Сайо (11 апреля 1241 г.)

Король Бела, ставший заклятым врагом монголов, не сумел и не успел принять каких-либо существенных мер для отпора врагу, если не считать того, что в январе 1241 г. отдал приказ палатину Дионисию Томаю поставить в Карпатских горах заставы. Чтобы задержать продвижение монголов, венгры завалили вековыми дубами горные проходы. Но для монголов это была всего лишь соломинка. Субедей-баатур приказал сжечь их. Огромные клубы дыма затмили горизонт, извещая о появлении грозных завоевателей.

Армия Бату-хана, легко отбросив заставы, 12 марта через горные проходы Мункач и Унгвар, известные как «Русские ворота», вторглась в Венгерское королевство При Бату-хане находились Хадан, Бури, Шейбани, Буджек и Орду со своими войсками. Другая часть монгольских войск наступала из Галичины, с юга, с целью отрезать Венгрию от Болгарии.

Захватывая встречные города, монголы двинулись на Пешт, Бела, получивший известие о наступлении Бату-хана, разослал во все концы своего королевства гонцов с окровавленными шашками наголо, тем самым предупреждая о смертельной опасности и призывая встать на защиту родины. Однако Бела был непопулярен у своих подданных, считавших своего государя виновным в развязывании этой войны. Более того, аристократия не предприняла никаких попыток, чтобы усилить королевскую рать. Каждый венгр открыто заявлял, что своим близоруким поступком Бела подверг свою страну опасности войны. «Бела призвал монголов, пусть Бела и воюет», — говорили венгры.

Однако у Белы были свои причины, когда он решился дать приют половцам. Сын половецкой княжны, непопулярный в народе, он стремился укрепить свою власть, опираясь на 40 тыс. половецких воинов, подчинявшихся только ему. Более того, Бела даже планировал создать личную гвардию из отборных половецких воинов. С другой стороны. Бела хотел заслужить благодарность римского папы, обратив в христианство половцев и превратив их в новых плательщиков налога. Таким образом, король Бела стремился одним выстрелом убить двух зайцев. И осенью 1239 г. Бела на границе своего королевства торжественно встретил хана Котяна и его народ. Половцам были предоставлены земли внутри страны. Но половецко-венгерский союз не состоялся: кочевая и оседлая цивилизации оказались несовместимыми. Бесчисленные половецкие стада наносили большой ущерб хозяйству венгров. В конце концов дело дошло до

открытых стычек. В одной из летописей мы читаем:

> «Половцы насиловали жён и дочерей венгерских крестьян»[166].

По мере приближения опасности, венгерские феодалы стали оказывать давление на Белу, принуждая его выдать половецкого хана Котяна монголам. Но сделать этого Бела просто не мог, За спиной Котяна стояли 40 тыс. вооружённых воинов. Кроме того, сын Белы — Иштван — сочетался браком с дочерью Котяна, в крещении Елизаветой.

Тогда рассвирепевшие феодалы убили Котяна и зарезали его семью Однако их поступок уже не мог спасти положения. Они не учли того, что опыт хана Котяна, на своём веку немало повоевавшего против монголов с самой Калки, пригодился бы им. Последствия убийства Котяна тут же дали о себе знать. Половцы подняли восстание, собрали шатры и ушли на Балканы, сокрушая всё на своём пути. Так Бела потерял и опытного хана, и 40 тыс. решительно настроенных воинов По пути половцы зарезали многочисленных венгерских беженцев, в основном женщин и детей, и рассеяли войско, идущее на соединение с Белой. Также пострадали населённые пункты и села, которые половцы беспощадно грабили и жгли.

Бела, на помощь к которому прибыл хорватский герцог Кальман со своей ратью, укрылся с войсками за стенами Буды и Пешта. Эти города-близнецы, стоявшие по обе стороны Дуная, представляли собой мощную крепость, способную выдержать долгую осаду. Стремительное наступление монголов захлебнулось под стенами Буды и Пешта. Несмотря на строгий наказ Белы не совершать вылазок, колочский архиепископ Уголин вышел из стен города, когда монголы после неудачного штурма обратились в бегство. Однако его войско попало в засаду и было перебито. Архиепископ Уголин возвратился в город в сопровождении всего трех-четырёх воинов.

Стоя под стенами Пешта, Бату-хан не бездействовал. Летучие отряды кочевников разграбили окрестности города и разорили Ерлау и Кевешд.

В это время король Бела рассорился со своим вассалом, австрийским герцогом Фридрихом Бабенбергом, прибывшим на помощь сюзерену. Требование Белы беспрекословно, по-солдатски подчиняться его приказам раздражало Фридриха, так что он в конце концов не вытерпел и, выбрав подходящий момент, ушёл в Австрию со своим войском.

Так как осада грозила затянуться. Бату-хан решил прибегнуть к своему излюбленному трюку После очередного штурма

монголы обратились в самое что ни на есть постыдное бегство Оно выглядело таким естественным, что Бела отдал приказ своим войскам выйти из стен города и преследовать захватчиков до победного конца. Мнимое бегство монголов продолжалось до тех пор, пока они не достигли реки Сайо (Шайо), впадающей в Тиссу. По примеру чешских таборитов венгры окружили свой лагерь повозками, сцеплёнными друг с другом. Бела считал, что монголы не сумеют перейти через реку и оставил тысячу воинов для защиты единственного моста. Бату-хан опытным глазом полководца оценил всю обстановку и радостно воскликнул:

«Эти не уйдут из моих рук, так как они столпились в одну кучку, как в овчарне!»[167]

Эта битва, ставшая одной из самых ярких страниц в военной истории монгольского оружия, подобно описана в фундаментальном труде «Краткая история монгольской армии». Эта двухтомная монография, вышедшая под редакцией военного историка, генерал-лейтенанта Ш. Жадамбы, особенна тем, что авторы попытались дать объективную оценку монгольским завоеваниям XIII в.

В ночь на 9 апреля Бату-хан разделил свою армию на две части: одна часть имела целью оттянуть на себя внимание и главные силы венгерской армии, в то время как другая часть должна была форсировать реку и нанести удар с тыла[168]. Первый день сражения не принёс монголам успеха. Чтобы воодушевить свою армию, Бату-хан принял личное участие в сражении Венгры и так имели численное превосходство, а после разделения монгольской армии их явное преимущество не вызывало никаких сомнений. Попытка другого корпуса монголов перейти реку не увенчалась успехом.

Весь завтрашний день, 10 апреля, монгольские войска готовились к переправе. С помощью осадных орудий монголы очистили от венгров участок на берегу реки, в то время как инженерный отряд наводил мост через Сайо.

Ранним утром 11 апреля 1241 г. монгольская армия перешла в наступление и форсировала реку. Дозорные прискакали в стан Белы и сообщили королю о случившемся. Однако монголы буквально гнались за дозорными по пятам и, прежде чем Бела успел предпринять какие-либо ответные шаги, достигли венгерского лагеря. Не сигнал трубачей, а туча стрел, пущенная монгольскими лучниками, разбудила 65-тысячный сонный лагерь.

Упорная битва на берегах Сайо закончилась очередной блестящей победой монгольских туменов, сокрушивших объединённую армию Благодаря мастерски осуществлённому

манёвру, монголы окружили противника, который с большими для себя потерями сумел пробиться к Пешту.

В этой битве европейцы впервые познакомились с применением пороха[169]. Взрывчатые вещества, хотя и не наносили серьёзного ущерба, посеяли панику в рядах союзников. Шокированы были все: и люди, и кони.

Из 65 тыс, европейских воинов 56 тыс или 86 процентов от общего числа воинов, принявших участие в сражении, полегли на берегах Сайо. Король Бела, всё спасение которого было в быстрой лошади, бежал на север. Его союзник и брат, хорватский герцог Кальман умер от полученных ран[170]. Кроме того, во время отступления в Пешт были убиты видные деятели церкви — архиепископ эстергомский Матиас, архиепископ колочский Уголин, епископ трансильванский Рейнольд, епископ нитрский Яков и др.

Поразительно, но за два дня из числа Батыевых врагов были выведены два европейских королевства — Польша и Венгрия.

Монголы, отдохнув после битвы, подступили к Буде и Пешту. Герцог Кальман, умирая, советовал их жителям отказаться от бесперспективной борьбы и сдаться на милость победителей. Но народ поступил вопреки совету герцога. Три дня длился штурм, хотя исход боя ни у кого не вызывал сомнений 29–30 апреля Буда и Пешт пали Города подверглись страшному опустошению и грабежу.

Бела спасся, лишь благодаря выносливости своего коня. Он направился в Польшу, так как ещё не знал о разгроме под Легницей, но монгольский отряд, посланный за ним вдогонку, не отставал. Чтобы запутать свои следы. Бела из Коморской области взял курс на запад и через Нитру двинулся к Братиславе (современная Словакия), крупнейшему центру западных окраин его монархии. Но он не остался в Братиславе. Гонимый не столько монголами, сколько ужасом, он бежал в Австрию, куда до прихода монголов благоразумно отправил свою семью.

Фридрих Бабенберг на границе своего герцогства лично встретил подавленного горем короля. За какой-то месяц потерять родину предков и превратиться в беженца! Австрийский герцог, только теперь осознавший истинное положение дел, самым кардинальным образом изменил своё отношение к монарху без королевства Фридрих вспомнил, что ещё в 1235 г., когда ныне покойный венгерский король Андраш II появился под стенами Вены, он был вынужден заплатить большую дань, и потребовал у Белы возвратить её. У Белы не было ничего, кроме спасшей его лошади, и ему не оставалось иного выхода, как отдать австрийскому герцогу три свои западные области: Мозон

(Визельбург), Шопрон (Эдельбург) и Лочманд (Лутцманнбург). Вырвавшись из когтей Фридриха, Бела, взяв с собой семью, двинулся на Сегед. Одновременно он отправил епископа вайценского к Папе римскому и немецкому императору (который, как известно, тоже находился в Италии — на Сицилии), чтобы подать жалобу на нехристианское поведение австрийского герцога.

Но Фридриха, у которого разгорелся аппетит, не так-то легко было унять. После ухода Белы он во главе своих рыцарей силой взял Братиславу и Рааб. Но австрийское господство в этих местах продолжалось недолго: восстание местных жителей закончилось изгнанием гарнизона Фридриха.

В ближайшее после падения Буды и Пешта время Варадин, Арад, Перег, Егрес, Темешвар, Дьюлафехервар и другие венгерские города попали под власть монголов, которые повсеместно устанавливали свое правление. Об этом пишет Л. де Хартог:

> «Завоевав какую-нибудь область, монголы в первую очередь за очень короткий срок создавали правительство и местную администрацию, которые обладали весьма ограниченной властью в силу того, что вся их деятельность была направлена на обеспечение действующей армии всем необходимым. Однако, несмотря на это, жизнь на оккупированной территории в определённой мере входила в своё прежнее русло»[171].

То же самое мы читаем у М. Правдина. На основании изучения многочисленных венгерских летописей, он пишет:

> «Завоевав Венгрию, монголы приступили к её административному обустройству. Были созданы местные органы власти, назначены судьи и представители власти, монгольские наместники в городах Было объявлено, что те, кто будут следовать монгольским законам, могут не бояться беззакония и произвола. Беженцы, укрывавшиеся в лесах и горах, постепенно возвращались в родные места и жизнь мало-помалу ладилась Крестьяне начали обрабатывать свою землю и вести хозяйство Даже те, у кого не было ничего, нашли выход из положения: они привозили монгольским начальникам и наместникам красивых венгерских девушек, а взамен брали овец, коров, лошадей и другой скот Монгольские медные и серебряные монеты ходили в обращении»[172].

А теперь мы вновь хотим задать вопрос, который уже прозвучал выше: может ли фольклор побеждённых народов выступать в качестве исторических источников, и насколько он выдерживает критику? В одной из венгерских летописей читаем, что Бату-хан был убит при осаде Варадина, о взятии которого мы писали выше. Эта летопись и легла в основу «Повести об убиении Батыя», получившей распространение на Руси в XV в.[173].

Захват монголами Венгрии породил страх и ужас в Западной Европе. Впервые правители и жители западноевропейских стран ощутили реальность монгольского порабощения, которое до поры, до времени казалось чем-то далёким и химерическим Баварский хронист с прискорбием отмечал, что Венгерское королевство, имевшее 350-летнюю историю, прекратило своё существование[174].

Чтобы отбить у европейских народов всякую охоту к сопротивлению, монголы держались традиционной политики устрашения. Фома из Сплита писал:

> «Тартарские полчища, опустошив всю Трансильванию и выгнав венгров из задунайских земель, расположились в тех местах, собираясь остаться там на всё лето и зиму. А чтобы устрашить тех, кто обитал на другой стороне Дуная, они сложили на берегу реки многие кучи из несметного количества собранных тел»[175].

Побеждённый Бела не задержался долго в Сегеде. Он бежал с немногочисленной свитой в Загреб, один из крупнейших городов Хорватии, которая в то время наряду с Далмацией входила в состав Венгерской монархии. Бела за те десять месяцев, которые он провёл в Загребе, развернул самую ни на что есть кипучую деятельность (конечно, в пределах своих возможностей) для сплочения всех христианских сил. Но его обращения к двум столпам католического мира остались без ответа: и папа, и император были глухи к незадачливому королю. Так же без ответа остались и его письма к европейским монархам, призывающие сплотить все силы и двинуться на монголов, как в старые, добрые времена, во время первых крестовых походов. Интересно, но воевать хотел только Бела, оставшийся с носом. А те, кто имел хоть что-то, что можно потерять, и не думали идти войной на монголов. Они понимали, их ждала участь если не Генриха, то Белы.

Итак, воевали словами. Следуя примеру Белы вести войну при помощи слов, Григорий IX (1227–1241) в 1241 г. и Иннокентий IV (1243–1254) в 1243 г. обещали ему предоставить

участникам крестового похода против монголов равные права с крестоносцами Святой Земли. Однако крестовые походы так и остались на бумаге.

Корпус Хадана, посланный Бату-ханом вслед за Белой, на Рождество 1241 г. перешёл по льду Дунай. Не сходя с лошади, монголы пронеслись по Славонии и Хорватии и заняли Загреб, откуда Бела успел сбежать. Король, как никто другой, знал, что ждать пощады бессмысленно. Всё меньше и меньше приближённых оставалось у него каждое утро. Но безысходность положения и страх давали ему силу. Вскоре монголы окружили крепость Клиссу, расположенную в 9 км от далматинского города Спалато, где, как считал Хадан, укрылся Бела. Хадан послал к Клиссе гласника, который по-хорватски заявил следующее от имени монгольского хана:

> «Передаёт вам хан Батый, вождь непобедимого войска, чтобы не защищали чужих вам по крови короля и его людей, а передайте неприятеля в наши руки, тогда избегнете его участи и не погибнете напрасно»[176].

Но Белы не было в Клиссе: он нашёл убежище в соседней крепости Трогир, окружённой водой. Это обстоятельство навлекло на него новую мысль: нет спокойной жизни от монголов на суше, спасение есть только на море. На жалких рыбацких лодках Бела бежал к островку Кралевац, что в Адриатическом море. Но мания преследования не покидала его: он бежал ещё дальше, на островок Рабе. Между тем, Хадан взял приступом Клиссу и, не обнаружив следов присутствия королевской персоны, опрашивал местных жителей о возможном местонахождении Белы. М. Правдин упоминает о небольшой морской битве, в которой собранные монголами несколько кораблей разгромили флотилию короля[177]. Но, несмотря ни на что, это была победа, и, причём, морская. В этот момент Хадана настиг гонец с посланием от Бату-хана, приказывающим немедленно идти на соединение с главными силами: в Каракоруме скончался великий хан Угедей и необходимо было созвать военный совет для обсуждения создавшегося положения и дальнейших действий. Хадан послал один отряд на юг, а сам двинулся в Венгрию Этот отряд, развернувший наступление по побережью Адриатики, сжёг сербские приморские города Свач и Дриваст, и взял ещё города Рагуэу (Дубровник) и Каттаро, из которых последний был разрушен, после чего опустошил часть Боснии и направился через Албанию, Сербию и Болгарию на присоединение к Бату-хану[178]. При этом монголы достигли албанского Скадари, что стало самой южной точкой

проникновения монголов на европейском континенте.

Народы Юго-восточной Европы, едва получив известие о приближении монголов, массами бежали в высокие горы и труднопроходимые леса, бросая жилище и имущество.

Преследование Белы Хаданом во многом напоминает погоню Субедей-баатура и Джебе-нойона за хорезмшахом Мухаммедом в 1220 г. Для монголов в целях стабилизации ситуации в регионе первостепенное значение имело физическое устранение монархов покорённых стран и их возможных наследников Ведь живой монарх невольно выступал возмутителем спокойствия. Именно поэтому преследование Мухаммеда в 1220 г. и Белы в 1241 г. явилось одним из важнейших залогов успеха всей кампании. Если падишах нашёл пристанище на одном из островков Каспийского моря, то венгерский король — на одном из островков Адриатического моря. Но на этом аналогии кончаются: Мухаммед закончил свои дни бесславно на клочке земли, а Бела возвратился на родину после ухода монгольских туменов.

Возвращение (1242 г.)

В апреле 1241 г. монгольская конница, двинувшаяся из Польши и Моравии, через Грозенковский и Яблоновский перевалы вторглась в Словакию, которая входила в состав Венгрии. Словацкая земля была отдана на разграбление победоносным войскам Города Бансха Штявница, Крупина и Пуканец, расположенные в горной местности, не сумели оказать какого-нибудь значительного сопротивления и стали лёгкой добычей степняков. Этот корпус оставался в Словакии до самого конца 1241 г., пока не получил приказа двинуться на воссоединение с Бату-ханом. В отдельных же местностях господство монголов, управлявших с помощью своих «бавилов», продолжалось около года. Словацкие жупы Земплин, Абов, Турна, Гемер испытали на себе всю тяжесть монгольской оккупации, Но простой народ сумел отстоять Братиславу, Нитру, Комарно (Коморн), Тренчин, Бецков и др[179].

Корпус Байдар-хана, одержавший блистательную победу при Легнице, с боем прошёл по Восточной Чехии и Моравии. В пути монголы обложили засадой крепость-твердыню Оломоуц В ночь на *24* июня 1241 г. чешский воевода, Ярослав из Стернберга во главе дружины сделал вылазку и напал на монгольский лагерь Чехи объявили эту вылазку грандиозной победой. Неудивительно, ведь нужен же пример, способный вдохновить народ. И не важно, соответствует это действительности или нет.

В большинстве исторических трудов, появившихся на свет в советское время, мы находим значительно преувеличенные «сведения» о так называемом сокрушительном поражении монгольских войск под Оломоуцем. Даже пишут, что будто под Оломоуцем погиб один из влиятельных чингисидов — хан Байдар[180].

Но нужно вспомнить тот факт, что во время завоевательных походов монголы ни разу не терпели поражения под осаждённым городом. И это заслуга того, что осадные действия велись согласно всем нормам и законам войн.

Вполне вероятно, что Ярослав посчитал возвращение в крепость победой. Ведь вылазки обычно заканчивались почти полным истреблением смельчаков. Мы не исключаем и того, что вылазка имела успех, и монголам действительно был нанесён некоторый урон. Но говорить о полном разгроме монгольского корпуса и гибели чингисида невозможно.

Мы не имеем права не принимать во внимание заявление чешского учёного В. Новотны, основательно изучившего поход

Бату-хана на Восточную Европу. На основании изучения многочисленных источников он сделал вывод, что битва под Оломоуцем всего-навсего миф и, как следствие, не соответствует действительности[181]. В настоящее время большинство историков считают битву под Оломоуцем выдумкой.

История знает немало примеров, когда именно отсутствие героизма волей-неволей создает образ пламенного патриота. Этот лже-пример нужен для того, чтобы воодушевить и вдохновить народ. И народ верит этому по той простой причине, что хочет верить. Вот пример из недалёкого прошлого. Во время войны в Ираке в 2003 г. Пентагон окружил нескольких рядовых ореолами легендарных героев-патриотов. И только Смит США через некоторое время доказал их вымышленность.

Зимой 1241 г. Бату-хан послал один отряд в Австрию для разведки и добычи фуража. Этот отряд, несмотря на свою малочисленность, храбро двинулся в глубь страны и достиг Нейштадта, расположенного близ Вены. Австрийцы и не пытались оказать сопротивления, если не считать маленькой стычки, в которой погибло около ста человек. Но монголы, немного не дойдя до Вены, отошли к исходным позициям. Таким образом, австрийцы счастливо отделались от монголов.

Всю зиму 1241–1242 гг. Бату-хан стягивал свои разрозненные силы, которые решали локальные задачи. Перейдя Дунай, он осадил Эстергом — крупнейший населённый пункт Восточной Европы. В городе, считавшемся неприступным, стоял многочисленный гарнизон Жители окрестных сёл и деревень, побросав имущество, укрылись в Эстергоме, тем самым усилив ряды защитников города.

Тысячи пленных, пригнанных отовсюду, выполняли осадные работы. 30 осадных орудий беспрестанно обстреливали тяжёлыми камнями город, разрушая их и нанося ущерб. Эстергом не продержался долго: неудержимые монголы в некоторых местах разрушили городскую стену и начали решающий штурм. Чем более ожесточённо сопротивлялись горожане, тем яростнее становились монголы. Когда эстергомцы поняли, что удержать город невозможно, они предали огню всё своё имущество, чтобы оно не досталось врагу. Заняв город, озверевшие монголы перебили его защитников. Уцелевшие эстергомцы во главе с испанцем Симеоном засели в внутренней крепости и отбили все атаки монголов.

С завоеванием Восточной Европы перед войсками Бату-хана открылись все дороги для вторжения в Германию и далее во Францию.

Даже в эти дни, когда решалась судьба всего христианского

мира, когда короли и герцоги добровольно отказались от борьбы, конфликт между немецким императором и римским папой не утих, а, что интересно, вспыхнул с новой силой. Фридрих предупреждал французского короля «о папской хитрости и жадности», «поскольку в своих ненасытных амбициях он [папа] теперь имеет целью подчинить себе все христианские королевства… и теперь он пытается с большими поспешностью и самонадеянностью заставить имперское величие сгибаться при его кивке»[182].

Однако, с другой стороны, сторонники папы усердствовали в распространении слухов «что император по соглашению с татарами организовал это нападение, и что этим умным письмом он, в основном, прикрыл своё гнусное преступление, и что своими неуёмными амбициями он схож с Люцифером или Антихристом, организуя заговор против монархии во всём мире, ведущий к окончательному крушению христианской веры»[183].

Резюмируя обстановку в Европе на тот момент, Г. Лэмб пишет:

> «Никакие повторные выступления не могли спасти Западную Европу от неизбежного бедствия Её армии, способные совершать маневр лишь большими массами под руководством правящих монархов, таких же некомпетентных, как Бела или Людовик [Луи] Святой во Франции, были достаточно храбрыми, но совершенно неспособными одержать победу над совершающими быстрые манёвры монголами под руководством таких полководцев, как Субедей, Мунке и Кадан — ветеранов, всю жизнь воевавших на двух континентах»[184].

Но в этот самый момент, в начале 1242 г. весть о кончине великого хана Угедея достигла Бату-хана. Принять своевольное решение он не мог, поэтому к чингисидам и военачальникам высшего ранга были посланы гонцы. Познакомив их с содержанием письма из Каракорума, Бату-хан поставил следующий вопрос: продолжать ли военные действия в Европе, чтобы добить обескровленного врага, или возвращаться в родные степи на курултай для выбора нового великого хана. В конце концов было принято единогласное решение: оставить покорённую Европу, перебить обессилевших пленных и вывести тумены на восток.

Перед тем, как выступить в обратный путь, у устьев Дуная по приказу Бату-хана был произведён всеобщий осмотр войск. В это же время состоялось очередное совещание чингисидов и военачальников, принявшее решение превратить Молдавию и

Болгарию в западные провинции Джучиева улуса. Не забыли назначить и наместника — чингисида Ногая. После непродолжительного отдыха победоносная армия двинулась в путь.

Позади остались всё ещё охваченные ужасом европейские страны. После ухода монголов в этих странах долгое время не могли установиться спокойствие и порядок. Вся Европа испытывала великую радость и облегчение, когда слух об уходе непобедимых туменов Бату-хана стал подтверждаться. Во всех концах Европы благодарный народ молился Всевышнему, чудесным образом спасшего его, когда уже надеяться было не на кого и не на что.

Летом 1242 г. монгольские войска оставили оккупированные земли и двинулись на восток. Их путь лежал через Боснию, Сербию и Болгарию на Русь. Монголам не составило большого труда оккупировать обширное, но раздираемое внутренними противоречиями Болгарское царство. Болгарский царь, малолетний Коломан признал себя данником Бату-хана и обязался выплачивать дань.

Уход монгольских войск сопровождался разрушениями и грабежами. Монголы предавали огню и мечу встречные города и населённые пункты, не тронутые войной, а их жителей, в особенности, умельцев, молодых женщин и сильных мужчин, обращали в рабство. В бесчисленных повозках везли победители военную добычу. Кочевники двигались на восток, в привольные половецкие степи. Так завершался великий западный поход, продолжавшийся целых семь лет. Сколько крови пролилось за это время, сколько человеческих жизней унесла война, сколько разрушений принесла она человечеству, скольким народам причинила она горе и несчастье?

Военная кампания в Восточной Европе занимает почётное место не только в походах Бату-хана, но и в завоеваниях монгольских ханов вообще Спустя шесть столетий французский император Наполеон Первый, спустя ещё одно столетие фюрер Гитлер заставили дрожать старушку-Европу.

Наполеон, который уделял большое внимание изучению истории монгольских походов, тактики и организации монгольских войск, отмечал, что вторжение кочевников вовсе не было нашествием недисциплинированной орды, как было принято считать, а глубоко продуманной интервенцией самой совершенной армии того времени Он по принципу Чингис-хана, разделившего свои войска на тумены, разбил свою армию на корпуса, которыми командовали маршалы. По примеру Чингис-хана Наполеон при назначении своих маршалов принимал во

внимание не происхождение и положение в обществе, а способности, талант и храбрость. Маршалы Наполеона напоминают урлуков Чингис-хана, в том числе Субедей-баатура и Джебе-нойона. Но на этом сходства кончаются. Если все урлуки были верны Чингис-хану и Великой Монгольской империи до конца своих дней, то большинство маршалов Наполеона изменило своему императору. И ещё. Если французская армия ешё при жизни Наполеона перестала быть лучшей в мире, то монгольские тумены даже столетие спустя после смерти Чингис-хана не имели равных себе.

В заключение мы хотим привести слова Дж. Дж. Саундерса, который следующим образом подвёл итоги завоевательным походам Бату-хана:

> «Этот невероятный поход, имевший место семь веков тому назад, и по сей день поражает воображение историков Географические масштабы завоеваний, охвативших большую часть Восточной Европы, мастерство руководства и координации действий многочисленных корпусов и подразделений, окружение, преследование и уничтожение врага, осуществляемые с ювелирной точностью, решение проблем обеспечения армии в тех непростых условиях, организация побед на полях неведомой азиатской армии Европы, гений, приведший её к невиданному успеху, — всё это убедительно показывает, что монгольские полководцы были из когорты победителей, мастерами военного искусства, которые редко встречались в прошлом и так же редко встретятся в будущем. И, наверно, не найдётся человека, который не согласится с этим»[185].

Почему Бату-хан повернул назад?

Монгольские войска оккупировали Польшу, Венгрию, Моравию, Словакию, Далмацию, Хорватию, Силезию и другие страны и угрожали вторжением в Германию, Италию. Австрию и даже во Францию, когда Бату-хана достигло известие о кончине Угедей-хана. Монгольские кони, победоносно прошедшие по всей Евразии, достигли Адриатического моря. Никто не мог поверить этому: страшные степняки, варвары, вышедшие из сердца Азии, прошли с боем тысячи километров, чтобы уничтожить более высокую цивилизацию и заставить встречные народы преклонить колена перед священным девятихвостым знаменем. Дикий ужас охватил всю Европу. В хронике монастыря св. Пантелеона г. Кёльна читаем:

> «Значительный страх перед этим варварским народом охватил отдалённые страны, не только Францию, но и Бургундию и Испанию, которым имя татар было дотоле неизвестно»[186].

Участник Легницкой битвы Понсе д'Обон в донесении своему королю писал:

> «/…/ Они опустошили всю Венгерскую землю и Богемскую: после чего они разделились на три отряда, из коих один находится в Венгрии, другой в Богемии, а третий в Австрии. /…/ И мы опасаемся, как бы то же не случилось в немецких землях. И знайте, что король Венгерский, король Богемский и два сына герцога Полонии и патриарх Аквилем с великим множеством людей не осмелились атаковать даже один из их трёх отрядов»[187].

Что и говорить о других, если так писал очевидец событий, великий магистр рыцарского ордена.

Хронист Матье Парижский отмечает, что

> «жители Готланда и Фрисланда, боясь их [монголов] нападений, не приплыли, как обычно это делали, в Ярмут в Англии, где загружались их суда во время рыбно-селедочной продажи: и из-за этого сельдь 8 том году не имела цены, поскольку её было множество»[188].

В Германии же получила широкое распространение более чем

странная молитва: «Боже! Спаси нас от татарской ярости!»[189]. Балканские народы принимали монголов за посланников преисподней, так как считали, что название «татар» и есть греческое слово «тартар», т. е. ад.

Ещё задолго до официального обращения короля Белы западные монархи получили просьбы о помощи из Польши и Богемии. Граф Лорэна писал герцогу Брабанта о печали, охватившей Польшу в связи с нашествием диких азиатов. Герцог Брабантский написал епископу парижскому, а архиепископ Кёльнский — королю Англии. Епископ Парижский счёл своим долгом известить об этом королеву Бланш, мать Людовика IX, о содержании письма. Королева Бланш обратилась к своему царственному сыну и осведомилась о его намерениях в случае монгольского вторжения, которое казалось неминуемым. Король, не зря прозванный Святым, ответил с присущим ему религиозным чувством и покорностью судьбе:

> «Мать моя, пусть правит нами покой небесный. И если эти люди, которых мы называем татарами, должны прийти к нам, то или мы закинем их назад в район тартара, откуда они вышли, или же они всех нас отправят на небо.»[190]

Своим ответом французский король дал понять, что он полностью отстранился от дел и доверил себя Богу, Его ответ означал: победим ли мы монголов, или сами будем побеждены, мы всё равно отправимся к богу либо как верующие, либо как мученики. Что и говорить о других странах, если крупнейшее и сильнейшее королевство Европы оказалось просто не в состоянии организовать отпор захватчикам. 70-тысячной армии Бату-хана оказалось достаточным, чтобы покорить Северо-Восточную Русь, на территории которой обитало 6 млн. человек, Южную Русь с 3-миллионным населением и Восточную Европу, где проживало 8 млн, жителей. И этим не исчерпывались все возможности монгольских туменов. Потенциальными жертвами монгольского аркана могли стать Германия, Италия и Франция.

Но в этот самый момент, когда француз и итальянец молился богу в ожидании вторжения, а монгол готовился к новой кампании, Бату-хан принял неожиданное решение. Было приказано возвращаться в половецкие степи, в улус Джучи.

Так почему же Бату-хан приказал повернуть назад?

Походы Бату-хана занимают наиболее почётное место в монгольских завоеваниях. Причина прекращения дальнейшего наступления до сих пор является предметом неутихающих споров. Существуют многочисленные версии, так или иначе

интерпретирующие парадоксальное решение Бату-хана.

В частности, немецкий историк Г. Стракош-Грассманн выдвинул тезис о том, что европейская цивилизация была спасена благодаря мудрой и дальновидной политике германских правителей и мощи их вооружённых сил[191]. Другой немецкий исследователь Б. Шпулер пошёл ещё дальше и прямо утверждает, что немецкие рыцари, которые в сражении при Легнице сумели остановить наступательную мощь монгольской кавалерии, спасли Европу от казалось бы неминуемого бедствия[192]. Мы не будем рассматривать эти заключения, не выдерживающие никакой критики. Достаточно упомянуть то, что первая из этих работ вышла в свет в кайзеровской Германии, когда в её недрах вынашивались хищнические планы развязывания Первой мировой войны и получения «места под солнцем», а вторая — во время наивысшего могущества Третьего рейха. И кайзеровская Германия, и гитлеровская Германия стремились установить своё господство во всём мире. Поэтому и Г. Стракош-Грассманн, и Б. Шпулер были покорными слугами своего времени. Однако винить их не в чем, потому что и в советское время история также писалась по заказу.

Как считают наши, монгольские, историки, героическая борьба народов Руси, Польши, Чехии и Силезии против иноземных агрессоров стала причиной отступления Бату-хана[193]. Они поддакивают своим старшим собратьям — историкам из социалистических стран.

Но самое парадоксальное в другом. Авторы пятитомной «Истории монгольского государства», вышедшей в свет в 2003 г., объясняя причины ухода монгольских войск, почти дословно переписывают «Историю Монгольской Народной Республики». Мы читаем:

> «Народы Польши, Чехии и Венгрии, защищая свои родины, героически сражались с монгольскими завоевателями. Кроме того, набирало силу движение сопротивления русского народа на Руси»[194].

Но довольно об этом, Кроме вышесказанного, бытует мнение, что восстание булгар и половцев, вспыхнувшее в то время, когда монгольские войска воевали в Южной Руси и Восточной Европе, было одной из причин, повлиявшей на решение Бату-хана о возвращении[195]. Восставшими булгарами руководили Боян и Джику, половцами — Бачман, а аланами — Качир-Укуле Младший брат Мунке-хана Буджек долго воевал с восставшими, прежде чем разбил войско Бачмана на одном из островков Волги, а самого его захватил в плен и предал казни.

Существуют историки (в частности, В. П. Шушарин[196]), считающие кампанию Бату-хана в Восточной и Центральной Европе лишь своеобразной разведкой наподобие знаменитого рейда Субедей-баатура и Джебе-нойона. Свою версию он объясняет тем обстоятельством, что монголы перед завоеванием, совершают разведывательный поход, чтобы «прощупать» силы врага. Тогда возникает справедливый вопрос: если поход 1237–1242 гг. был разведкой, то что стало собственно завоеванием? Ответ прост: завоевания не состоялось, так как монголы не сумели окончательно покорить Русь. Мы же считаем эту версию несостоятельной. Одиннадцать чингисидов — внуков и потомков Чингис-хана — собрались вместе только для того, чтобы отправиться на разведку боем? Вполне возможно, что каждый из них планировал сесть ханом на завоёванных землях.

Некоторые западные историки склонны считать, что Бату-хан явился в Европу не как завоеватель, но как каратель. Главным же виновником, «призвавшим» монголов из самого сердца Азии, выступал венгерский король Бела IV, принявший под своё покровительство половцев-беженцев и отказавшийся выдать их Бату-хану. Таким образом, с самого начала вторжение монголов было ничем иным, как кратковременным набегом.

Известный монголовед В. В. Бартольд на основании исследования многочисленных персидских и персоязычных источников пришёл к заключению, что на возвращение Бату-хана повлияли следующие два обстоятельства: во-первых, вражда между Бату-ханом и Субедеем, с одной стороны, и Гуюком и Бури, с другой; во-вторых, смерть великого хана Угедея[197].

О том, что конфликт между Бату-ханом и Субедеем достиг критической точки, свидетельствует послание Бату-хана самому императору Угедею:

> «Из кипчакского похода Батый прислал Угедей-хану следующее секретное донесение: „Силою Вечного Неба и величием государя и дяди мы разрушили город Мегет и подчинили твоей праведной власти одиннадцать стран и народов и, собираясь повернуть к дому золотые поводья, порешили устроить прощальный пир. Воздвигнув большой шатёр, мы собрались пировать, и я, как старший среди находившихся здесь царевичей, первый поднял и выпил провозглашённую чару. За это на меня прогневались Бури с Гуюком и, не желая больше оставаться на пиршестве, стали собираться уезжать, причём Бури выразился так: „Как смеет пить чару раньше всех Бату, который лезет равняться с нами?

> Следовало бы протурить пяткой да притоптать ступнею этих бородатых баб, которые лезут равняться!“ А Гуюк говорил: „Давай-ка мы поколем дров на грудях этих баб, вооружённых луками! Задать бы им!“ ‹…› Что же касается нас, то мы стали приводить им всякие доводы об общем нашем деле среди чужих и враждебных народов, но так все и разошлись непримирённые под влиянием подобных речей Бури с Гуюком Об изложенном докладываю на усмотрение государя и дяди“»[198].

Неудивителен поступок недальновидного Гуюка, который, как сын и наследник великого хана, считал себя первым лицом в походе. Кроме того, он был старше Батыя на три года, и даже такой фактор имеет для амбициозного человека не последнее значение.

Этот конфликт между Бату и Бури не может не вызывать интерес в силу того, что является как бы продолжением многолетней вражды, преследовавшей всю жизнь их отцов — Джучи и Цагадая.

Английский историк Дж. Дж. Саундерс приводит три причины: во-первых, с каждым днём монголы отдалялись от своего тыла, вследствие чего снабжение и коммуникации были сильно нарушены; во-вторых, Гуюк и Бури вступили в открытый конфликт с Бату-ханом и, отказавшись воевать под его началом, возвратились в Монголию и в-третьих, со смертью Угедея Гуюк становился наследником престола; избрание его великим ханом могло обернуться для Бату-хана серьёзными осложнениями, так как в этом случае он имел бы дело со всей монгольской империей[199].

Две последние причины так или иначе указываются почти всеми историками. Что касается коммуникаций, растянутых на многие тысячи километров, то монголы умели воевать и одерживать победы и в более трудных условиях. К тому же перед вторжением в Восточную Европу Бату-хан договорился с некоторыми южнорусскими князьями о поставке лошадей и продовольствия, поэтому вряд ли испытывал большие затруднения со снабжением.

Г. В. Вернадский так выразил свою оригинальную точку зрения:

> «Причина этого шага была чисто политической: Бату хотел повлиять на выбор нового великого хана, в особенности потому, что сам считался потенциальным кандидатом. Более того, в ходе венгерской кампании он поссорился с сыном Угедея Гуюком и внуком Цагадая

Бури, которые оба вернулись в глубоком возмущении в Монголию. По жалобе Бату Угедей сделал суровый выговор обоим князьям Теперь, после смерти Угедея, можно было ожидать, что они будут мстить, интригуя против Бату Бату был, очевидно, обеспокоен: борьба за власть в монгольской политике казалась ему более важной, нежели завоевание Европы.

Угедею должно было быть пятьдесят один год ко времени его смерти… Можно сомневаться, однако, что он умер естественной смертью.

Согласно Иоанну [Джованни] де Плано Карпини, он был отравлен „тёткой“ его сына Гуюка. Кем бы ни была эта женщина, её следует рассматривать как спасительницу Западной Европы»[200].

Г. В. Вернадский прямо и недвусмысленно указывает на то, что если бы не смерть императора Угедея, то монголы оккупировали всю Западную Европу.

Полностью согласен с Г. В. Вернадским и немецкий историк украинского происхождения Михаэль Правдин. В своём труде «Чингис-хан и его наследие», изданном в Германии в 1937 г., он также прямо указывает, что кончина монгольского императора и стала причиной возвращения Бату-хана:

> «Бату-хан хотел продолжать войну, но Субедей-баатур напомнил ему, что каждый монгол должен беспрекословно следовать великому закону Ясе и каждый чингисид, где бы ни он был, должен вернуться на родину и принять участие в курултае для выбора нового императора»[201].

Датский историк Д. де Хартог пишет:

> «Весть о смерти Угедей-хана имела важное значение и приостановила дальнейшее наступление монгольских войск на Западе. Чингисиды, находившиеся в то время в Европе, были заинтересованы в участии в великом курултае для выбора нового императора. В особенности, у Бату … были веские причины для возвращения в Монголию»[202],

и указывает на вражду Бату-хана с Гуюком и Бури. Далее он пишет:

> «Если монголы попытались достичь берегов

Атлантического океана, они сумели бы добиться этого. Никакая европейская армия не могла противостоять доблестной монгольской коннице»[203].

Однако русско-советские историки принимают в штыки эту версию (смерть Угедея как причина прекращения военных действий) и настаивают на том, что героическая борьба русского народа нанесла непоправимый удар наступательному и завоевательному потенциалу монгольских туменов, что, в конечном итоге, обернулось спасением всего европейского континента и европейской цивилизации. Согласно их точке зрения, смерть Угедея являлась лишь благоприятным предлогом для возвращения в Джучиев улус. Неудивительно, что эта версия прочно обосновалась в трудах целого поколения исследователей[204] в эпоху, когда историю писали в соответствии с партийными тезисами.

Интересно, что некоторые монгольские историки под влиянием вышеупомянутой идеологии вторят советским историкам. В их трудах также присутствует мысль о том, что героическое сопротивление русского народа явилось решающим фактором, положившим конец завоевательным походам хана Батыя[205].

Послушаем мнения русских просветителей и историков.

Великий русский поэт А. С. Пушкин с вдохновением писал:

> «России определено было высокое предназначение. Её необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили нашествие на самом краю Европы: варвары не осмелились оставить у себя в тылу порабощённую Русь и возвратились в степи своего Востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной Россией»[206].

Выдающийся публицист Н. Г. Чернышевский вторит ему:

> «Нет, не завоевателями и грабителями выступали в истории политической русские, а спасителями, спасителями от ига монгольского, которое они сдержали на мошной вые своей, не допустив его до Европы, быв ей стеной, которую наполовину было разбили враги»[207].

Учёный, исследователь В. Т. Пашуто пишет:

> «/…/ В то время, когда Батый вёл свою рать на Европу, в разных частях Монгольской империи

разгоралась освободительная борьба завоёванных, но не покорённых народов нашей страны. Эта борьба предопределила провал монгольского похода в глубь Европы. /…/ Народы нашей страны, народы Восточной и Центральной Европы, отстаивая в суровую пору нашествия свои очаги, спасли Вену и Париж, Лондон и Рим, города и культуру многих стран от разорения. В этом их великая заслуга перед историей человечества»[208].

Он отмечает, что кончина великого хана Угедея стала для Бату-хана лишь удобным поводом для отступления и вопрошает:

> «Авторов, готовых в смерти Угедея видеть главную причину неуспеха европейского похода, можно спросить, почему же хан Хулагу, которого это известие[209] застало под Алеппо и Дамаском, не оттянул своих войск, а уехал лишь сам, передав командование Кет-Буге?»[210].

Действительно, стоит задуматься. Почему же хан Хулагу уехал на родину лишь сам, а Бату-хан повернул назад со всем своим войском? Парадоксально, но на этот вопрос могли дать ответ только они сами — Бату-хан и Хулагу-хан. История человечества полна таких открытых вопросов, на которые никто не может дать ответ. Также нужно принимать в расчёт то, что одно событие происходило в 1242 г., а другое имело место в 1259 г. К тому же нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что при Бату находились около десяти чингисидов, а при Хулагу — ни одного, если не считать его самого.

На вопрос советского историка можно ответить вопросом: А что сделал бы Бату-хан, если бы великий хан Угедей жил и царствовал? Воевал бы в Европе до тех пор, пока не скончался? Или нашёл другой повод?

Мы не отрицаем того, что в доводах русских и советских историков есть доля истины. Сопротивление русских и европейцев, естественно, не могло не сказаться на силе и мощи монгольской армии. Однако, осмелимся заметить, что и русские, и европейцы сражались вовсе не за спасение европейской цивилизации, не за Вену и Париж, Лондон и Рим, а только за самих себя, за собственное отечество. *И это не их вина, это их долг* (Курсив мой. — *Ред.)*.

У Л. Н. Гумилёва, естественно, самобытное и нестандартное мнение:

> «Итоги похода оказались очень благоприятными для

монголов, и дальнейшая война не имела для них никакого смысла. Безопасность своей западной границы монголы обеспечили, ибо ни чехи, ни поляки, ни венгры не могли достичь Монголии: для этого у них не было ни желания, ни возможностей. Исконные враги Монгольского улуса — половцы — тоже не могли ему угрожать: они были загнаны в Венгрию, и их судьба оказалась печальной»[211].

Я. Халбай пришёл к не менее оригинальному выводу. Он указывает на то, что лишь бедность и отсталость европейских стран спасла их от монгольского завоевания. Кочевники, покорившие Среднюю Азию, Китай, Русь и другие передовые цивилизации, были поражены убогим состоянием Европы, завоевание которой не сулило им богатой добычи. Охарактеризовав добровольный отказ (сразу после завоевания) от обширных земель в Центральной Европе как беспрецедентный случай в истории, Я. Халбай восклицает: «Какая нищета и убожество царили в этих странах, если от них отказался великий степняк-скотовод?»[212]. Я. Халбай не исключает и того, что между монгольским императором и Папой римским могла быть достигнута некая договорённость о разделе сфер влияния. Хотя мы не обладаем документами и фактами, подтверждающими эту гипотезу, нам будет небезынтересно выслушать и её:

«/…/ С 1095 по 1272 гг. Европа совершила 8 крестовых походов против арабов, во время которых крестоносцы грабили не меньше, чем монголы. Шестой поход начался в 1227 г. и завершился захватом Иерусалима у мусульман. Однако в 1244 г. этот город снова перешёл в руки арабов. Поэтому седьмой крестовый поход обязательно должен был последовать в Сирию. Но этого не произошло. Почему?

В 1247 г. вернулся из Монголии /…/ П. Карпини. Что он привёз, кроме официального письма монгольского императора? Но факт остаётся фактом: седьмой и восьмой крестовые походы /…/ состоялись не в Иерусалим, а в Египет и Тунис. Ответ прост: в 1252 г. в Средней Азии появился хан Хулагу, /…/ в 1259 г. он завоевал Сирию (главного врага крестоносцев) и монголы вышли к Средиземному морю. /…/

Следовательно, вполне правдоподобна гипотеза: Папа римский уступил монголам оставшийся после Хорезма мусульманский мир, который в те времена был заметно богаче Западной Европы.»[213]

Ж. Бор, напротив, считает, что тайное соглашение было заключено не с Папой, а с германским императором[214]. Именно это своеобразное союзническое обязательство развязало руки Фридриху, который после этого, летом 1242 г., начат поход на Священный город — Рим.

Да, объяснить причину возвращения Бату-хана одним-двумя факторами невозможно. Мы должны рассмотреть причины, побудившие Бату-хана прекратить свой поход, во всем их комплексе и многообразии.

Несмотря на ограниченность людскими ресурсами, у Бату-хана было достаточно потенциала и наличных сил, чтобы продолжить военные действия, победоносно пройти по итальянским и немецким землям и достичь Рима и Парижа. Вряд ли итальянские герцогства были в состоянии противопоставить монголам какую-либо силу, а французский король или император Священной Римской империи — собрать более многочисленную и боеспособную армию, нежели Генрих или Бела. Нетрудно вспомнить, что половины монгольской армии было более чем достаточно, чтобы сокрушить вооружённые силы целого королевства. А что, если бы он собрал все свои наличные силы в один кулак? Устояли бы Рим и Париж?

Но Бату-хан был вынужден отказаться от этих планов в силу следующих причин:

Прежде всего, Бату-хан имел достаточно сил, чтобы достичь Парижа, но этих сил было не достаточно для его удержания. Бату-хан отдавал себе отчёт в этом. Да и Субедей-баатур понимал это. Поэтому для Бату-хана было важным не оккупация новых земель, а удержание уже завоёванных территорий.

Дальнейшее продолжение войны не имело выгоды и пользы для монголов. Издержки по содержанию целой армии, несмотря на грабежи, потери в личном составе подразделений, несмотря на пополнения, не оправдывались В таком случае война, служившая для кочевника главным источником жизни, теряла свой смысл.

Бату-хан не мог оставить без внимания тот факт, что после смерти Угедея наибольшие шансы занять императорский престол имел его ярый враг Гуюк, что и случилось в 1246 г. Бату-хан опасался враждебных действий со стороны новоявленного императора. (Это подтверждается тем, что в 1248 г. великий хан Гуюк начал войну против Бату-хана, но на полдороге скончался на 43-м году жизни: возможно, он был отравлен.) В ожидании удара из Каракорума Бату-хан принял решение оставить Европу и заняться своим собственным государством — улусом Джучи, границы которого он значительно раздвинул. Для Бату-хана было жизненно важно подготовить свой улус к возможной войне с

самой Монгольской Империей.

Значение и последствия завоевательных походов Бату-хана

Было время, когда всё, что имело отношение к монголам и тем более монгольским завоеваниям, подвергалось всяческим нападкам, не говоря уже о тенденциозной и предвзятой критике. В качестве одного из наглядных примеров приведу слова французского историка XVII в. Ж. де Гиня:

> «Этот народ [монголы — Ч.Ч.], не имеющий никакой культуры, известный своей дикостью, отсталостью и варварством, только и для того нападает на другие страны, чтобы хищнически прибрать к своим рукам их богатства, поработить жителей и навязать им свои примитивные отношения».

К сожалению, у историка XVII в. оказалось немало приверженцев и учеников, слепо последовавших в своих умозаключениях за ним. Таковые, как ни парадоксально, имеются в избытке и в настоящее время. Не только советские исследователи, но и наши, монгольские, историки выбрали чёрный цвет при освещении национальной истории, правда, следуя тезисам партии. Мы не собираемся ставить им это в вину; это знак времени.

Однако, к счастью, теперь мы имеем полное право писать свою историю без каких-либо указов свыше и ограничений. Тем более, что монгольские завоевания XIII в., в том числе Великий западный поход Бату-хана, являются самой яркой страницей в истории Монголии, не в силу множества покорённых народов и завоёванных земель, а именно в силу деяний, выходящих за рамки человеческих возможностей.

В России до сих преобладает радикально негативное отношение к походу Бату-хана, прямым следствием которого стало так называемое монголо-татарское иго. Советские, русские историки единогласно утверждают, что социально-экономическая отсталость России по сравнению с западноевропейскими странами вызвана в первую очередь монгольским нашествием.

В частности, Т. С. Георгиева в своей «Истории русской культуры» лаконично отмечает:

> «Монголо-татарское нашествие и века татарского ига (1238–1480) затормозили развитие русской культуры почти повсюду /…/ Сильно пришлось пострадать

русским людям за это время /…/ Нельзя не признать тот факт, что после монголо-татарского нашествия каких-либо серьёзных достижений в области материальной и духовной культуры XIII в. до наших дней не сохранилось»[215].

Резюмируя последствия монгольского нашествия, В. В. Каргалов пишет:

«Батыев погром 1237–1240 гг. сопровождался массовым разрушением русских городов. Везде, где проходили полчища монголо-татар, на месте некогда цветущих городских центров оставались развалины, жители массами избивались или уводились в плен /…/ Монголо-татарское нашествие нанесло тяжёлый удар самой основе городской культуры — ремесленному производству /…/ После Батыева погрома надолго исчезают сложные ремесла Возрождение их началось только спустя 150–200 лет /…/ Не менее тяжёлый урон нанесли завоеватели и русской деревне, сельским местностям Руси, где жило подавляющее большинство населения страны /…/ Ущерб, нанесённый народному хозяйству Руси монголо-татарскими завоевателями, не ограничивался опустошениями и грабежами во время многочисленных ордынских „ратей“. После установления ига огромные ценности уходили из страны в виде разнообразных „даней“ и „запросов“, что подрывало и без того ослабленную экономику Руси /…/ Монголо-татарское завоевание привело к значительному ухудшению международного положения русских княжеств, Древние культурные и торговые связи Руси с соседними народами были насильно разорваны /…/ Монголо-татарское нашествие XIII в. нанесло тяжёлый удар культуре древней Руси. В огне монголо-татарских погромов погибли многие драгоценные памятники литературы и письменности /…/ А когда рассыпалась паразитическая Золотая Орда, оказалось, что завоеватели фактически не оставили следа в русской культуре. Ни о каком „культурном наследии“ монголо-татарских завоевателей для Руси не может быть и речи.

Какие последствия имело монголо-татарское нашествие XIII в. для экономического и политического развития Руси? Какую роль сыграли завоеватели в истории русского народа? Советская историческая наука даёт точный ответ на эти вопросы Монголо-татарское

нашествие и последовавшее за ним длительное иноземное иго нанесли колоссальный ущерб производительным силам нашей страны, надолго задержали её развитие во всех областях экономической, политической и культурной /…/ Завоевательные походы монголо-татарских феодалов не принесли человечеству ничего, кроме неисчислимых жертв, разрушений, гибели материальных и культурных ценностей»[216].

Такое отношение к последствиям монгольского вторжения характерно для российских историков.

Одну из первых объективных оценок завоеваниям Чингис-хана и его преемников дал евразиец Н. С. Трубецкой Он в своей книге «Наследие Чингисхана» отмечает: «Чннгис-хан был носителем большой и положительной идеи и в деятельности его стремление к созиданию и организации преобладало над стремлением к разрушению»[217], попутно заметив, что на возникновение и формирование российской государственности оказала непосредственное влияние монгольская государственность.

Китайские историки, единодушно утверждавшие, что монгольское владычество в Китае было периодом иноземного ига и эксплуатации китайского народа монгольскими феодалами, с 1961 г. начали пересматривать свои взгляды на монгольские завоевания. В результате всё более участившихся требований о необходимости переоценки негативного отношения к монгольскому владычеству в Китае историки пришли к трём основным выводам. *Во-первых,* эпоха правления монгольской династии Юань стала «периодом великого объединения Китая», которое стало возможным лишь благодаря завоеванию Китая монголами. *Во-вторых,* монгольское господство в Срединной империи ознаменовалось расширением связей между Китаем и европейскими странами. *В-третьих,* объединение Китая под девятихвостым знаменем повлекло за собой развитие экономики, культуры, торговли, ремесла и транспорта[218].

Приведём некоторые примеры. «Чингис-хан смял границы на пути связей между Востоком и Западом, сравнял с землёй крепости и бастионы, которые препятствовали экономическим и культурным отношениям, и после этого взаимные связи Востока и Запада начали процветать». Чингис-хана китайские историки возвеличивают не только как историческое лицо, сыгравшее исключительную роль в консолидации монгольских племён, но и как объединителя Китая:

«Если смотреть с точки зрения длительного периода,

то роль объединителя окажется продолжительнее и важнее, а разрушения — временными и второстепенными. Ценой разрушений было объединение»[219].

Выводы китайских историков о значении монгольского завоевания можно перенести и на Русь. Действительно, Батыево нашествие принесло с собой разрушения и гибель, а само понятие «монголо-татарское иго» вызывает у русских одно отвращение и злость Однако как обстояли дела на Руси до прихода монголов? Русь, раздробленная на множество княжеств, находившихся в непрестанной и антагонистической вражде между собой, тоже являлась ареной кровопролития и войн. Неуёмные амбиции властителей выражались в бесчисленных войнах, которые уносили жизнь тысяч и тысяч людей. Пылали города, разрушались памятники искусства и культуры Существуют даже мнения, что поход Бату-хана по масштабам своего разрушения ничуть не превосходил масштабы междоусобных войн русских князей[220].

Хотя история не знает сослагательного наклонения, мы всё-таки хотим поставить такой вопрос: Когда стало бы возможным объединение Руси, если бы монгольская экспансия прошла стороной? Ценой каких потерь, ценой жизни скольких сотен тысяч и даже миллионов человек стало бы возможным объединение русских земель? Прогресс требует жертв. И народ ради прогресса жертвует самым ценным и дорогим, что у него есть. Это закон вселенной, который придумали не мы.

А теперь вернёмся к завоеваниям Бату-хана.

> «Подобно чуме и голоду, монголы были, по сути, мотором уничтожения; и если это и болезненная, угнетающая при чтении история, она всё же необходима, при условии нашего желания понять великий путь человеческого прогресса… У меня нет сомнений… что искусство печати, морской компас, огнестрельное оружие и многие детали социальной жизни были не открытием Европы, а импортированы при посредстве монгольского влияния с дальнего Востока»[221],

— писал английский историк, сэр Генри Ховорт в своей «Истории монголов».

Ему вторит бурятский исследователь Я. Халбай:

> «Создание необъятной империи монголов положило конец двухсотлетней вражде крестоносцев и мусульман,

способствовало появлению в Китае христианских миссионеров и более широкому распространению буддизма и ислама… Во всей Великой Монгольской империи действовал Ясак, т. е. жизнь основывалась и управлялась законами гениального Чингисхана… По этой причине в необъятной империи царил идеальный порядок. Каждый подданный чётко знал своё место. Почти не было воровства, краж, прелюбодеяния, пьянства и т. п. Только при монголах уровень преступности был минимальным почти на всей территории Евразии. Это — уникальное достижение монголов»[222].

«Что происходило бы, если бы не было Чингисхана, никто не знает.

А произошло то, что мир под властью монголов, так же как когда-то под властью римских императоров, дал возможность цивилизации сделать качественный скачок. Происходило перемещение народов или, точнее, тех, кто выжил, мусульманская наука и ремесло продвинулись далеко на Дальний Восток, мастерство китайцев и их искусство администрирования были завезены на Запад. В разорённых мусульманских регионах учёные и архитекторы переживали если не золотой, то серебряный век под монгольскими ильханами. А в Китае XIII в. был отмечен расцветом литературы, особенно драматургии, триумфальное шествие которой приходится на период династии Юань»[223].

Автор данной книги придерживается одного мнения с вышеупомянутыми исследователями и, более того, считает, что жизнь не прекратилась на необъятной территории, завоёванной бесстрашными и железными туменами монгольской кавалерии — она забурлила пуще прежнего.

Значительно участился обмен интеллектуальными и духовными ценностями. Научно-технические открытия и достижения, новые, передовые мысли и идеи становились достоянием всех народов, объединённых под священным знаменем Великого Потрясателя Вселенной. Всё это экспортировалось из одного конца Евразии в другой. Учёные мужья, исследователи, мастера, скотоводы, земледельцы, военные деятели, умельцы и прочий люд раскрывали секреты своих предков, которые бережно и с благоговением хранились несколькими поколениями за семью печатями и учились друг у друга, всё более и более совершенствуя эти методы и технологии.

Человечество перестало быть обособленными и чуждыми друг другу этносами, для которых язык, обычаи, верования и т. п. являлись поводом для бесконечных войн. Самое парадоксальное стало то, что человечество впервые со времён Римской империи осознало, что оно живёт под одной единственной крышей и что иного выбора нет. На бескрайней территории Монгольского ханства, где всё свершалось согласно воле Чингис-хана и его гениальному наследию — Великой Ясе, прототипу Гражданского кодекса Наполеона, — царил мир и порядок. И это стало предвестником феноменального процесса, начавшегося несколько столетий спустя, — глобализации.

Все научно-технические достижения Срединной империи, которая к тому времени являлась флагманом мировой культуры, стали достоянием всего человечества благодаря тому, что монголы стёрли границы между народами и государствами. Хотя ещё в X в. арабы познакомили европейцев с бумагой, её употребление в Старом Свете было чрезвычайно ограниченным. Однако за тот год, который провёл Бату-хан в Европе, жители Европы научились у азиатов всем премудростям производства и использования бумаги, что отразилось в создании первого европейского бумажного завода в Майнце в 1320 г. Именно в этом городе в 1450 г. мастер златых дел Иоганн Гутенберг создал первый книгопечатный станок, что единогласно признаётся изобретением, которое оказало самое существенное влияние на всю последующую историю человечества. Если бы передовая мысль Азиатского континента — одной из колыбелей мировой цивилизации — в результате великого похода не попала в благодатную почву Европы, когда стало бы возможным гениальное изобретение Гутенберга?

Говоря о последствиях похода Бату-хана, нельзя не упомянуть о компасе и порохе. Без компаса трудно представить Великие географические открытия, а без пороха — огнестрельное оружие. Великие географические открытия и огнестрельное оружие — вот локомотив, который превратил Европу в хозяина Вселенной. Начиная с конца XV и начала XVI вв… Европа безвозвратно вступила на путь бурного развития, одним из последствий которого стало превращение остальных континентов в поставщиков сырья. Невольно напрашивается некая аналогия между монгольскими завоеваниями и возвышением Европы.

Сравним, что принесло монгольское нашествие народам Руси и Европы. Только слёзы, горе и смерть? Завоевания монголов, так же как и экспансии египтян, ассирийцев, персов, римлян, арабов и турков-османов, стали причиной смерти и гибели тысяч и тысяч людей и разрушения городов и населённых пунктов. Однако

только на развалинах уничтоженной и искоренённой цивилизации возможно рождение новой, более передовой и прогрессивной. Дикий зверь, вышедший на тропу охоты, в большинстве случаев настигает наиболее обессиленную, иначе говоря, больше других утратившую шансы для выживания жертву. Это способствует выживанию биологических видов и эволюции. Подобно дикому зверю, монголы уничтожали одряхлевшие цивилизации (в часности, в Китае, Средней Азии, на Руси), с тем, чтобы на их обломках возникли новые, более прогрессивные и передовые цивилизации.

Две великие нации — русские и китайцы, которые в XIII в. Находились в фазе постепенного вымирания, благодаря именно тому, что были заряжены монгольской кровью, сумели через век-другой не только выйти из кризиса, но и прочно встать на путь развития. Это и есть то влияние, которое оказало монгольское нашествие на генофонд покоренных народов, в частности, россиян Именно вследствие похода Бату-хана на Руси появились Аксаковы, Алябьевы, Апраксины, Аракчеевы, Арсеньевы, Ахматовы, Бабичевы, Балашовы, Барановы, Басмановы, Батурины, Бекетовы, Бердяевы, Бибиковы, Бильбасовы, Бичурины, Боборыкины, Булгаковы, Бунины, Бурцевы, Бутурлины, Бухарины. Вельяминовы. Гоголи, Годуновы, Горчаковы. Горшковы, Державины, Епанчины, Ермолаевы, Измайловы. Кантемировы, Карамазовы, Карамзины, Киреевские. Корсаковы, Кочубеи. Кропоткины, Куракины, Курбатовы. Милюковы, Мичурины, Рахманиновы, Реутовы, Салтыковы. Строгановы. Таганцевы, Талызины, Танеевы, Татищевы, Тимашевы, Тимирязевы, Третьяковы. Тургеневы. Турчаниновы. Тютчевы. Уваровы, Урусовы, Ушаковы, Ханыковы, Чаадаевы, Шаховские. Шишковы и многие другие.

К сожалению, монгольский народ, вливший в россиян и китайцев свежую, креативную кровь, начиная с XIV в., сам вошел в длительный период глубокой национальной депрессии и застоя.

Не будь монгольских завоеваний, на географической карте могли не возникнуть такие супердержавы, как Российская Федерация и Китайская Народная Республика. Заслуга монгольской экспансии состоит в том, что силой оружия и духа были объединены россияне и китайцы, почти утратившие черты единой нации в результате многовековых распрей и усобиц, которые тем самым постигли сущность и ценность национального единства.

В заключение хочу заметить, что монгольские завоевания имели негативное последствие, как ни парадоксально, только для самих монголов. Как правило, во время завоевательных походов

самые храбрые, самые сильные, самые талантливые представители нации отправляются на чужбину искать своё счастье. Поэтому в XIII в. весь цвет монгольского народа отправился в Китай. Хорезм, Персию, Европу, на Кавказ и Русь и осел на завоёванных землях, а на родине остались те, которые не годились для несения военной службы, а также отщепенцы общества. Следствием этого явилось то, что к XVII в. Потомки монголов, некогда потрясавших вселенную, впали в глубокий кризис. И этот кризис в той или мере продолжается до сих пор.

Вместо послесловия

15 лет назад, впервые прочитав знаменитую трилогию советского писателя В. Г. Яна «Чингис-хан», «Батый» и «К последнему морю», я почувствовал эмоциональный прилив, чувство национальной гордости и решил по мере своих скромных возможностей изучить исторические работы и монографии по этой теме. Летние каникулы я провёл в Центральной государственной библиотеке, с жадностью прочитывая всё, что имело отношение к монгольским завоеваниям, в особенности, к походам Бату-хана и делал необходимые заметки. Помню, что даже написал письмо в СССР, в издательство «Художественная литература», интересуясь, существовал ли на самом деле некто Хаджи Рахим и если да, то где можно найти его «Путевую книгу».

Через два года, также во время летних каникул, я, ещё подросток, решился написать собственное произведение — «Завоевательные походы Бату-хана». Был набросан черновой вариант.

И вот, спустя 13 лет, опять-таки во время летних каникул, я нахожу тот самый черновой вариант и, просмотрев его, решаюсь во что бы ни то стало «превратить» черновик в нечто, заслуживающее внимания. Перед этим я выпустил несколько работ по журналистике и, можно сказать, что у меня накопился некоторый опыт.

С того времени, как у меня впервые родилась эта дерзкая идея, прошло 15 лет. Но главное не в этом. Самое главное — это смена формации. Многое подверглось изменениям за этот, безусловно, короткий срок: вышло множество исследовательских работ о монголах XIII в., канула в Лету идеология, плюрализм и гласность стали достоянием всех. Благодаря демократической революции впервые стало возможным объективное отношение к Чингис-хану и его времени. Ведь в эпоху идеологической историографии сквозь сито цензуры «проходило» только такое произведение, которое изрыгало всяческую хулу на Чингис-хана и его потомков.

Сразу хочу отметить, что я не историк по образованию, поэтому я не исключаю того, что труд может быть несовершенен. Мои выводы могут быть предвзятыми (вопреки моим желаниям), в некоторых местах эмоции могут превалировать над здравым смыслом Пусть тогда Мудрый Читатель простит мне эту слабость и не придаст этому большого значения. Ведь каждый имеет право на собственное мнение.

Автор этих строк был бы бесконечно счастлив, если Мудрый

Читатель направит свои рецензии насчёт этого произведения по следующему адресу: choisambaCQ'vahoo.com. Уверяю, что всё это найдет отражение в следующем издании в той или мере и будет сделана необходимая корректировка.

В заключение хочу выразить свою сердечную благодарность редакторам книги — академику, доктору исторических наук Ж. Болдбаатару и магистру права Ж. Энхбаяру, зарядившим меня и давшим ценные замечания, а также моим друзьям — Ц. Эрдэнэбату и В. Буянмунху, которые оказали помощь в подготовке этого издания, и Б. Барсболду, сделавшему перевод необходимых материалов с польского языка.

25 сентября 2003 г.

Хронология

1207

Войско Джучи-хана покоряет народности, обитавшие в бассейне рек Сэлэнгэ и Енисей.

1216

Половцы дают приют меркитам — заклятым врагам Чингис-хана.

1220–1224

Великий поход Субедей-баатура, Джебе-нойона и Тохучар-нойона.

1223, 31 мая

В битва на реке Калке тумены Субедея, Джебе и Тохучара сокрушают объединённую русско-половецкую рать.

1229

На великом курултае принято решение о завоевании половцев, волжских булгар, русских княжеств и европейских стран.

1229–1232

Военные операции монгольских корпусов против саксинов, половцев, булгар и башкир, обитавших в прикаспийских степях и бассейне Волги.

1235

Великий курултай, собравшийся на берегу реки Онон, принимает решение осуществить покорение русских княжеств и европейских стран объединёнными силами монгольских ханов.

1235–1236, зима

Монгольское войско, сконцентрированное в верховьях реки Иртыш и на северо-западном Алтае, готовится к великому походу.

1236, начало весны

Войско Бату-хана выступает в путь. Начинается первый великий поход.

1236, осень

Шейбани-хан, командующий западным крылом монгольских войск, вторгается в пределы булгарского ханства.

1237, весна

Приволжская Булгария попадает под власть монголов

1237, лето-осень

Войска Бату, Орду, Берке, Бури и Кюлькана покоряют буртасов, мокша, мордва и черкесов, обитавших в среднем бассейне Оки и Волги.

1237, начало зимы

Бату-хан выступает с войском из района современного

Воронежа в северо-восточном направлении.

1237, декабрь

Монгольские войска предают огню Пронск, Ижеславец, Белгород и Борисов-Глебов.

1237,16 декабря

Авангард монгольской армии начинает осаду Рязани.

1237, 21 декабря

Монголы берут штурмом Рязань.

1238,1 января

Монгольское войско выступает из Рязани и двигается на восток, к крепости Коломне.

1238, приблизительно 10 января

В битве при Коломне монгольское войско наносит сокрушительное поражение русской армии.

1238, 20 января

Войско Бату-хана захватывает Москву.

1238,3 февраля

Войско Бату-хана начинает осаду стольного града Владимира.

1238,5 февраля

Суздаль попадает в руки монголов.

1238, 7 февраля

Падение Владимира.

1238, февраль

Под власть монголов попадают 14 русских городов: Углич, Тверь, Дмитров, Городец, Кашин, Юрьев, Кснятин, Ярославль, Кострома, Торжок, Ростов, Волок-Ламский, Галич-Мерьский и Переяславль-Залесский.

1238, 4 марта

В сражении на реке Сити монгольское войско под командованием темника Бурундая наносит поражение русской армии великого князя владимирского Юрия.

1238, 5 марта

Взятие Торжка.

1238, середина марта

Монголы из-за оттепели не доходят до Новгорода всего 100 км и начинают обратный путь из урочища Игнач Крест.

1238, апрель

Козельск попадает в руки монгольских войск.

Завершение первого великого похода.

1238, осень

Войска Мунке-хана и Хадана выступают из Кубани, приводят к покорности черкесов и ликвидируют их предводителя Тукара.

Войска Берке подавляют восстание половцев и захватывают в плен их предводителей Аржумана, Куранбаса и Капарана

(Канерина).

1238

Войска Шейбани, Буджека и Бури покоряют половцев, обитавших в бассейне Днепра и Дона.

1239, начало

Монголы снова двигаются на Русь. Второй великий поход начинается.

Войска Гуюка, Мунке, Хадана и Бури подавляют восстание мордовцев и громят Муром, Гороховец и Нижний Новгород.

Повторный разгром Рязани.

1239, конец зимы-начало весны

Вторжение войск Бату-хана в пределы южнорусских княжеств.

1239,3 марта

Монголы захватывают Переяславль.

1239,18 октября

Чернигов попадает под власть монголов.

1239, конец октября

Монголы штурмом берут города-крепости Путивль, Глухов, Вырь, Рыльск и др.

Монголы нападают на Крым и Кавказ.

1239, осень

Монгольские войска наносят жестокое поражение остаткам половцев и вторгаются на Крымский полуостров.

1240, начало

Войско Мунке-хана появляется под стенами Киева.

1240, весна

Войска Мунке-хана и Гуюк-хана двигаются по западному побережью Каспийского моря и берут Дербент.

Другое подразделение монгольских войск в очередной раз вторгается в Булгарию и усмиряет местных жителей.

1240, весна

Монголы предают огню бассейн Роси и Россавы и захватывают Витичев, Василев и Белгород.

1240, 28 ноября

Тумены Бату, Орду, Байдара, Бури, Гуюка, Хадана, Бурундая и Субедея осаждают Киев.

1240, 6 декабря

Падение «Матери городов русских».

1240, декабрь

Бату-хан разделяет свою армию на тумены, которые опустошают Южную Русь.

Под власть монголов попадают Райковец, Колодяжин, Каменец, Изяславль, Владимир-Волынский, Галич, Ижеславль, Звенигород и др.

1241, январь

Монгольские тумены вторгаются на территорию Польского королевства, переходят через реку Вислу и берут штурмом Люблин и Завихост.

1241, февраль

Один из крупнейших городов Польши Сандомир капитулирует перед монгольскими войсками.

1241,13 февраля

В сражении при Турске малолольская армия терпит поражение от монгольской конницы.

1241.10 марта

Байдар-хан переходит через Вислу близ Сандомира. Послав тумен Хайду-хана к Ленчице и Кракову, Байдар-хан развивает своё наступление вплоть до Кёльца.

1241,12 марта

Бату-хан во главе основных сил вторгается в пределы Венгерского королевства.

1241,18 марта

Хайду-хан наносит поражение объединённому краковскому войску под предводительством воеводы Владимежа и сандомирскому войску под предводительством воеводы Пакослава, прикрывавшим путь на столицу Малой Польши — Краков — близ Хмельникова и осаждает Краков.

1241, 28 марта

Падение Кракова.

1241, начало апреля

Объединённые силы Байдара и Хайду подходят к стенам столицы Силезии Вроцлаву (Бреслау).

1241, апрель

Венгерские феодалы убивают половецкого хана Котяна. 40 тысяч его подданных двигаются по направлению к Балканам, громя всё на своём пути.

1241, 9 апреля

Байдар-хан в ожесточённом сражении при Легнице уничтожает армию силезского короля Генриха Второго.

1241.11 апреля

На берегах реки Сайо монгольская армия под командованием Бату-хана сокрушает войска венгерского короля Белы Четвёртого.

1241, апрель

Монголы захватывают Буду, Пешт, Варадин, Арад, Перег, Егрес, Темешвар, Дьюлафехервар и другие венгерские города.

Король Бела в сопровождении скромной свиты обращается в бегство.

Монгольские тумены через горные проходы вторгаются в

Словакию.

1241, декабрь

Тумен Хадан-хана, двигавшийся по следам короля Белы, переходит через Дунай и за короткий срок захватывает Славонию, Хорватию и Далмацию.

Отряд, посланный Бату-ханом, вторгается в пределы Австрийского герцогства и доходит до Нейштадта.

1242, начало

До Бату-хана доходит известие о кончине великого хана Угедея.

1242, лето

Монгольские войска оставляют Далмацию и через территорию Боснии, Сербии и Болгарии направляются на Русь.

Завершение второго великого похода.

1243

Бату-хан объявляет о создании Золотоордынского государства со столицей в Сарай-Бату.

Библиография

На русском языке

1. Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XII–XIII вв. о татарах и Восточной Европе. //Исторический архив. Т. III. М.-Л… 1940.

2. Арсланова А. А Сведения Ала ад-Дина Джувейни о завоевании монголами Волжской Булгарии //Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань. 1988.

3. Базилевич К. В. История СССР до XV в. М., 1944.

4. Березин И. Н. Очерк внутренного устройства улуса Джучиева. ТВОИАО. Ч. 8. СПб., 1864.

5. Бескровный Л. Г. Хрестоматия по русской военной истории. М… 1947.

6. Бичурин Н. Я. История первых четырёх ханов из дома Чингизова. СПб., 1829.

7. Венков А. В., Деркач С. В. Великие полководцы и их битвы. Ростов-н/Д., 1999.

8. Вернадский Г. В. Монголы и Русь. М.-Тверь, 2001.

9. Веселовский Н. И. Лекции по истории монголов. СПб., 1909.

10. Воинские повести древней Руси. Под ред. В. П. Адрианова-Перещц. М.-Л., 1949.

11. Воронин Н. Н. Древнерусские города. М.-Л., 1945.

12. Воронин Н. Н. Переяславль-Залесский. М., 1948.

13. Всемирная история. Т. VIII. Крестоносцы и монголы. Минск, 2000.

14. Георгиева Т. С. История русской культуры. М. 2001.

15. Гомбожав. Ганга-ийн урусхал. (История Золотого рода владыки Чингиса.) Изд. текста, введ. и указ. Л. С. Пучковского. М., 1960.

16. Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1949.

17. Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Очерк истории улуса Джучи в период сложения и расцвета. М.-Л., 1937.

18. Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и её падение. М., 1998.

19. Григорьев В., Хандемир. История монголов. От древнейших времён до Тамерлана. СПб., 1834.

20. Грушевский М. С. Киевская Русь. СПб., 1911.

21. Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 2003.

22. Гумилёв Л. Н. От Руси до России. М… 2000.

23. Далай Ч. Монголия в XIII–XIV вв. М., 1983.

24. Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). М., 2001.

25 Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975.
26. Европа в XIII в. Карта. М., 1962.
27. Иб н — аль — Асир. Битва при Калке. //История Татарии в материалах и документах. М., 1937.
28. Иванин М. И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане. СПб., 1875.
29. Иванов А. И., Веселовский НИ. Походы монголов на Россию по официальной китайской истории Юань-ши. СПб., 1914.
30. Иванов К. И. Переяславль-Залесский. Ярославль, 1940.
31. Иловайский Д. И. История Рязанского княжества. М., 1868.
32. Ипатьевская летопись. М., 1871.
33. История Болгарии. Т. I. М., 1954.
34. История Венгрии. Т. I. М., 1972.
35. История Польши Т. I. М., 1954.
36. История России. М., 2001.
37. История СССР. Т. I. М., 1941.
38. История СССР. Т. I. М., 1956.
39. История Чехословакии. Т. I. М., 1956.
40. Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1988. Кн. I Т. 3.
41. Каргалов В. В. Монголо-татарское нашествие на Русь. XIII в. М., 1966.
42. Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1967.
43. Каргалов В. В. Народ-богатырь. М., 1971.
44. Каргер М. К. Древний Киев. Т. 1. М.-Л., 1958.
45. Киссель Ф. История города Углича. Ярославль. 1844.
46. Комарович В. Л. Рязанский летописный свод XIII в.
47. Краткая история СССР. Ч. I. М.-Л., 1963.
48. Кувшинов В. А. Монголо-татарское нашествие на Центральную Европу и Священная Римская империя. Канд. дисс. М., 1968.
49. Кузьмин А. Г. Рязанские летописания. М., 1965.
50 Курукин И. В., Волкова И. В., Леонов С. В. История отечества. М., 2003.
51. Ледерер Э. Татарское нашествие на Венгрию в связи с международными событиями эпохи. //АН. Т. II. № 1–2. 1953.
52. Ледерер Э. Венгерско-русские отношения и татарское нашествие. //Международные связи России до XVII в. М., 1961.
53. Лимонов Ю. А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. М., 1967.
54. Лихачёв Д. С. Русские летописи и их культурно-

историческое значение. М.-Л., 1947.

55. Лэмб Г. Чингисхан. Властелин мира. М., 2003.

56. Ляхов В. А., Анкудинова А. М. За землю русскую. Ярославль. 1980.

57. Ляхов П. Р. Великие полководцы. М., 2003.

58. Мавродин В. В. Очерки по истории феодальной Руси. Л., 1949.

59. Манусевич А. Я. Очерки по истории Польши. М., 1952.

60. Мерперт Н. Я… Пашуто В. Т., Черепнин Л. В Чингисхан и его наследие. //История СССР. 1962.

61. Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961.

62. Мункуев Н. Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. М… 1965.

63. Насонов А. Н. Монголы и Русь. (История татарской политики на Руси.) М.-Л., 1940.

64. Насонов А. Н. История русского летописания XI-нач. XVIII вв. М.-Л., 1969.

65. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л… 1950.

66. Очерки истории Ярославского края. Под ред. В. А. Ляхова. Ярославль, 1974.

67. Очерки истории СССР. Период феодализма. IX–XIII вв. М., 1960.

68. Патканов К. История монголов по армянским источникам. В 2-х тт. СПб., 1873–1874.

69. Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.

70. Пашуто В. Т. Героическая борьба русского народа за независимость. XIII в. М., 1956.

71. Пашуто В. Т. Очерки истории СССР. XII–XIII вв. М., 1960.

72. Пашуто В. Т. Внешняя политика древней Руси. М., 1968.

73. Плано Карпини Дж. История монголов. Рубрук В. Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло. М., 1997.

74. Полное собрание русских летописей. Т. X. Никоновская летопись.

75. Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. М.-Л… 1940.

76. Путилов Б. Н. Песня об Евпатии Коловрате. //ТОДРЛ. Т. XI. М.-Л., 1955.

77. Разин Е. История военного искусства с древнейших времён до I-й мировой империалистической войны. М., 1940.

78. Рашидад — Дин. Сборник летописей. Т. I–III. М.-Л., 1946–1960.

79. Русь в XIII в М., 1962.

80. Русь волшебная. М., 2004.

81. Рыбаков Б. А. Борьба Руси с Батыем. // Народ-богатырь. М., 1948.

82. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.

83. Рыбаков Б. А. Мир истории. М… 1987.

84. Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.

85. Сборник документов по истории СССР. Под ред. В. В. Мавродина. 4.1. IX–XIII вв. М… 1970.

86. Смирнов А. П. Волжские булгары. М., 1951.

87. Смирнов И И. Очерки социально-экономических отношений Руси. XII–XIII вв. М.-Л… 1963.

88. Соколов Б. В. Сто великих войн. Сер. «Сто великих». М… 2003.

89. Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. М., 1993. Кн. 1. Т. 2.

90. Сто великих битв. Сер «Сто великих». М., 2002.

91. Страницы боевого прошлого. Очерки военной истории России. М., 1968.

92. Строков А. А. История военного искусства. Рабовладельческое и феодальное общество. М… 1955.

93. Татаро-монголы в Азии и Европе. Сб. ст. Изд. 2-е. М., 1977.

94. Татищев В. Н. История Российская. Т. III. М.-Л., 1964.

95 Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1884, Т. II. М., 1941.

96. Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1959.

97. Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М., 1975.

98. Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. М., 2000.

99. Феннел Дж. Кризис средневековой Руси: 1200–1304. М., 1989.

100. Фроянов И. Я. Киевская Русь. Л… 1980.

101. Халбай Я. Чингисхан — гений. Улан-Удэ, 2001.

102. Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. Алма-Ата, 1992.

103. Хрестоматия по истории СССР. Т. I М.-Л., 1949.

104 Христианский мир и Великая монгольская империя. Материалы францисканской миссии 1245 года. СПб., 2002.

105 Хроника человечества. М., 1996.

106. Шевяков В. Н. Подвиг русского народа в борьбе против татаро-монгольских захватчиков. М., 1961.

107. Шишов А. В. Сто великих военачальников. Сер «Сто великих». М., 2002.

108. Шишов А. В. Сто великих героев. Сер. «Сто великих». М.,

2005.

109. Шушарин В. П. Половцы, Грузия, Русь и Венгрия в XII–XIII вв М., 1998.

110. Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 гг. В 2-х тт. СПб., 1889–1891.

На других языках

111. БазарсÌрэн Ж. Чингис хааны цэргийн байлдах арга, ухаан. //Военная тактика войск Чингис-хана. Улаанбаатар, 1993.

112. БНМАУ-ын тїїх. I боть. //История МНР. Т. 1. Улаанбаатар, 1966.

113. Болдбаатар Ж. Чингис хаан. III боть. «Хаадын сан» цуврал. //Чингис-хан. Сер. «Библиотека царей». Улаанбаатар, 1999.

114. Бор Ж. Монголын дипломат товчоон. 2 дахь хэвлэл. // Краткая история монгольской дипломатии. 2-е изд. Улаанбаатар, 1998.

115. Бор Ж. Монгол хийгээд Евразийн дипломат шастир. 2 боть. //История дипломатии Монголии и Евразии. В 2-х тт. Улаанбаатар, 2002,2004.

116 Далай Ч. Их Монгол улс. 1206–1260. Дэд дэвтэр. // Великая Монгольская империя. 1206–1260. Кн. 2. Улаанбаатар, 1994.

117. Лочин С. Алтан Ордны хаад. «Хаадын сан» цуврал. // Ханы Золотой Орды. Сер. «Библиотека царей». Улаанбаатар, 2000.

118. Мандир Т. Хорин нэгэн херег. //Двадцать один портрет. Улаанбаатар, 1990.

119. Монгол улсын тїїх. 5 боть. //История монгольского государства. В 5-и тт. Улаанбаатар, 2003.

120. Монголын нууц товчоо. 4 дэх хэвлэл. //Сокровенное сказание монголов. 4-е изд. Улаанбаатар, 1990.

121. Монгол цэргийн тїїийн товчоон. Тэргїїн, дэд боть. Ред. Ш. Жадамба. //Краткая история монгольской армии. Кн. 1–2. Под ред. Ш. Жадамбы. Улаанбаатар, 1996.

122. Нацагдор ж Ш. Чингис хааны цадиг //История Чингисхана. Улаанбаатар, 1991.

123. Нойман-Ходиц Р. Чингис хаан. //Чингис-хан. Софи, 2002.

124. Правдин М. Чингис хаан, тїїний в. //Чингис-хан и его наследие. Улаанбаатар, 2005.

125. Рэ К. Ж. Мянган жилийн тїїхэн хїн. //Человек тысячелетия. Улаанбаатар-Сеул, 1999.

126. Саундерс Ж. Ж. Монголын байлдан дагуулал. // Монгольские завоевания. Улаанбаатар, 1992.

127. Їлэмжийн их Чингис хаан. //Величайший Чингис-хан. Улаанбаатар, 2002.

128. Хартог Л. д е. Дэлхийг эзэгнэгч Чингис хаан. //Чингис хан — властитель вселенной. Улаанбаатар, 2004.

129. Цахилгаан Д. Батхаан. «Хаадын сан» цуврал.//Бату-хан. Сер. «Библиотека царей». Улаанбаатар, 2003.

130. KIaic V. Poviesti Hrvata. Zagreb, 1899.

131. Howorth H. H. History of the Mongols. London. Long-mans, Green & Co. 4 vols. 1876–1927.

132. Rinc. Le Panasiatisme au XIII siecle sous le Tchingis-Khan et ses generaux. (литогр.).

Чойжилжавын Чойсамба

Родился 22 декабря 1973 г. в Улаанбаатаре.

В 1995 г. окончил ИМО при МонГУ.

В 1994 1999 гг. работал главным редактором газет «Чёрная рука», «Скрытый мир», «Двое», «Голливуд» и др.

В 2000 г. награждён помётным орденом «Свобода печати».

В 2000 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Информационная заметка в монгольской печати: вопросы теории, практики и истории».

С 1997 г. преподаватель кафедры журналистики МонГУ.

Лучший молодой преподаватель МонГУ 2000 г.

Лучший молодой учёный Монголии 2003 г.

Член Международного наполеоновского общества (FINS). Автор более 10 монографий и учебных пособий и более 30 статей по журналистике.

notes

Примечания

1

Вернадский Г. В. Монголы и Русь. М.-Тверь, 2001, с. 9.

2

Болдбаатар Ж. Чингис хаан III боть. //«Хаадын сан» цуврал. Улаанбаатар, 1999. 133-136 дахь тал.

3

Brown E. G. A History ol Persian Literature under Tartar Dominion. Cambridge University Press. 1920. P. 4.

4

Болдбаатар Ж Дурд. зох. 144 дэх тал.

5

Болдбаатар Ж. Дурд. зох. 139 дэх тал.

Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 2003, с. 566.

Вернадский ГВ. Указ. соч., с 13.

8

Каргалов В. В. Монголо-татарское нашествие на Русь. XIII в. М., 1966, с 9.

9

Хартог Л. де Дэлхийг эзэгнэгч Чингис хаан. Улаанбаатар. 2004. 285 дахь тал.

10

Лэмб Г. Чингисхан Властелин мира. М., 2003, с. 245.

11

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II, М.-Л., 1960, с. 78.

БНМАУ-ын тііх. I боть. Улаанбаатар. 1966. 227 дахь тал.

13

Хартог Л. де Дурд зох. 193 дахь тал.

14

Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. СПб, 1884, с. 32–33.

15

Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. М., 1993. Кн. I. Т. 2, с. 670.

16

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950, с. 265.

17

Соловьёв С. М. Указ. соч. Кн. 1. Т. 2, с. 671.

Каргалов В. В. Народ-богатырь. М., 1971, с. 84.

19

Соловьёв С. М. Указ соч Кн. 1. Т. 2, с 671.

20

Каргалов В В Монголо-татарское нашествие на Русь, с 16.

Сто великих битв. М., 2002, с. 118.

Гумилёв Л. Н. От Руси до России М… 2000, с. 115.

23

См. в частности: Соколов Б. В. Сто великих войн. М. 2003, с. 122.

Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв). М,2001, с 122.

25

Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). М., 2001, с. 123.

Там же, с. 344.

Халбай Я. Чингисхан — гений. Улан-Удэ. 2001, с. 159.

Русь волшебная. М. 2004, с. 115.

Сто великих битв М., 2002, с. 118.

Соколов Б. В. Указ соч. с. 122.

31

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов М.-Л. 1950, с 267.

32

Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1988. Кн. I. Т. 3. Гл 8. Спб. 146.

33

Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и её падение. М., 1998, с. 150.

Данилевский И. Н. Указ. соч., с. 95.

35

Уолкер С. С. Чингис хаан. Улаанбаатар, 2001. 17, 25-26 дахь тал.

Каргалов В. В. Монголо-татарское нашествие на Русь, с. 17.

37

Лэмб Г. Указ. соч., с. 230.

Хара-Даван Э. Чнигис-хан как полководец и его наследие. Алма-Ата, 1992, с. 198.

Цит по: KIaic V. Poviesti Hrvata. Zagreb. 1899.

Соловьев СМ. Указ. соч Кн. 2 Т. 3. с. 142–143.

Венков А. В., Деркач С. В. Указ. соч., с. 185–194.

42

Болдбаатар Ж. Дурд. зох. 143 дахь тал.

Халбай Я. Указ. соч., с. 16.

Венков А. В., Деркач С. В. Указ. соч., с. 192.

45

Об с прискорбием писал один восточный историк: «Это выглядит как предопределение Судьбы: храбрейший лев должен был быть убит лисами». (An — N i s a w i Histoire du Sultan Djelal ed-Din Mankobirti. O. Houdas. Trans and ed. P. 230.).

Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. II. с. 65.

Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. II. с. 65.

Монголын нууц товчоо. § 270.

Цахилгаан Д. Бат хаан. // «Хаадын сан» цуврал. Улаанбаатар, 2003. 14–15 дахь тал.

Шишов А. В. Сто великих военачальников. Сер. «Сто великих». М., 2002, с. 145.

Монголын нууц товчоо. § 199.

Саундерс Ж. Ж. Монголын байлдан дагуулал. Улаанбаатар, 1992. 226 дахь тал.

53

См. подробнее: Гантулга Ц. Сïвэдэй бол Чингис хааны итгэлт жанжин мен. //Їлэмжийн их Чингис хаан. Улаанбаатар, 2002. 132–138 дахь тал.

Хартог Л. де. Дурд зох. 285–286 дахь тал.

Хара-Даван Э. Указ. соч., с. 202.

Rinc. Le Panasiatisme au XIII siecle sous le Tchingis-Khan et ses generaux. (литогр.) P. 29.

57

Письмо брата Юлиана о монгольской войне. //Исторический архив. М.-Л., 1940. Т. 3. с. 90.

БНМАУ-ын тїїх. I боть. Улаанбаатар, 1966. 255 дахь тал.

59

Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 1-12. М., 1816–1829. Т. 4. Гл. 1, с. 73.

Соловьёв С. М, с. Указ. соч. Кн. 2 Т. 3–4, с. 137.

Иваиин М. И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане. СПб., 1875, с. 180.

Каргалов В. В. Монголо-татарское нашествие на Русь, с. 24–25.

Там же, с 25.

Хартог Л. де. Дурд. зох. 263–264 дэх тал.

Мункуев Н. Ц. Заметки о древних монголах. //Татаро-монголы в Азии и Европе. Изд. 2-е. М., 1977, с. 396.

Хара-Даван Э. Указ. соч., с. 204.

Шишов А. В. Указ. соч., с. 146.

Анкудинова А. М., Ляхов В. А. Ярославский край в борьбе с полчищами Батыя //Северо-Восточная Русь в борьбе с монголо-татарскими захватчиками. Ярославль, 1981, с. 7-11.

Феннел Дж. Кризис средневековой Руси: 1200–1304 М.,1989, с 130.

Халбай Я. Указ. соч., с. 205.

Саундерс Ж Ж Дурд. зох. 91 дэх тал.

История СССР. Т. I. М., 1941, с. 64.

История России. М., 2001, с. 48.

Соколов Б В. Указ. соч.,с. 123.

Курукин И. В., Волкова И. В.,Леонов С. В. История отечества. М, 2003, с. 187.

Вернадский Г. В. Указ. соч., с. 57.

77

Гумилёв Л. Н. От Руси до России, с. 116.

Венков А. В., Деркач С. В. Указ соч, с. 180.

Коростовец И. Я. От Чингис-хана до Советской республики Краткая история Монголии с учётом новейшего времени. Улаанбаатар, 2004, с. 8.

Лэмб Г. Указ. соч., с. 267.

81

Лэмб Г. Указ. соч., с. 256–257.

Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. II. Стлб. 22.

83

Саундерс Ж. Ж. Дурд. зох. 91 дэх тал.

Смирнов А. П. Волжские булгары. М., 1951, с. 53.

Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. II. Стлб. 22.

Хара-Даван Э. Указ. соч., с. 204.

Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982, с. 469.

Вернадский Г. В. Указ. соч., с 58.

Хара-Даван Э. Указ. соч., с. 205–206.

Болдбаатар Ж Дурд. зох. 143 дахь тал.

Каргалов В. В. Монголо-татарское нашествие на Русь, с 27.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов М.-Л., 1950, с 286.

Воинские повести древней Руси М.-Л., 1949, с. 14.

Монгайт А. Л. Рязанская земля М, 1961, с 359.

95

По другой версии — посланный в Тверь за помощью. (См. Шишов А. В. Сто великих героев. Сер. «Сто великих» М., 2005, с. 210.).

Путилов Б. Н. Песня об Евпатии Коловрате. //ТОДРЛ. Т. XI. М.-Л., 1955.

Большая Советская Энциклопедия. Т. IX. М., 1972. Ст. «Евпатий Коловрат», с. 6.

История СССР Т. I М… 1956, с. 135.

Воинские повести древней Руси. М.-Л… 1949, с. 14.

100

Гумилёв Л. Н. От Руси до России, с. 117.

101

Исследователь А. Г. Кузьмин опровергает предположения других историков о помощи Новгорода великому князю. (См. Кузьмин А. Г. Рязанские летописания. М., 1965.).

102

Хрестоматия по истории СССР. Т. I. М, 1949, с. 139.

103

Каргалов В. В. Монголо-татарское нашествие на Русь, с. 26.

Саундерс Ж Ж Дурд. зох. 94 дэх тал.

105

Нойман-Ходиц Р. Чингис хаан. Софи. 2002. 73 дахь тал.

Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. II, с 36.

107

Гумилёв Л. Н. От Руси до России, с. 117–118.

Каргалов В. В. Монголо-татарскссе нашествие на Русь, с, 43.

109

Тизенгаузен В. Г. Указ соч Т. II, с. 36.

Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси М… 1968, с. 98.

111

Иванов А. И., Веселовский Н. И. Походы монголов на Россию по официальной китайской истории Юань-ши. СПб… 1914, с 4.

Каргалов В. В. Монголо-татарскссе нашествие на Русь, с. 54.

113

Ляхов В. А.,Анкудинова А. М. За землю русскую Ярославль, 80, с 44.

114

Некоторые исследователи считают, что монголы не дошли до Новгорода 70 км. (Венков А. В., Деркач С. В. Указ. соч., с. 184.).

115

Иванин М. И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане. СПб., 1875, с, 114–115.

Георгиева Т. С. История русской культуры М. 2001, с 57.

117

Там же, с. 60.

Георгиева Т. С. История русской культуры. М. 2001, с. 57–60.

119

Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и Великая степь, с. 499.

120

Гумилёв Л. Н. От Руси до России, с. 129–130.

Рыбаков Б. А. Мир истории. М… 1987, с. 273.

122

Каргалов В. В. Монголо-татарское нашествие на Русь, с. 67–68.

123

Гумилёв Л. Н. От Руси до России, с. 118.

Соловьёв С. М. с. Указ. соч. Кн. 2. Т. 3–4, с. 139.

Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и Великая степь М., 2003, с 468.

Ляхов В А… Анкудинова А. М. Указ. соч., с. 49.

127

Хара-Даван Э. Указ. соч., с. 207.

См. в частности: Каргалов В. В. Монголо-татарское нашествие на Русь, Черепнин Л. В. Указ. соч.

129

Венков А. В., Деркач С. В. Указ. соч., с 184–185.

130

Рашидад-Дин. Сборник летописей. Т. II. М.-Л., 1960, с. 39.

131

Плано Карпини Дж. История монголов. Рубрук В. Путешествие в восточные страны Книга Марко Поло. М… 1997, с. 74.

Арсланова А. А. Сведения Ала ад-Дина Джувейни о завоевании монголами Волжской Булгарии //Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань. 1988, с. 42.

133

Цит. по. Гумилёв Л. Н. От Руси до России, с. 120.

134

Полное собрание русских летописей. Т. II Стлб. 783.

135

Ипатьевская летопись. М., 1871, с. Б21.

Черепнин Л. В. Указ. соч., с. 197.

Толочко П. П. Киевская земля //Древнерусские княжества XII–XIII вв. М., 1975, с. 21.

Грушевский М. С. Очерк истории Киевской земли, с. 423–424.

139

Хрестоматия по истории СССР Т. 1. М., 1949, с. 140.

140

Полное собрание русских летописей. Т. X. Никоновская летопись.

141

Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв… с. 348.

Каргер М. К. Древний Киев. Т. I. М.-Л… 1958, с. 488–518.

Шевяков В. Н. Подвиг русского народа в борьбе против татаро-монгольских захватчиков. М., 1961, с. 30.

Каргалов В. В. Монголо-татарское нашествие на Русь, с. 82.

145

Всемирная история Т. VIII Крестоносцы и монголы. Минск. 2000, с. 487.

Каргалов В. В. Монголо-татарское нашествие на Русь, с 83–84.

Там же, с. 84.

Каргалов В. В Монголо-татарскке нашествие на Русь, с 88.

149

Полное собрание русских летописей Т. II. Стлб. 788.

Шишов А. В. Указ. соч… с. 149.

151

Русская история. С древнейших времён до наших дней. СПб., 2002, с. 48.

Пашуто В. Т. Монгольский поход в глубь Европы. //Татаро-монголы в Азии и Европе. Изд. 2-е М., 1977, с. 212.

153

Бор Ж. Монголын дипломат товчоон, 2 дзхь хэвлэл, УБ. 1998 126 дахь тал.

154

Mattew Paris. English History. (Trans, from the Latin by J. A. Giles.) London. H.C. Bonn. 1852. V 1. P 343.

155

Плано Карпини Дж История монголов. Рубрук В. Путешествие в восточные страны Книга Марко Поло, с 48.

Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XII–XIII вв о татарах и Восточной Европе. //Исторический архив. Т. III М.-Л. 1940, с. 81–82.

Халбай Я Указ соч., с. 210–211.

Пашуто В. Т. Указ. соч., с. 216–217.

159

Христианский мир и Великая монгольская империя Материалы францисканской миссии 1245 года. СПб., 2002, с 289.

160

Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях М.-Л… 1936, с. 54.

161

Regesta diplomatica nec non epistolana Bohemiae eft Moraviae T. 1 Pragae, 1855. № 1060. S. 502.

Венков А. В. Деркач С. В. Указ соч., с 191.

Халбай Я. Указ соч. с, 213.

Пашуто В Т. Указ. соч., с. 217.

Халбай Я. Указ. соч..с. 213.

Цит. по Правдин М. Чингис хаан, тіінній ев. Улаанбаатэр. 2005 174 дахь тал.

Klaic V. Poviesti Hrvata. Zagreb, 1899/

168

Монгол цэргийн тїїхийн товчоон. Тэргїїн боть. Улаанбаатар, 1996. 260 дахь тал.

169

Правдин М. Дурд. зох. 178 дахь тал.

Хара-Даван Э. Указ соч..с. 211.

171

Хартог Л. де. Дурд зох. 280 дахь тал.

172

Правдин М. Дурд зох 183–184 дахь тал.

173

Розанов С. П. Повесть об убиении Батыя //Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. XXI Кн. I Пг 1916, с 109-112.

Hermanni Altahensis annales, //MGH SS. T. XVII Hannoverae 1888 P. 394.

175

Цит по: Христианский мир и Великая монгольская империя, с 296.

Хара-Даван Э. Указ. соч, с 212.

177

Правдин М. Дурд. зох. 184 дахь тал.

Хара-Дзван Э. Указ соч. с 213.

Пашуто В. Т. Указ. соч, с 220.

180

Большая военная энциклопедия. М, 1984 Ст. «Оломоуцкая битва», с 513.

См: Novotny V Ceske dijiny. 1. Pt. 3 Prague. 1928.

182

Mattew Paris. English History. (Trans from the Latin by J. A. Giles) London, H.C Bonn, 1852. V. I. P. 347.

183

Op cit V. I. P. 348.

Лэмб Г. Указ соч., с 266–267.

185

Саундерс Ж. Ж. Дурд. зох. 100 дахь тал.

Annales S. Pantaleonis Coloniensis. //MGH. T. XXII. Hannoverae. 1888. P. 535.

187

Цит. по: Христианский мир и Великая монгольская империя, с. 291.

Mattew Paris. English History. (Trans, from the Latin by J A Giles.) London, H.C. Bonn, 1852. V. I. P. 131.

189

Historia Regni Fransiae. V. 28. P 208.

Mattew Paris. English History. (Trans, from the Latin by J. A. Giles.) London, H C. Bonn, 1852. V. I. P. 341.

191

Strakosch — Grassman G Der Einfall der Mongolen in Mitteleuropa in den Jahren 1241 und 1242. Inssbruck. 1893 P. 50–52, 147–148.

SpuIer B. Die Goldene Horde Die Mongolen in Russland 1223–1502 Leipzig. 1943 P. 20, 22–23.

БНМАУ-ын тїїх. I боть. УБ. 1966. 257 дахь тал.

Монгол улсын тїїх, 2-р боть УБ., 2003, 162 дахь тал.23.

195

Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и её падение. М.-Л… 1950, с. 58–59.

196

См… Шушарин В. П. Половцы, Грузия. Русь и Венгрия в XII–XIII вв. М… 1998.

Бартольд В. В. Batu-khan // Encyclopedie de I'lslam. P. 699.

Монголын нууц товчоо § 275.

199

Саундерс Ж. Ж. Дурд зох 99 дэх тал.

Вернадский Г. В. Указ. соч., с. 65.

201

Правдин М. Дурд. зох. 184 дахь тал.

Хартог Л. де. Дурд. зох. 281 дэх тал.

203

Мен тэнд. 285 дахь тал.

См. в частности: Манусевич А. Я. Очерки по истории Польши. М… 1952, с. 12.

205

Далай Ч. Их Монгол улс. 1206–1260. Дэд дэвтэр. Улаанбаатар. 1994 160 дахь тал.

Пушкин А. С. Поли. собр. соч. Т. 6. М… 1976, с. 360–361.

207

Чернышевский Н. Г. Поли. собр. соч. Т. 14. М., 1949, с. 48.

Пашуто В. Т. Указ. соч., с. 215, 222.

209

В. Т. Пашуто ошибается, так как к моменту смерти Угедея хан Хулагу не начинал своих завоеваний. Речь, очевидно, идёт о смерти другого великого хана — Мунке, того самого, который принимал участие в походе Бату-хана — *Ч. Ч.*

210

Там же. с. 222.

211

Гумилёв Л. Н. От Руси до России, с. 120.

Халбай Я. Указ. соч., с. 224.

213

Там же, с. 223.

214

Бор Ж. Монгол хийгээд Евразийн дипломат шастир. II боть Улаанбаатар, 2004, 214–215 дахь тал.

Георгиева Т. С. Указ. соч., с. 55.

Каргалов В. В. Монголо-татарское нашествие на Русь, с. 111–134.

Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана М, 2000, с. 237.

218

См Тихвинский С. Л. Татаро-монгольские завоевания в Азии и Европе // Татаро-монголы в Азии и Европе. Изд. 2-е, М. 1977, с. 16–17.

219

Цит. по: Тихвинский С. Л. Указ. соч… с 18.

См. в частности: Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и Великая степь, с. 484.

Howorth H. H. History of the Mongols. London. Longmans, Green & Co 4 vols. 1876–1927. V. I. P. X–XI.

Халбай Я. Указ. соч… с 229–230.

223

Лэмб Г. Указ. соч., с 241.